

ПЕРВАЯ КРОВЬ

ИГОРЬ ЧЕРЕМИС

МИР
СОВКОВОГО
ПЕРИОДА

Попаданец в прошлое, в свое собственное восемнадцатилетнее тело. Он плохо помнит историю, у него нет ноутбука со справочником по всему на свете, но он много чего в жизни повидал и готов попробовать повлиять на события, чтобы что-то изменить. На дворе 1984 год, скоро к власти придет Горбачев и всё станет неправильно. А ему нравится местное пиво и местные девушки, и он не готов отказываться от них ради амбиций каких-то политиков.

Глава 1. Общага с флагом

Однажды я долгое время был счастлив. Я делал то, что хотел, любые мои желания выполнялись в разумный срок, а еды было вдоволь. Весь мир крутился вокруг меня и существовал только ради меня, и чувство этого было очень приятно и вдохновляло на свершения, которые должны были сделать меня ещё более счастливым. Я не сдерживался, поскольку просто не знал, что это такое. Я был силен, красив, умен и сообразителен. И, пожалуй, удачлив.

А потом я родился.

Много лет спустя я узнал, что во время моего рождения я был всего лишь одним из трех с половиной миллиардов разумных обитателей планеты Земля. Остальная Вселенная и численность её населения была загадкой для всех — в том числе и для меня, — но и трех с половиной миллиардов хватало, чтобы почувствовать свою неуникальность. Конечно, на земле всегда имелось какое-то количество людей с манией величия, уверенных в том, что они равнее других, но я в их число не входил. Поводов не было.

Обычный город на Урале, с запасом напичканный крупными заводами — что-то осталось с войны, привезенное с западных окраин большой страны, что-то было построено уже после, когда начали готовиться к следующему конфликту. Когда я родился, про это столкновение уже предполагали, что оно будет последним, что оно окончательно решит проблему перенаселенности планеты и отбросит человечество обратно в каменный век. Военных и политиков эта перспектива не очень заботила. У них были причины с железобетонными — как продукция одного из заводов моего родного города — основаниями поступать именно так, а не иначе. Я этих причин и оснований не понимал, что не делало мне чести. В своё оправдание скажу, что таких, как я, было большинство из уже четырех миллиардов человек, и просвещать нас никто не торопился.

В целом жизнь катилась неторопливо и размеренно. Люди не умеют бояться вечно, в конце концов, они всё равно предпочтут ужасный конец бесконечному ужасу, как сказал один мудрый прусский майор. [1] Не все, конечно. Чаще всего страх просто становится частью бытия и находится где-то рядом, но на принятие решений влияет очень опосредованно. Люди не забывают о том, чего страшатся, но гораздо больше их начинает заботить простые и понятные вещи — что съесть на ужин, что посмотреть в кино и стоит ли ответить на взгляд вон той симпатичной девушки. Такие решения дают иллюзию того, что ты сам являешься хозяином своей жизни, хотя на самом деле твои поступки и их результаты определяют совсем другие люди и события. Люди, которых ты даже не знаешь, и события, о которых ты никогда не услышишь.

Осознание этого приходит не сразу и не ко всем. У большинства людей жизнь так и проходит за заботой о подходящем меню; у меньшинства случается более сложный выбор, который тешит самолюбие, но и только. При этом каждый человек считает, что уж он-то точно входит в меньшинство, но ошибается. Закон больших чисел строг, но он закон.

Я тоже ошибался. Я хотел быть космонавтом, но уже в детском саду понял, что слишком раскатал губу; большинство других героических профессий закрылись для меня после сломанного в первом классе правого запястья — и в ту же мусорную корзину оправились надежды стать музыкантом, хотя чуть позже я узнал, что и со слухом у меня была серьезная проблема. Перелом вышел очень неприятным, я целый год писал левой рукой и получал за

свои крокозябры «тройки» только из жалости, которую испытывала ко мне учительница. Потом я, конечно, перешел на правую, но хорошего почерка так и не добился.

Правда, это не помешало мне получить почти отличный аттестат и поступить в институт — но не в тот, в который я хотел, а в тот, в который точно проходил по конкурсу. Это тоже был выбор, который я сделал сам, хотя считал, что он был навязан мне внешними обстоятельствами — военкоматы гребли тогда всех подряд, и нужно было очень осторожно выбирать вуз, чтобы не сменить гражданскую одежду на кирзовые сапоги уже к концу первого курса независимо от убеждений.

Много позже я понял, что просто плыл по течению, не пытаюсь бороться с системой, а подстраиваясь под неё. Это было удобно и легко, даже в памяти ничего не задерживалось — только отдельные яркие моменты, которых я по большей части стыдился или даже ненавидел. Знания, полученные в институте, мне так и не пригодились; я занимался многим и ничем конкретно, был всем и ничем, и меня это устраивало. Я даже был в какой-то мере счастлив — делал почти то, что хотел, старался удовлетворять свои желания в разумный срок. Впрочем, я уже знал, что мир не вращается вокруг меня, поэтому странного не желал, умел сдерживать свои порывы. Я не был силен, красив и умен в той степени, в которой хотел, но мне этого было и не нужно.

Я просто проживал свою жизнь, которая закончилась внезапно и в самый неподходящий момент.

Я отработал очередную смену без происшествий и приключений на свою и своего верного «хюндая» задницы, заработал вполне приличную для одного дня сумму, быстро нашёл местечко на обычно забитой парковке у дома. И шёл в свою квартиру, где меня ждал наполовину рыжий кот, который хотел жрать, и который после еды, наверное, позволит мне погладить себя. А по телеку, возможно, покажут не самый паршивый эпизод того самого сериала про женщину-следователя, которую играет симпатичная, хотя уже и заметно староватая актриса.

Но где-то между парковкой и квартирой я внезапно перестал идти и начал лететь с невероятной скоростью непонятно куда, меня крутило, вертело и измельчало в мелкий фарш, как кусок свинины в мясорубке. Верх-низ и право-лево оказались перепутаны, а руки, ноги и голова превратились в нечто, существующее отдельно от тела, но одновременно и вместе с ним. И это было очень похоже на какой-то пиздец.

Финал этого путешествия ощущался как пробуждение от ночного кошмара, из которого долго не удавалось выбраться. Облегчение, смешанное с послевкусием от всех пертурбаций несчастного тела, которое — по факту — никуда не перемещалось и всё это время оставалось на одном и том же месте, в уютной и теплой кровати. Только сердце билось чаще, чем положено, да подушка вся была в неприятном липком поту. Я открыл глаза, чтобы окончательно определиться в реальном мире — и с трудом подавил желание тут же закрыть их.

Надо мной нависала самая безобразная рожа из всех, когда-либо виденных мною. Круглое лицо с нарочито грубыми чертами, нос картошкой, широкий щербатый рот и совершенно лживые глаза, наполовину скрытые под белесыми косматыми бровями. Но никакого отвращения рожа не вызывала, а её обладателя я знал слишком хорошо — пожалуй, даже лучше, чем хотелось. Чудище звали Демьяном, он был моим одноклассником в дважды знаменном ордена знак сутулого заборостроительном институте и соседом по комнате в общежитии на первых двух курсах. Потом я счастливо женился на москвичке и переехал в

хоромы её родителей на Полежаевской, где нам выделили свой угол, но это совершенно другая история. К тому же всё это происходило слишком давно и могло быть только абберрацией сознания.

Я почему-то хорошо помнил, что Демьян после второго курса наконец-то — все ждали, что это произойдет на год раньше, так как учёбу он не переносил органически — вылетел из института, сходил в армию и почти исчез из моей жизни, хотя и мелькал в ней урывками.

Наше с ним знакомство состоялось осенью 1983-го, когда я и поступил в тот самый заборостроительный и получил место в общежитии на краю Москвы. Мы с ним оба были первокурсниками, нас поселили вместе, выдав в качестве третьего жильца казаха Жасыма из какого-то Актюбинска; было непонятно, зачем казахам знания о строительстве заборов, но учился Жасым неплохо, да и по-русски говорил без акцента.

Вот только у меня шёл не 1983 год, а 2025-й, в котором наличие Демьянов не предполагалось. И уж тем более он не должен был нависать надо мной в момент пробуждения. Всё же с тех пор, когда такое было возможно, в моей жизни было три развода и десятка два переезда. Не говоря о том, что я точно знал — в начале девяностых Дёму зарезали то ли за дело, то ли по пьяной лавочке. В отличие от учёбы, к водке Демьян всегда относился положительно.

— Серый, ты чё орешь как ненормальный? — очень знакомым шепелявым голосом спросил этот покойник.

Спросил, судя по всему, меня. Да, в институте я был Серым — так меня прозвали буквально сходу, как и Дёму, только прозвище я получил не от имени, а от фамилии. Егор — очень простое имя, с которым особо не поизвращаешься.

— Кошмар приснился, — неопределенно ответил я и сделал вид, что проверяю трусы. — Вроде сухо, слава богу.

— Богу? Ты чё, в эти подался? — удивился Демьян.

— Дём, отвали, дай проснуться, — попросил я, втайне надеясь, что он свалит не только из поля зрения, но и вообще.

Всё же наличие рядом давно умершего человека немного напрягало.

— Какое проснуться, мы уже на пары опаздываем, а там Рыбка, она таких пистонов вставит, ещё и на сессии припомнит.

«Какая нафик рыбка?» — мелькнула в голове мысль, но я не успел её озвучить. В следующее мгновение я вспомнил это сам.

Слово «Рыбка» произносилась с большой буквы — это была женщина, которая имела фамилию Фишерман и преподавала у нас дифференциальные исчисления, жизненно необходимые каждому уважающему себя заборостроителю. Других подробностей этой личности память не сохранила — всё же в институте у нас было множество преподавателей, да и прошло с тех пор сорок лет. Кажется, она была относительно молодой — ей, наверное, и полтинника не исполнилось, когда она обучала наш курс, — и той ещё сукой — валила и отправляла на пересдачи недрогнувшей рукой буквально за малейшую ошибку, поскольку считала свой предмет очень важным. За опоздания к ней можно было заработать «черную метку», которая значительно понижала шансы сдать диффуры с первого раза. Я был уверен, что такой суровый подход к обучению был своеобразной мстью за прозвище — Рыбка, скорее всего, была в курсе, как её называли студенты. Лично я получил у неё зачет со второго раза, а экзамен сдал на «четверку» — и считал, что мне жутко повезло.

Но уважаемая Рыбка в конце восьмидесятых уехала в Израиль и, наверное, как-то там

устроилась, раз назад не вернулась. Да и лет ей сейчас было под девяносто — не тот возраст, чтобы курочать неразумных студентов разными непонятными штуками.

— Ты шутишь? Какая нафик Рыбка? — спросил я уже вслух.

— Не шутит, брат, — послышался ещё один узнаваемый голос. — Рыбка у нас сегодня.

Казах, кто ещё. Против своего прозвища Жасым особо и не возражал. Казах и Казах — кто же он, если не Казах. Как-то, уже курсе на пятом, Жасым признался, что при поступлении боялся, что кто-то сможет перевести его имя на русский — оно означало «чечевицу» и было чем-то вроде шутки то ли от родителей, то ли от более старшего поколения. Я тогда посочувствовал ему, но не спросил, в чем состоит эта шутка — и всегда жалел об том, что был ленивым и нелюбопытным. Но снова поговорить о личном нам так и не удалось — летом девяносто первого Жасым, так и не окончив аспирантуру, уехал в свой солнечный Казахстан по каким-то неопределенным обстоятельствам и в Москву не вернулся. Я же лишь надеялся, что он не заполучил там такую порцию национального суверенитета, которая была не совместима с жизнью. У граждан вновь созданных на обломках Союза стран вероятность такого исхода была очень велика.

— И ты тут, — вяло отреагировал я. — Смерти моей хотите? Сколько времени?

— Восемь, брат.

Рядом с мордой Демьяна появилось такое же круглое, но в целом благородно-восточное лицо Казаха.

— Орал ты знатно, — сообщил он. — Мы уж подумали, брат, что каюк тебе, надо скорую звать.

— Да, точно. Так перед смертью кричат, мне отец рассказывал, — поддакнул Дёма.

И соврал — он не мог без этого. Уличить Демьяна во лжи было сложно, врал он также естественно, как дышал, но если следовать нехитрому правилу — «не верь ничему», — то можно.

— Восемь? — переспросил я. — Ещё полчаса можно подремать.

На работу я всегда выходил в девять, а получаса на сборы — даже с учетом быстрого завтрака — мне хватало с запасом. Всё равно машина стояла под окнами.

Казах покачал головой.

— Сон, наверное, был очень плохой, брат? В девять пятнадцать у нас пары, а ехать сорок пять минут, если торопиться.

Мне очень не нравился этот разговор и не нравились мои собеседники, о которых я почти не вспоминал лет тридцать. Демьян и Жасым были слишком живыми и слишком молодыми на вид — как раз такими, какими я их помнил на первых курсах. Но они-то должны были видеть, что я уже старик? Пару месяцев назад я отпраздновал свой пятьдесят восьмой день рождения, и прожитые годы отчетливо выделялись на моем лице и на теле. Они не могли их не заметить. И не могли не понимать, что в моём возрасте о дифференциальном исчислении думать поздно.

— Хорошо, хорошо, встаю.

Лица соседей пропали из поля зрения, я напрягся и сел. Получилось как-то непривычно легко — не чувствовалось ни ломоты в суставах, ни пивного брюха, ни давно нетренированной спины. Всё получилось в одно движение — и вот я с удивлением осматриваю окружающую меня обстановку.

Я ожидал увидеть либо свою квартиру — просторную двушку в одном из челоуейников Новой Москвы, которую сумел приобрести после третьего развода. Ну или больничную

палату — если вспомнить, что прихватило меня на улице. Но я видел нашу комнату в общежитии, которую мы делили с Демьяном и Жасымом. И они сами никуда не делись — стояли и улыбались. Низкий и какой-то невдалый Дёма и широкий и мощный Казах, который один легко ворочал огромный деревянный шкаф, доставшийся нам от предыдущих поколений студентов. Помнится, он смог на своём горбу и без посторонней помощи протащить по лестничным маршам — лифт в общежитии вечно не работал — холодильник «Юрюзань», купленный нами вскладчину по случаю ещё в сентябре.

Небольшая комнатка — пять на три метра — с большим окном, у которого настолько рассохлась рама, что на зиму мы завешивали его одеялом. Вон оно лежит на подоконнике — видимо, вчера было тепло. Кровать Демьяна как раз под окном — он объяснял это тем, что родом из Заполярья и что ему холод не страшен. Врал, конечно, потому что вечно хлюпал носом, спасаясь водкой с перцем — не настойкой, а так, вприкуску. Его угол обклеен поверх обоев журнальными страницами с красотками в купальниках; в следующем году он станет фанатом евродиско и набор картинок изменится на Си Си Кэтч, Сандру, Сабрину, Саманту Фокс и других плохо отличимых внешне певиц с огромными сиськами и узкой талией.

Казах спал напротив меня вдоль стены с дверью в общий с ещё одной комнатой тамбур. У него всё было поскромнее — всего лишь тумбочка в изголовье да флаг Казахской ССР на стене; флаг был старого образца, без голубой полосы внизу, зато с названиями республики на русском и казахском языках. Националистом Казах не был, казахский язык знал лишь на уровне отдельных слов, но любил то впечатление, которое этот флаг производил на коменданта и на членов студсовета. Те почему-то были искренне уверены, что красное полотнище с надписью — это какое-то выступление против Советской власти, но доказать ничего не могли.

У меня на стене ничего не висело — по моим воспоминаниям, до конца первого курса я не нашел ничего достойного, чтобы повесить на свободное место, но, скорее всего, виной тому была моя обычная лень. Вот и порванные обои, которые, по-хорошему, надо бы подклеить, чтобы разрыв не пошёл дальше — но они так и остались в этом состоянии, когда я съезжал отсюда. Рядом с кроватью стояла моя кособокая тумбочка, а под ней я нащупал собственные изношенные до дыр тапочки. Глянул вниз и увидел ещё одну хорошо забытую вещь — у ножки кровати притулилась сумка из кожи молодого дермантина с ремнем и модной надписью «Спорт».

Я узнавал это всё, словно был здесь буквально вчера. Но ведь прошло уже сорок лет, кому пришло в голову восстанавливать нашу комнату в задрюканной общежитии? И что всё это значит?

— Эй, поторопись, брат, Рыбка, — напомнил Казах.

Демьян уже копался в завалах книг и тетрадей на своей тумбочке — видимо, пытался собрать набор для сегодняшних занятий.

— Хорошо, брат, — откликнулся я.

Вроде он не обижался на такие подколки.

— Иди уже, умойся хотя бы, а то на твою морду лица смотреть больно, — всё же огрызнулся Казах. И, подумав, добавил: — Брат.

Я хмыкнул, но ничего на это не ответил.

Всякие умывальные принадлежности нашлись в ящике тумбочки, а относительно свежее полотенце — обычное, вафельное, в клеточку — было обмотано вокруг никелированной спинки кровати. Ванная у нас была общая на обе комнаты нашего блока,

туда вела узкая дверь из тамбура — мне пришлось подождать, пока наши соседи, два татарина откуда-то из Башкирии, не пройдут на выход. Вот эти как раз были националистами, хотя всячески маскировались. Но при этом почти постоянно лопотали по-татарски, не пили спиртное, не ели свинину и не делились посылками с родины с очень вкусными — судя по запаху — эчпочмаками.

В ванной имелось зеркало, в которое я глянул первым же делом. Оттуда на меня посмотрел очень молодой я. Лицо у этого меня ещё не раздалось вширь, а под глазами не проявились тяжелые мешки. Этот я давненько не был в парикмахерской, и имел на голове настоящее воронье гнездо растущих в разные стороны волос. Я несколько минут всматривался в отражение, пытаюсь привыкнуть к мысли, что сейчас я выгляжу так, но так и не смог этого сделать. Меня всё больше мутило от осознания нереальности происходящего.

Я вздохнул, вытер лицо и вернулся в комнату.

— Что у нас сегодня?

— Алгебра, потом пара лекций по физике и час истории, — отозвался Демьян.

Так. Я напряг память, которая услужливо подсказала, что надо поискать в тумбочке. Там нашлись учебники по физике и истории, какие-то тетради, но ничего по алгебре не было.

— Блин, куда я дел эти диффуры? — спросил я в пространство.

— В сумку ты всё вчера бросил, — ответил Жасым. — Сразу, как мы домашку сделали, так и закинул. Посмотри.

Я немного удивился, но постарался не подать виду. Тот факт, что у нас в институте были домашние задания, начисто испарился из моей памяти. Про то, что я эти задания даже делал, я тоже благополучно забыл.

В сумке действительно обнаружился нужный том Лифшица, а также блочная тетрадь — модная и удобная, словно специально придуманная для студентов. Мать откуда-то притащила её с несколькими сменными блоками, когда я ездил домой после зимней сессии — вряд ли она просто купила эту роскошь в магазине. Хотя на коленкоровом блоке была цена — рубль двадцать, а блоки стоили по двадцать копеек. Недешевое удовольствие по тем временам, но таскаться с общей тетрадью на сорок восемь листов по каждому семинару и по каждой лекции было бы, наверное, дороже. Впрочем, я хорошо помнил, что в студенческие годы я не размышлял на эту тему, мне хватало и других забот, которые по прошествии многих лет просто позабылись.

Я щелкнул механизмом тетради и достал верхний лист, на котором было написано «Домашняя работа», дата — 12 апреля 1984 года, — мои имя с фамилией и номер группы. Затем шли какие-то смутно знакомые иероглифы, вроде бы связанные с числовыми преобразованиями, но я в душе не ебал, что они означают. Для работы таксистом дифференциальные уравнения не только не нужны, но и вредны.

Следующий лист начинался словом «семинар» и, очевидно, к домашке не относился. Я повертел лист с домашкой в руках в надежде на хоть какое-то озарение, но ничего подобного не произошло. Тогда я положил его на место и щелкнул зажимом. И буквально взвыл — мизинец попал под острые края одного из зажимов, которые буквально разодрали кожу в клочья. Всё же отечественная промышленность была склонна к производству средств разрушения, а не созидания, и к возможным травмам юзеров конструкторы относились с определенной долей пофигизма — мол, лес рубят, щепки летят. Я поднял ладонь, чтобы оценить ущерб, но внезапно замер и не среагировал даже тогда, когда капля крови попала

точно в середину какого-то особо заковыристого уравнения.

— Эй, брат, всё в порядке? — окликнул меня Жасым.

Я промолчал, продолжая тупо глядеть на кровь, которая набухла над ранкой. Потом я всё же встрепенулся, засунул палец в рот и почувствовал солоноватый вкус.

— Чертова тетрадка, — промычал я.

Но мои мысли были совсем не о ранении.

Дело в том, что пока я перебрасывался ничего не значащими репликами со своими былыми соседями по комнате, я сформулировал, как мне казалось, очень правдоподобную версию случившегося. По моей теории, я находился не в общежитии заборостроительного института, который окончил сто лет тому назад. И нет никаких Демьянов и Жасымов с серьезными татарами, а Рыбка не ждет меня на семинаре с оформленным по всем правилам домашним заданием.

Просто по дороге с парковки со мной что-то случилось — я не знал, что именно, но что-то неприятное. Например, меня сбила машина или я сам неудачно упал из-за скачка давления. Но отзывчивые прохожие вызвали «скорую», та отвезла бессознательного меня по назначению, в какую-нибудь клинику, где врачи в белых халатах начали готовить мою тушку к операции, накачав сверх меры различными обезболивающими и прочими препаратами, изменяющими сознание. И поэтому мне кажется, что я снова молод, здоров и красив, что у меня впереди целая жизнь, что Демьян ещё не погиб в глупой драке с местными аборигенами, а Жасым не уехал в свой Казахстан, чтобы сделать его самым независимым государством на свете.

В этом сне я опаздывал на занятия, на которые не должен опаздывать, и говорил с теми, с кем в своё время не договорил. Но айболиты скоро закончат свои печальные дела, разбудят меня, и я снова окажусь почти шестидесятилетним таксистом с кучей болячек, без семьи, но с четырьмя потомками разного пола, которые относятся к биологическому отцу очень и очень по-разному, но скорее плохо, чем хорошо. Правда, я не был уверен, что хочу просыпаться. Реальная жизнь всегда хуже фантазии.

Но во сне нет боли, и крови тоже нет. Там может быть предчувствие того и другого, но ничего не может заболеть, пока ты не проснешься. Во сне нет тела, которое можно поранить, и нет крови, которая может вытечь из раны. Во снах человек это дух бесплотный, проживающий странную жизнь в обстоятельствах, которые выдумывает мозг.

И когда я поранил палец, когда вскрикнул от внезапной боли, когда моя кровь капнула на ту самую домашку, что с нетерпением ждала Рыбка — в этот миг я осознал, что всё происходит по-настоящему. Не во сне, как я думал, а на самом деле. Я здесь и сейчас, в каком-то числе какого-то месяца тысяча девятьсот восемьдесят какого-то года. Неделю назад мне стукнуло восемнадцать, и мы неплохо напились по этому поводу, хотя и зря. У меня впереди ещё как минимум сорок лет жизни, и, возможно, я смогу прожить её чуть лучше, чем уже прожил один раз. Мне дали ещё один шанс. И я совершенно не представлял, как такое стало возможно.

Я вытащил палец изо рта и внимательно осмотрел его. Рана ещё кровила, но уже не так сильно. Я замотал её полотенцем и оглянулся на Дёму с Жасымом, которые смотрели на меня с некоторым недоумением.

— Какой сейчас день? — хрипло спросил я.

— Пятница, брат.

Я любил Казаха за его способность не задавать ненужных вопросов.

— Что ты там...

— Тринадцатое апреля? — бесцеремонно прервал я Дёму, но тот не угомонился.

— Ты чё, Серый... — начал было он, но замолк, когда тяжелая рука Жасыма легла на его плечо.

— Да, — кивнул Казах, — внимательно глядя мне прямо в глаза. — Всё нормально, Серый?

— Надеюсь, — искренне ответил я. — Вот, палец поранил, — я протянул вперед замотанную в полотенце руку, как бы доказывая свои слова. — А год какой? Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый?

— Да.

— Ты чё, из-за раны год забыл? — всё-таки влез Дёма.

— Да нет, — отмахнулся я. — Просто уточнил. Мало ли.

И демонстративно пожал плечами. Я уже принял окончательное решение.

— Слушайте, парни, я сегодня в институт не поеду, — сказал я. — Соврите там что-нибудь, а? Типа — приболел, простудился, лежит с температурой, пьет аспирин горстями и малиновое варенье жрёт ложками?

— Какое варенье?..

— Дём, отстань, — попросил я. — Никакое. Жасым, ты как? Скажешь?

— Да скажу, конечно, без проблем, — взгляд его стал ещё более цепким. — Но ты чего-то не договариваешь, брат.

— Многие знания — многие печали, — улыбнулся я. — Что-то мне сегодня лениво куда-либо выбираться. Не знаю... надо отлежаться, думаю, за выходные в норму приду.

— Понятно... — протянул Казах. — Ладно, твоё дело. Учти, что Рыбка не любит симулянтов, она сама на первом занятии говорила.

— Да и фиг с ней, — отмахнулся я. — Домашку мою отдайте, пусть увидит, что я трудился, не щадя живота своего...

Я вырвал лист с домашним заданием и с уже ставшей бордовой кляксой крови и протянул его Жасыму. Снова экспериментировать с защелкой, которая, видимо, разрабатывалась в качестве капкана на мелкую дичь, мне не хотелось.

— Твоё дело... — повторился Казах. — Дём, пойдём. Уж тебе-то точно нельзя пропускать Рыбку, иначе не видать тебе зачёта как своих ушей.

— Если их отрезать, он их может увидеть, — зачем-то сказал я.

Дёма опасно глянул на меня, подхватил сумку и скрылся за дверью. Казах чуть замешкался.

— Ты точно в порядке? — спросил он.

Я знал, что это не показуха — он действительно волновался. Казах вообще был самым добрым из нас троих.

— Думаю, да, — улыбнулся я. — Или буду — к тому времени, как вы вернетесь с победами и пятёрками.

— Какие там пятёрки... — отмахнулся он. — Ладно, приходи в себя.

И тоже ушел.

А я ещё минут десять стоял столбом посреди комнаты, не представляя, что на меня нашло и где я очутился. И, самое главное, почему.

[1] Фердинанд фон Шилль, участник Наполеоновских войн, герой Германии

Глава 2. Ничейная собственность

Кухни в нашей общаге были на каждом этаже, но на моей памяти почти никто по прямому назначению их не использовал. Абитуриенты, зачисленные в славные ряды заборостроителей, первым делом приобретали вкладчину какую-нибудь простенькую электрическую плитку и готовили еду у себя в комнате. Просто потому, что студент, решивший, допустим, пожарить картошку на общей кухне, привлекал целую толпу халявщиков.

Конечно, никто не отбирал у них нажитое непосильным трудом — видимо, это считалось неспортивным. Но и чтобы просто отказать паре-тройке весьма прожорливых рыл, на которых не действовали никакие разумные доводы, нужно было обладать незаурядной смелостью и силой воли на уровне, недоступном первокурсникам. Это уже потом, после первого же Нового года, чувство такта, стеснительность и стремление помочь ближнему исчезали у обитателей общаги как ненужные и вредные атавизмы. Но в самом начале нелегкого студенческого пути они — ну или мы — были пугливы, стеснительны и боялись пререкаться с взрослыми, которыми выглядели с точки зрения вчерашних школьников все старшекурсники.

По комнатам халявщики почему-то не ходили.

В общем, кухня большую часть времени пустовала и использовалась не совсем по прямому назначению. Девушки, например, кипятили там бельё или вываривали в больших баках джинсы, наводняя коридор отвратительным запахом хлорки — это уже к концу десятилетия, сейчас джинсы недоступная роскошь. Но чаще всего кухни использовались как курилки, особенно по холодной поре, когда на большие балконы пожарного хода выходили, лишь закутавшись в шубы.

В принципе, народ курил и в комнатах; это не поощрялось, но кто в студенчестве обращал внимание на какие-то там запреты и ограничения? Значение имело лишь мнение соседей — если они разделяли увлечение сигаретами, то дымить можно было всем вместе, не совершая утомительных телодвижений к месту курения.

Наша комната на первом курсе была некурящей. Дёма иногда баловался, я тоже пробовал, а вот Жасым лишь качал головой, глядя на наше стремление побыстрее повзрослеть. Казах, кстати, так и не закурил до самого отъезда — а что с ним стало на родине, я не знал. Сам я некоторое время серьезно курил на втором курсе, но бросил, познакомившись со своей первой женой. Потом несколько раз начинал снова, особенно в тяжкие периоды разводов или проблем на работе, но бросил окончательно, когда такси превратилось в цивилизованный сервис.

Но сейчас сигареты были мне нужны.

У меня их не было, но вот у Дёмыча в тумбочке запас имелся — и не какая-то там «Прима» или «Беломорканал», а пачка очень цивильной болгарской «БТ», которые в те годы считались «дамскими» и «легкими» — конечно, только по сравнению с продукцией моршанской табачной фабрики. Стоили они целых восемьдесят копеек и для студенческого бюджета были непомерной нагрузкой; я, например, в редкие периоды интенсивного курения на первых курсах обходился более демократичными «Ту-134» или «Стюардессой» — они стоили как «Ява», но были много мягче, и в них не было пеньков вместо табака. Но наш Демьян был парнем богатым. Он приехал из закрытого городка на Севере, его отец занимал

достаточно высокую должность и сына материально поддерживал, хоть давно и ушел от них с матерью. В общем, деньги у Дёмы периодически водились, вот только тратил он их как-то бестолково, потому что периодически перехватывал рубль-другой до перевода с родины.

В комнате я решил не дымить и отправился на кухню. Уселся в этом царстве Цзао Цзюня прямо на пол, прислонившись спиной к ребристому радиатору батареи, и закурил. Выпустил большой клуб густого дыма, почувствовал подзабытое ощущение в глотке и чувство невыразимого удовольствия. И начал думать.

В первую очередь я вспомнил про теорию червоточин. В моём будущем её продвигали как одну из самых вероятных основ для создания машин времени или телепортации на космические расстояния, был даже какой-то фильм на эту тему

Теория любопытная и с её помощью некоторые сомнительные личности объясняли, например, пропажу людей. Правда, счет таких пропавших только у нас, в России, шел на сотни тысяч ежегодно, а что творилось в мире — бог весть. Каких-нибудь африканцев или жителей латиноамериканской пампы вообще никто не считал, а в миллиардных Индии и Китае регулярно исчезали, наверное, миллионы граждан.

подавляющее большинство пропавших обнаруживались сами. Кто-то по пьянке улетел в Питер, на 3-ю улицу Строителей, дом 25. Кто-то тупо бежал от кредиторов — особенно если этими кредиторами были некие серьезные ребята с серьезными лицами — или от алиментов. Кто-то с детства был склонен к перемене мест, но забыл хоть кому-нибудь поведать об этой своей особенности.

Иногда потеряшек находили, но не сразу, а спустя десяток лет, и были они, как правило, жертвами криминальных разборок, исполнители которых постарались хорошенько замести следы преступления. Примерно полпроцента от общего числа пропавших не всплывали никогда. Большинство из них — те же жертвы преступлений, только спрятанные очень хорошо. Но какую-то долю малую этих пропавших можно было списать как раз на червоточины.

Разумеется, всерьез я в эти червоточины не верил — чтобы внести заметный вклад в исчезновение людей, их количество должно быть запредельным. Вселенная всё же слишком велика для того, чтобы всё пока не познанное крутилось вокруг Земли, крошечного булыжника, летающего в пустоте вокруг среднестатистической звездочки типа G2V на задворках не слишком примечательной спиральной галактики в одном из тысяч скоплений. Мест для аномалий в наблюдаемом Мире — с избытком, и теория вероятностей не на стороне человечества. Но в бесконечной вселенной происходит бесконечно большое число событий, и какие-то из них, наверное, случаются и на Земле.

Правда, червоточинам должно быть плевать, в какой части земной коры появляться и что отправлять в путешествие по пространству-времени. Это может быть кусок железа из внешнего ядра или набор силикатов и оксидов из нижней мантии. Пара ведер песка с бархана пустыни Намиб или заснеженный осколок Эвереста. Несколько бочек морской воды — что гораздо вероятнее Эвереста, учитывая соотношение суши и океана. В общем, выбор у червоточин огромный — как и набор точек прибытия. Ведь никто не найдет попавшего в такую переделку человека, если его выкинет в окрестностях какого-нибудь квазара.

Но иногда вероятности выстраиваются в нужном порядке, и всё складывается относительно удачно — если, конечно, подобное можно назвать удачей. Я посчитал, что это мой случай.

Правда, в прочитанных статьях речь шла о путешествии через червоточины физических

объектов, а не отдельно взятого сознания, но ничего другого для объяснения случившегося я придумать не мог. Всё же многолетний труд в качестве младшего обслуживающего персонала наложил свой отпечаток на моё мышление и живость моего ума. Хорошо, что про червоточины смог вспомнить.

Впрочем, мои рассуждения пытались пойти дальше. Я даже представил, что мирозданию, чтобы переместить меня в нужный момент, пришлось обнулять сорокалетние перемещения Солнечной системы по галактике Млечный путь, Млечного пути по отношению к другим галактикам и вообще всех массивных и мелких объектов во вселенной. От того, какие масштабные силы были задействованы в этой простой на вид операции, у меня даже заболела голова, и я тихонько застонал.

Но способ прибытия из осени 2025-го в весну 1984-го был не слишком важен — хотя и представлял определенный интерес на случай, если я захочу вернуться обратно. Вот только возвращаться мне было незачем — никаких заметных высот в жизни я так и не достиг, достижениями не обзавелся, и уж если мне дали шанс попробовать ещё разок, то кто я такой, чтобы отказываться? Сейчас я молод, относительно красив и даже в меру здоров — а если не пренебрегать умными советами специалистов, то два последних состояния могут затянуться надолго.

И ещё интересно было бы понять, почему условная вселенная посчитала необходимым закинуть мой сознание именно в это время.

С любой точки зрения ничего примечательного в апреле 1984 года не было. Конечно, именно в этом году происходило действие знаменитого романа Орвелла или как его там, но мало ли когда и что происходит. В США готовится ко второму сроку злобный актер Рональд Рейган. В Советском Союзе самый финал многолетнего брежневского застоя, который продлится ещё минимум год; у руля страны стоит Константин Устинович Черненко, он помрёт то ли в марте, то ли в апреле 1985-го, оставив СССР в руках Горбачева. Горбачев сразу же озвучит свои «апрельские тезисы», где расскажет про Perestroika, затем он же объявит «гласность», а с провозглашением «ускорения» всё советское житьё-бытьё с огромной скоростью понесется в пропасть.

Как и другие люди доброй воли, я не особо любил Горбачева. Моё поколение было уверено, что именно он развалил Советский Союз и проиграл Холодную войну; многие считали его предателем — ну или человеком недалеким, чем и воспользовались другие, темные силы. И то, и другое было плохо, особенно для того, кто взвалил на себя ответственность за судьбы трехсот миллионов человек, а потом бросил их. Но это были эмоции. На самом деле я не знал, как относиться к развалу Союза; да, это была «геополитическая катастрофа», как говаривал один из наших вождей, но в нынешнем виде СССР был не нужен никому, в том числе и самому себе.

Что в этих условиях должен делать я — единственный человек во всём мире, который точно знает то, что произойдет в ближайшие сорок лет? Было искушение донести всю правду до того же Черненко, чтобы он принял меры и, например, отправил Горбачева убирать снег где-нибудь в Магадане. Но я вряд ли смогу повлиять на дату смерти самого Черненко, и никто не даст гарантии, что тот, кто встанет у руля вместо Горбачева, начнет резко переживать о судьбах страны и населяющих её людей. Может оказаться так, что всё пойдет по совсем плохому сценарию с какими-нибудь чрезвычайно ужасающими последствиями. И это несмотря на то, что события, которым я стал свидетелем, просто прожив жизнь, сделали бы честь самому черному роману Стивена Кинга. Вот скажу я тут

кому-нибудь про русско-украинскую войну или глобальную эпидемию неизвестного гриппа, с которой ничего не могли поделать лучшие врачи мира, про черный кратер неизвестной природы на месте Германии и половины Польши — и быстро окажусь на Канатчиковой даче, где буду жрать таблетки и смотреть телевизор до полного просветления.

Наедине с самим собой я мог признаться, что был плохо знаком с историей. Стойкое отвращение к этой науке я заработал как раз на первом курсе института, где нам преподавали нечто под названием «История КПСС». Предмет был безумно скучным, состоял из зазубривания многословных и путаных решений различных съездов и конспектирования работ основоположников — в основном, конечно, Ленина и Брежнева.

Впрочем, плохое знание истории не мешало мне участвовать в различных диспутах в сети, рассуждать о причинах распада Советского Союза и о том, что надо было идти по китайскому пути — в моё время в интернетах этим занимались все поголовно. Но всё это было лукавством. Мои слова были пустыми чуть более чем полностью, за ними не стояли никакие исследования; я даже не знал, в чем заключается пресловутый «китайский путь». Фактически я пересказывал своими словами прочитанные мнения людей, которые, скорее всего, сами были не в курсе того, что тогда происходило, и пытались объяснить случившееся, используя термины, которые хоть немного понимали. К тому же рассуждать в интернетах это одно, а влезать в большую политику самому и без понимания внутренних процессов во властных коридорах было попросту опасно — вполне можно было лишиться головы или, поскольку Сталина на меня нет, отъехать на поселение в тот самый Магадан без права переписки.

Ни тот, ни другой исход меня не устраивал.

Я обратил внимание, что закурил уже третью сигарету — и совершенно не помнил, как закончились две предыдущие. Всё же дым хорошо расчищал дорогу различным мыслям, а размышления о будущем оказались очень забавными. Я полностью выпал из реального мира, и слава богам, что сейчас большинство студентов находилось на занятиях и не могли прервать моё уединение. Наверное, я мог бы нарычать на незваного визитера или даже полезть в драку — хотя и считал себя беззлобным человеком.

Был ещё один, возможно, самый лучший вариант: я мог вообще ничего не делать, чтобы предотвратить будущие события. Это было легко; я очень хорошо умел ничего не делать. Пусть Черненко спокойно скончается, когда наступит его срок; пусть придет Горбачев и объявит перестройку с ускорением и гласностью. Пусть примет все соответствующие указы, которые приведут к тому пиздецу, который будет твориться в конце восьмидесятых и в девяностые. А я, зная будущее, буду пользоваться плодами этих знаний. Например, организую кооператив, через который получу некую — возможно, даже весьма приличную — сумму денег. Вовремя обменяю эти деньги на вечнозеленые доллары и буду поплевывать на своих сограждан, которые растерянно будут глядеть на свои дешевеющие с каждым часом рубли. В приватизацию влезать, наверное, не буду — среди тех ребят, что ею занимались, была повышенная смертность, обычно от отравления свинцом.

Есть много других способов озолотиться. Можно умыкнуть — ну или честно своровать, с разделом прав — «Тетрис» у Пажитнова и свалить на благословенный Запад. А там найти инвесторов и считать прибыль, которая будет постоянно капать на счет до появления более продвинутых компьютеров и игрушек. До нулевых «Тетрис» точно будет вне конкуренции. Я как-то читал историю лицензирования этой игрушки — там был настоящий шпионский детектив с бездарным разбазариванием социалистической собственности, действие которого

развернется совсем скоро, буквально в следующем году. Пользуясь своими знаниями, я могу оказаться первым в очереди и снять все сливки.

Я несколько минут покатал в уме идею скорого отъезда на Запад, и отбросил её как слишком сложную для апреля 1984-го. Через год или два это будет много проще, а сейчас ещё слишком сильна традиция наказывать перебежчиков по всей строгости закона — ну или не его самого, а родных и близких, если компетентные органы по каким-то причинам не могут добраться до виновника переполоха. Я не хотел неприятностей своим родителям; помнится, у шахматиста Корчного даже сына посадили — на всякий случай. Времена сейчас, конечно, травоядные, но у системы имелось немало способов испортить жизнь врагам трудового народа. Вроде как раз в эти годы академик Сахаров в Нижнем — вернее, в Горьком, конечно — активно сражался за своё право нести всякую чушь. И кто-то прямо сейчас думал о том, чтобы лишить гражданства и созданного им театра худрука Таганки Любимова, причем заочно, поскольку сам худрук уже года два обитал где-то за границей. И такой судьбы я не хотел, хотя и понимал несоразмерность уровня Сахарова или и первокурсника какого-то занюханного института. Меня, скорее всего, просто походя прихлопнут — и никто этого не заметит. Травоядные времена совершенно не предполагают травоядных методов борьбы со злом. Расстрел сейчас считался вполне приемлемым способом наказания.

К тому же просто так оказаться в мире чистогана и гнивающего капитализма в 1984 году было сложно, хотя, разумеется, ничего невозможного в этом не было. У меня были смутные воспоминания о туристических путевках, которые можно было получить по профсоюзной линии, но чаще всего такое случалось только в кино. В реальности на океанском лайнере из комедии Гайдая должен был поплыть не скромный экономист треста «Гипрорыба», кто-то из коллег Козлодоева по преступному ремеслу. Правда, всегда оставались варианты простого и незатейливого побега — они включали преодоление приграничных укреплений и прочие шпионские штучки, но я не считал, что готов к подобным экспериментам над собой. Тем более что один из вариантов развития событий в этом случае предусматривал смерть несчастного беглеца.

В общем, идею эмиграции я отбросил, как утопическую. Но про Пажитнова зарубку в памяти оставил — надо будет его найти и договориться с ним о возможной концессии, лишним это точно не будет. Мало ли как жизнь повернется.

Полностью посвятить себя третьему варианту, то есть предаться блаженному ничегонеделанию и лишь считать бабло, мешало одно обстоятельство. Участие в будущем переделе собственности было сродни войне — и не только по числу жертв этого передела. Я слышал рассказы о людях, которые сумели вовремя спрыгнуть, сохранить какой-то кэш в уцелевших зубах и пальцах и счастливо прожить остаток жизни в тропической стране. Но я не был уверен, что смогу учесть все вводные, купировать все угрозы — и сделать это в нужный момент. Во время войны промедление смерти подобно: стоит чуть замешкаться — и ты уже труп.

К тому же для войны всегда и во все времена нужны были три вещи — деньги, деньги и ещё раз деньги. Но как раз денег у меня не было — в институте я как-то ужимал свои потребности до размеров невеликой стипендии и нерегулярных переводов от родителей, потом постоянно работал, чтобы было, что поесть и во что одеться. У меня никогда не было капиталов и больших заначек, а истории о том, как в перестройку народ из ничего делал миллионы, я считал выдумками. Гораздо больше доверия у меня было к рассказу одного

знакомого о том, что будущего олигарха Ходорковского — он как раз сейчас служил комсоргом в соседнем институте — вызвали в райком партии и выделили ему от щедрот полмиллиона деревянных наличкой с наказом превратить их в нечто весомое. А полмиллиона сейчас это просто писец как много. Собрать такую сумму я не смогу никогда, даже если раздену в преферанс всю нашу общагу и научу играть Дёму, чтобы деньги его папы шли не на водку и девок, а на благое дело.

Я немного помечтал о том, как в каком-нибудь темном переулке поздно вечером караулю Ходорковского после визита в райком — ну а там как в известном фильме, бритвой по горлу и в колодец. Впрочем, можно и так оставить, поскольку в этом времени нет натяканных везде камер наблюдения, а от случайных свидетелей я поберегусь.

Правда, все варианты моих метаний меркли перед очень вероятной службой в армии. В восьмидесятые советское государство было достаточно сильным, чтобы неукоснительным образом выполнять свои желания; это касалось, в том числе, и призыва на военную службу, откосить от которого было можно, но сложно и дорого. Четвертый год шла Афганская война, к тому же до призывного возраста добрались внуки немногочисленного по понятным причинам военного поколения. Поэтому военкоматы гребли всех — в том числе и студентов, которые от остального призывного контингента отличались тем, чтобы были оторваны от родни и сконцентрированы в одном месте, что было очень удобно. Я помнил, как мои одноклассники обсуждали институты, из которых точно «не загребут», но позже узнал, что угадать было невозможно — списки вузов с «броней» часто менялись, видимо, чтобы никто не ушел обиженным. И служить отправлялись все — даже заядлые пацифисты, не сумевшие вовремя озаботиться «белым билетом». Закончилась эта вакханалия как раз к тому моменту, когда мой курс получил диплом, а следующая волна накатила лишь в середине девяностых — но к тому времени я уже вышел из призывного возраста.

Нашему потоку заборостроителей повезло. Тех, кто был на год старше, призвали почти всех — кто-то рассказывал мне, что в некоторых группах второго курса занимались — вернее, прямо сейчас занимаются — одни девчонки. Призывали и тех, кто пришел после нас, но там выдергивали уже выборочно и, как правило, не слишком успевающих студентов вроде Дёмы. А мы проскочили в какую-то узкую щель бюрократического формализма, осознать которую нам тогда не хватило мозгов.

Но для меня-нынешнего вопрос с армией был очень важен. Дело в том, что мне не хотелось проходить заново всё прикладное заборостроение и не хотелось вспоминать, что мы учили на первом курсе. До сессии оставалось всего два месяца, а я за сорок лет забыл буквально всё. Но если я брошу институт и займусь чем угодно, кроме учебы, то через какое-то время меня пригласят на улицу Свободы, в одно забавное здание из красного кирпича, и поставят перед фактом совсем не развлекательной экскурсии в действующую армию. В мои планы это не вписывалось — ни в план с первоначальным накоплением капитала, ни в вариант с ничегонеделанием, ни с рассказом руководству страны об их ошибках. Хотя вот руководство меня никуда не отпустит, а, скорее, сдаст в КГБ на опыты, если вдруг поверит в мои сказки. Надо же — русско-украинская война, ха!

И как найти выход из этой ситуации, я не знал.

— Тыбы хто? Я Ал... лочка...

Голос был женский, хриплый и совершенно нетрезвый. Я поднял голову.

В кухонных дверях стояла девушка. Кажется, она была старшекурсницей — выглядела очень взрослой и даже старой для меня-нынешнего, хотя и казалась младше из-за

небольшого роста и хрупкого телосложения. Она не была красивой — только симпатичной, если под этим термином понимать отсутствие явных уродств. А вообще она напомнила мне царевну-лягушку — в тот недолгий промежуток времени, когда та превращалась из царевны в лягушку и обратно. Но это сходство её ничуть не портило. Портил её разбитной и слегка потасканный вид. Но в этом не было ничего удивительного — судя по всему, в ней плескалось некоторое количество алкоголя, превышающее её норму раз в десять. На голове у неё были какие-то намеки на модную причёску в стиле «взрыв на макаронной фабрике», а одета она была в ярко-синий махровый халатик до середины бёдра и в розовые мохнатые тапочки. [1]

Она держалась за дверной косяк, но всё равно её заметно штормило.

Девушку я не узнал, но ничего удивительного в этом не было. До середины второго курса я мало общался со старшими студентами, а к моменту моего осознания их существования она, возможно, уже окончила институт и съехала из общаги. Или просто сказывались прожитые мною сорок лет.

— Егор, очень приятно, — неприятливо буркнул я.

Пьяные женщины мне не нравились.

Она оторвалась от косяка и нетвердой походкой двинулась ко мне. Я напрягся, но ничего страшного не произошло. Девушка остановилась в паре шагов от меня и чудом сумела сфокусировать на мне взгляд своих серых глаз — но лишь на какое-то неуловимое мгновение. Она действительно была очень сильно пьяна.

— Егор... Очень Приятно... — вдруг глупо хихикнула она. — Ты такой милый...

Она попыталась, видимо, погладить меня по щеке, но промахнулась и едва не завалилась на бок — я успел протянуть руку и удержал её в вертикальном положении. Девушка мотнула головой и резким движением оттолкнула меня. От этого его потащило в другую сторону, и я снова ей помог. Она снова этого не оценила, но я был готов и просто силой удержал её на месте — всё же на моей стороне было преимущество в росте и весе.

Наступило молчание, которое мне не очень нравилось.

— Оч... приятно... — наконец выдавила она.

Я кивнул, не найдя достойного ответа. Говорить мне с ней было не о чем, да и не хотелось. У меня были более глобальные проблемы, которым беседы с пьяными старшекурсницами только мешали.

Я отпустил её локоть и пробормотал:

— Я пойду.

Но меня не услышали. Алла — если её так звали — снова потянулась руками к моему лицу, снова промахнулась и снова начала заваливаться. Но на этот раз я не успел ничего предпринять — просто был не готов. И она по широкой дуге отправилась в недолгий полет, который предсказуемо закончился неприятным стуком её затылка о кафель кухонного пола. Я сделал быстрый шаг вперед и всмотрелся в её лицо, которое прямо на моих глазах меняло цвет — с серого на светло-красный, — и дальше действовал на инстинктах. Я подхватил её подмышки, приподнял, наклонил... И с силой сжал локти.

Её вырвало.

Она тихо простонала и обмякла. Я еле удержал её небольшое тельце, перехватил её под руку и осторожно отодвинул от лужи рвоты. Но под девушкой уже расплзалась другая лужа — желтовато-прозрачная. Я отодвинулся ещё дальше, но лужа никуда не делась и продолжала увеличиваться. Я снова подвинулся, но лужа опять двинулась за нами.

Потребовалось ещё четыре шага, чтобы Алла иссякла.

Первым моим побуждением было бросить её здесь. Но я слышал звук удара её головы об пол, и он мне не понравился; впрочем, крови на затылке не было, а всё остальное вроде не страшно, если я правильно помнил уроки первой помощи. Но мне не хотелось, чтобы кто-то нашёл её вот в таком виде — обмочившуюся, пьяную и без сознания. Мне почему-то стало её жалко.

От кухни до нашей комнаты было ровно двадцать четыре шага. С девушкой подмышкой я ввалился в тамбур, затащил её в ванную и умыл, разбрызгивая воду. Потом прислонил её к стене, опустился на корточки и одним рывком снял обосанные трусы и бросил их на пол. Туда же спустя несколько мгновений отправился и халатик, который она тоже умудрилась обоссать, да ещё и рвотой испачкать. Не обращая внимания на то, что передо мной находится совершенно голая женщина, я усадил её на пол, а сам пошел за одеждой.

Я добыл из шкафа запасные треники и старую рубашку, которую порвал ещё в сентябре — на выход она не годилась, но в общаге использовалась — и вернулся к девушке. Прихватил и полотенце — оно, конечно, было далеко не свежим, но вряд ли Алла в состоянии это понять.

Каким-то чудом ничего не свернув, я запихал её в ванну и вспомнил, что не подобрал температуру воды. Естественно, сначала пошла прохладная — и Алла промычала что-то недовольное. Но я справился и обмыл её всю. Использовать мыло не стал — это было бы слишком.

В комнату я вернулся с девушкой на руках — она была криво и косо одета в мою одежду и почти сухая — и свалил её на кровать Казаха. Потом бессильно плюхнулся на свою кровать. У меня было такое чувство, что я пробежал километров десять, причем на лыжах и по асфальту.

Тащить Аллу к нам было глупо. Но я понятия не имел, где она живет и как искать её комнату. «Ничего, проспится и уйдет», — подумал я.

Впрочем, для меня пока ничего не кончилось. Я взял в ванной половую тряпку и сходил на кухню, чтобы убрать там следы пребывания пьяной девушки. Потом немного прополоскал её скучную одежду, отметив, что на ней даже лифчика не было — хотя с её размером груди это немудрено. Развесив халат и трусики на натянутой трудолюбивыми татарами веревке, я вернулся в комнату.

И лишь ещё раз посмотрев на мирно посапывающую девушку, я вспомнил.

Как раз в конце первого курса у нас в общаге умерла какая-то девица. Кто-то — как бы не Дёма — рассказывал, что дело происходило прямо на нашем этаже, что она была совершенно голая и жестоко изнасилованная, ей перерезали горло и сильно избили. Ну или проделали всё это в другой последовательности, детали я запомнил.

Тогда я пропустил эту информацию мимо ушей — убитую я не знал, никаких эмоций эта смерть у меня не вызвала, и даже дежурная беседа с молодым участковым — милиция опрашивала всех студентов, которых смогла найти — надолго в памяти не задержалась.

А теперь всё встало на свои места. Изнасилования и убийства, разумеется, не было. Была обычная, затянувшаяся до утра пьянка старших курсов, на которой одна из участниц выпила больше нормы, а потом ушла искать то ли приключений, то ли добавки, но неудачно приземлилась на пол кухни на нашем этаже и тупо захлебнулась рвотными массами — я слышал, что от сотрясения мозга человека тошнит. Меня рядом не случилось — я тогда не прогуливал занятия и как раз в это время входил в кабинет Рыбки.

Я подумал, что ничего необычного в такой смерти не было — люди умирают постоянно и в самых разных обстоятельствах, а пьянство заслуженно держит пальму первенства в списке причин несвоевременных расставаний с жизнью. Но меня поразило другое. Я вдруг понял, что только что изменил историю, пусть пока лишь для отдельно взятой девушки Аллы, которая получила шанс всё-таки прожить свою жизнь. Но это означало, что я могу повлиять на судьбы не только мало кому интересной девушки, но на судьбы страны или даже всего мира. Если, конечно, пойму, как это работает и смогу применять свои способности не по наитию, а по точному расчету. Потом я мысленно отругал себя — я должен был это понять, когда вместо алгебры сидел на полу нашей кухни, чего в первой моей жизни не происходило. Историю я поменял в тот момент, когда осознал себя в прошлом. Всё остальное было следствием.

Но чтобы что-то менять, нужно хоть немного представлять, как работает то, что ты собираешься сломать. Мне нужна была информация — много-много информации. Я рассчитывал получить её из самого надежного источника. Из периодической печати.

[1]: должен признаться: сравнение девушки с царевной-лягушкой полностью утащено из читанной мною в юности повести, название которой я благополучно позабыл

Глава 3. Хорошая девушка Алла

От автора: а правду говорят, что если на автор. тудей долго не давать проду, то автора сажают в клетку и заставляют писать?

— Ты кто?

Над столом, который теперь разделял наши с Казахом кровати, появилась лохматая голова. Алла подслеповато щурилась на свет настольной лампы, который заменял нам ночник. Время, правда, было ещё детское — всего три часа дня, до захода солнца оставалось прилично, но наше окно выходило на север, и в комнате было сумрачно даже в самый солнечный полдень.

Пока девушка спала, я развил кипучую деятельность. За первые два года в общежитии я так и не постиг некоторых хитростей, которые позволяли сделать жизнь в ней вполне сносной. Потом я переехал в московскую квартиру к первой жене и рассчитывал на долгую совместную жизнь, но не сложилось. Мы развелись сразу после моего диплома, и я, не желая возвращаться на историческую родину — слишком много всего происходило в стране и особенно в столице, — подал документы в аспирантуру. Это был самый простой способ получить койко-место и не загреметь в армию; в чуть более сложном — обзаведении вторым ребенком — тогда ещё жена участвовать отказалась.

Будучи аспирантом, я жил один в маленькой комнате блока; я не знал, почему дефицитная жилплощадь пустовала, но мне это было даже на руку. Я наладил отношения с комендантшей Верой Павловной, которую мы на первых курсах сильно недолюбливали — уже не помню, за что. После этого на меня пролился буквально дождь различных плюшек — от вполне приличных стола и стульев до расходников и прочего барахла, которое находилось в распоряжении коменданта. Она, конечно, потом припахивала меня по разным мелким надобностям, но я считал это небольшой ценой за комфорт.

Вот этой опцией я и воспользовался. Вера Павловна, разумеется, отнеслась к визиту какого-то первокурсника с определенным сомнением, но я сумел убедить её, что для успешной учебы мне и моим товарищам не хватает сущих мелочей. Она вняла голосу разума, и у нас в комнате появилось много всего нужного и полезного. Например, второй стол, который был хорош без дураков — с прямоугольной столешницей цвета застывшей глины, без тумб, но с металлической рамой, которая была надежной и черной, как африканская солидарность.

У нас уже был многофункциональный уродец, который в зависимости от наших потребностей был обеденным, письменным, а иногда и карточным столом — если мы собирались расписать «пульку» в преферанс под пиво. Теперь его место занял новый красавец, а уродец переместился на свободное пространство между мной и Жасымом.

Именно из-за него на меня сейчас и смотрела Алла. Я же наискосок возлежал на своей кровати, опершись о стену и положив ноги на свежеприобретенный в той же волшебной кладовке табурет.

— Егор, — ответил я. — Очень приятно.

— Егор... Егор... — она смешно сморщила носик. — У меня есть несколько знакомых Егоров... Ты не один из них?

— Я тебя пьяную на кухне подобрал.

— Нашел, чем гордиться... — пробормотала она.

Похоже, пить до положения риз для неё совсем не в новинку, хотя вряд ли она представляет, чем для неё должна была закончиться вчерашняя пьянка. Впрочем, она была относительно молодой — для меня-нынешнего, из будущего, — а в её возрасте мало кто задумывается о возможной смерти в результате привычных действий и поступков. Наверное, каждый раз, когда Алла уже не могла ходить от количества выпитого, находился сердобольный товарищ, который обеспечивал ей необходимую помощь. Сейчас ей помог я.

— Я и не горжусь, — ответил я. — Было бы чем гордиться. Просто помог, без всякой гордости.

Алла хмыкнула.

— Всё было так плохо? — спросила она.

Я немного подумал, но решил не приукрашивать.

— Ты чуть не умерла. Но я, как рыцарь, не мог не спасти попавшую в беду принцессу.

— Тоже мне, рыцарь нашелся, — Алла улыбнулась.

Ага, а насчет принцессы у неё никаких возражений нет?

— Ну какой есть. Пришлось принять срочные меры, тебя вырвало, и ты, извиняюсь, описалась. Так что я тебя ещё помыл и передел в чистое...

— Что?!

Алла подскочила и заглянула под одеяло, которым я её заботливо укрыл. Моё одеяло, между прочим.

— Ты... ты... — от гнева она не могла найти подходящих слов и только смотрела на меня взглядом голодной волчицы.

Её лицо стремительно краснело.

— Я-я, натюрлих, — кивнул я. — А что было делать? Не оставлять же тебя там? Представляешь — кто-то заходит на кухню, а там ты лежишь в луже блевотни и мочи. Впечатляющее зрелище...

— Но ты... не должен был! Нужно было позвать кого-то... а ты сам...

— Кого я сейчас найду? — сказал я убежденно. — Все на занятиях.

Я слегка покривил душой. Я точно знал, что не все в нашей общаге любили грызть гранит науки, но искать их не собирался.

— А ты чего не на занятиях?

— Решил не ходить, — честно ответил я.

— Опасно... — задумчиво сказала она. — Ты на каком курсе? На втором?

— Не, пока только первый.

— Тем более. Прогуливать занятия на первом курсе — верный путь к отчислению на втором.

— Наверное, но у меня есть запас прочности, один день сильно не повредит. А ты? Почему не в институте, а водку пьянствуешь и дисциплину нарушаешь?

Алла внезапно успокоилась и потупилась.

— Я не водку... мы с девчонками вино пили...

— Неважно, — отмахнулся я. — Это всё равно не повод прогуливать лекции. Ты на каком курсе?

— Да я вообще у вас не учусь, — отмахнулась она. — Не надо мне никуда. А Ирка... ей на всё пофиг.

Ещё и Ирка какая-то.

— А где учишься? — мне действительно было любопытно.

— В... ну, в институте одном... — её лицо приняло выражение, которое я истолковал как недовольное.

И я бы не сказал, что эта скрытность на ровном месте мне понравилась. Впрочем, это её дело. Она мне никто и звать её никак. Какая-то Алла.

— Ну ладно, — вслух согласился я с её якобы инкогнито. — Храни свои секреты, если ты так ими дорожишь. А у нас в общаге что делаешь?

— Так, всякое... пью, в основном, — она было засмеялась, но быстро оборвала себя и поморщилась.

Да, точно.

— Тебе бы в больницу сходить, провериться. У тебя, похоже, сотрясение было, а это нифига не шутки. Голова не кружится?

Она прислушалась к себе.

— Вроде нет. Просто иногда... неприятно.

— И не тошнит?

Снова молчание на время самодиагностики.

— Кажется, ничего такого. Но я схожу, да. Ты такой заботливый, это что-то.

— Всегда к вашим услугам, — я склонил голову. — Тебя родные не потеряли ещё?

— Не-а, — она мотнула головой и снова поморщилась. — Я до воскресенья ушла.

Всё-таки СССР был благословенным местом. Не раем на земле, конечно, но вот это «до воскресенья» наглядно демонстрировало какую-то необъяснимую веру людей в то, что с ними ничего плохого случиться не может. Это была своего рода наивность, свойственная поколению, которое воспитывали те, кто прошел через суровые испытания. Моё поколение растили бабушки и дедушки, помнившие войну. Они избаловали нас так, что мы едва не превратились в неразумных инфантилов, неспособных даже заметить опасность, не то что справиться с ней.

Наверное, из-за этого и развалился Союз. Мы мудро считали, что любые изменения — к лучшему, что ничего плохо просто не случится, а если что — всегда есть мудрое руководство советского государства и коммунистической партии, которые примут нужные решения. Вот только власти были совсем не мудрыми, а их решения оказались вредными, если не вредительскими.

Интересно, как восприняли смерть дочери в такой безопасной общаге её родители в старой версии истории? Обвинили кого-то в этой трагедии, закатили скандал и затеяли долгое разбирательство? Или же погоревали по-тихому, а потом просто ходили каждые выходные на могилку с черно-белой фоткой этой курносой девчонки на скромном памятнике? Может, винули себя, что отпустили дочь на этот праздник жизни — не первый, но, как выяснилось, последний в её жизни? Я не знал, и способа узнать у меня не было.

С другой стороны, наша троица — да и наши соседи-татары, если уж на то пошло — наглядный пример доверия общества своей стране и населяющим её людям. Мы уехали из родных мест за сотни и тысячи километров, жили одни и по своему собственному разумению. Лишь иногда нашим родителям предоставлялась возможность наставить нас на путь истинный. Я не помнил, что слишком сильно прислушивался к их нравоучениям, да и в Жасыме с Дёмой не был уверен. Дёма уж точно не прислушивался.

— Ты есть хочешь? — спросил я.

Алла снова прислушалась к себе, но звук из её живота мы слышали оба.

— Наверное, да, — неуверенно сказала она. — А что у тебя есть?

Помимо ограбления стратегических запасов коменданта я проверил и нашу продуктовую полку — и вспомнил, как роскошно в кавычках мы жили. Это было просто ужасно. У нас имелась начатая пачка грузинского чая в зеленой упаковке — забытый в моё время деликатес; впрочем, и в восьмидесятые при наличии выбора мы предпочитали цейлонский чай, в желтой пачке со слонем. Ещё был бумажный пакет сахарного песка — правда, самого сахара там оставалось на доньшке.

От картошки в специальном почтовом ящике остались одни ростки и самый мелкий клубень, в котором не осталось ни капли крахмала. Лук у нас, оказывается, водился, и его мы тоже подъели — я, разумеется, не помнил, при каких обстоятельствах это случилось, но сгнившая луковица врать не будет. Круп и макарон не было как класса, как и банки самой заваливающей кильки в томате.

Зато был целый пакет йодированной соли.

В холодильнике меня ожидало похожее зрелище. Там мы зачем-то хранили одинокую жопку батона, которая провела в заточении около недели, и банку аджики. И то, и другое следовало выкинуть как можно скорее — если, конечно, мы не собирались культивировать в нашей комнате нечеловеческую цивилизацию.

По моим воспоминаниям, никто из нас троих не был кулинарным гением; мы художественно умели жарить яичницу — но вот картошку у нас получалось только варить, да и то через раз; мы почему-то постоянно забывали о времени и уже испортили несколько кастрюль, пара из которых была привезена мною и Жасымом из дома.

Чаще всего мы обходились какими-нибудь бутербродами или замороженными пельменями. Консервы мы ели в холодном виде, безо всякого гарнира, под хлеб, просто утоляя голод и забивая желудок. Ещё у нас ценились печеньки и конфеты. Ну и чай, который шёл на ура в любое время суток. Мы даже подумывали о том, чтобы купить специальный электрический чайник, потому что кипятить воду на плитке нас уже порядком заколебало. Кроме того, одну из кастрюль мы погубили как раз во время приготовления воды для чая.

С высоты своих прожитых лет я удивлялся нашей тогдашней всеядности. У нас были лужёные желудки, которые переваривали всё и постоянно требовали добавки. Никто не жаловался на непереносимость глютена или чего-то подобного, ни у кого не возникало никакой аллергии на пустом месте. Мы просто покупали всё подряд и пожирали, как самая натуральная саранча. Ещё мы регулярно питались в нашей институтской столовке и захаживали в её общажный аналог, который находился в соседнем корпусе и был постоянно забит студентами с других факультетов. Я помнил, что голод в те времена был сильнее нашей гордости, и мы выстаивали по часу, чтобы получить вязкое пюре со странной котлетой, украшенной кусочком маринованного огурчика. Я там даже иногда брал кашу на машинном масле — и очень сильно любил это блюдо. Ну а компот мы все обожали.

Ещё в наш рацион иногда попадал настоящий кофе — вернее, нечто порошковое и растворимое, что продавалось в магазинах под этим названием. Много позже в Москве появилось много точек с кофе навынос — у меня даже было любимое местечко, где делали неплохой капучино; но дома мой испорченный в студенчестве вкус требовал всё того же растворимого убожества — хотя и среди этих порошков уже появились неплохие сорта. Для нас-студентов подобного разнообразия не существовало в принципе, так что мы вынуждены были идти на различные ухищрения. Я просто добавлял в свой кофе как можно больше сахара и молока, а вот Дёма где-то научился заливать кофейно-сахарную смесь небольшим

количеством горячего молока, взбивать этот раствор до получения чего-то похожего на пену — и лишь потом добивать кипятком до полноценной порции. Он уверял, что это турецкий рецепт, и, конечно, врал.

Сидеть весь день голодным я не собирался, поэтому сбегал в «наш» — то есть ближайший — продуктовый. У меня был многолетний опыт самообеспечения, и я сосредоточился на продуктах, которые можно было приготовить сейчас или в самом ближайшем будущем или съесть в сыром виде. Цены поначалу испугали, но всё обошлось по-божески — из своего невеликого запаса в полсотни рублей я отдал всего лишь пятерку с мелочью. Впрочем, я давно уяснил, что еда — это важно. Гораздо важнее, чем какие-то деньги.

— Я картошки пожарил и сосисок отварил, — рассказал я Алле. — Но если тебе это не нравится, могу какую-нибудь кашу сварганить, если ты подождешь. Есть гречка и пшено. Ну и чай с пряниками.

— Какой продвинутый первокурсник пошел, — притворно восхитилась она. — Не надо каши, давай сюда свою картошку с сосисками. Кажется, я действительно голодная, как лошадь.

Но я не дал ей ограничиться одной картошкой с сосисками. Быстро порезал огурец и помидор, заправил это дело небольшими колечками лука и постного масла, посолил, добавил зелени — и выложил получившийся салат на край большой тарелки. В сочетании с желтой подрумяненной картошкой и розоватыми сосисками этот набор смотрелся очень неплохо.

Мои действия не остались без благодарности. Алла ткнула туда-сюда вилкой, отправила еду в рот, прожевала.

— А ты неплохо готовишь, — сказала она. — Надо к тебе почаще заходить в гости. Ведь ты не откажешься накормить голодную девушку?

— Не откажусь, — ухмыльнулся я. — Но я подумаю о том, сколько это будет стоить. Сегодня всё бесплатно, потому что рекламная акция... ну и потому что я всё ещё спасаю попавшую в беду принцессу. А рыцари, как известно, с дам денег не берут.

Она прыснула.

— Тоже мне, рыцарь... ладно, дай поесть спокойно.

И снова никаких возражений насчет принцесс.

Я развел руками, показывая, что с уважением отношусь к её желаниям. Вот только помимо собственного желания продолжил смотреть на девушку, хотя хотел разобраться в своих вещах и навести там хотя бы относительный порядок. Но меня привлекли её жесты и движения, которые показались мне знакомыми. Я уже видел нечто подобное, и даже в этом времени, но мне потребовалось несколько минут, чтобы вспомнить, где именно. Это было в семье моей первой жены.

Её отцом был какой-то архитектор далеко не первого ряда. Но он и его семья были вхожи в определенный круг тех, кто считал себя интеллигенцией. А в их среде был принят определенный порядок поведения за столом, который старшее поколение познавало на собственном опыте — видимо, от ещё более старших товарищей, заставших прежнюю, несоветскую власть, — а молодежь изучала через подзатыльники бдительных матерей и с помощью неодобрительного кряхтения отцов. Всё это имело мало общего с дореволюционным этикетом, но корни явления росли откуда-то оттуда. Отечественные интеллигенты всегда хотели быть похожими на имперских дворян.

Семья Аллы, судя по всему, тоже стремилась примкнуть к интеллигенции — ну или сильно продвинулась в этом стремлении. Её с детства натаскивали есть очень аккуратно и даже изящно, и она была, надо заметить, не последней ученицей. И пусть сейчас Алла ела не с фарфора Le Cinq, а на её тарелке находился совсем не фирменный гратен с трюфелями и артишоками — она даже вилку держала так, словно всю жизнь была завсегдатаем белого зала лучшего мишленовского заведения Парижа. Я даже помнил его название — «Four Seasons Hotel George V». Моя первая жена не достигла такого лоска, хотя прикладывала серьезные усилия, чтобы соответствовать тем, кого её родители считали «своим кругом». Я, кстати, к этому «кругу» не относился, хотя что-то изображал в силу положения, в котором оказался. Но детство в уральском захолустье накладывало свой отпечаток на всё, что я мог изобразить.

Я вдруг подумал, что вот эти «свои круги», которые я в молодости воспринимал как нечто само собой разумеющееся, серьезно подтачивали первоначальную мечту большевиков о внеклассовом обществе. Причем тут постарались как раз сами большевики, многие из которых вообразили себя новой аристократией ещё на самом первом этапе строительства коммунизма. Их, правда, хорошо проредили — сначала Большой чисткой, а потом и войной, — но и там, и там под удар попали не столько они, а те, кто хоть чем-то действительно выделялся. В войну на фронте вообще в первую голову гибли не те, чья хата с краю, и не те, кто не выдаст свою дочку-скрипачку за заводского слесаря. Погибали как раз те самые слесаря, для которых неважно — доярка, скрипачка, — лишь бы человек был хороший и уживчивый.

Это явление называлось «кастовость» и прямо противоречило любому программному документам, рожденному в недрах КПСС. Про него знали и даже слегка боролись — но так чтобы не задеть ненароком себя, любимых. Про кастовость снимали кино, ставили спектакли, но и всякие драматурги со сценаристами вроде бы осуждали кастовость как явление, но мимоходом — в основном в виде эдакой советской версии шекспировской драмы о подростках из Вероны. Потом, когда Горбачев позволил говорить, не опасаясь непоправимых последствий, тему кастовости и клановости всё равно замылили, увели в далекое сталинское прошлое с мажорчиком Василием и оторвой Светланой. Более близкие примеры ограничились непременным Брежневым, а про потомков Горбачева и Ельцина писать правду на моей памяти так и не начали, ограничиваясь парадными биографиями.

Вот и родители моей первой жены приняли её избранника — то есть меня — со сведенными челюстями и холодными взглядами. Правда, деваться им было особо некуда — их дочь к тому моменту была на третьем месяце, а в «их кругу» внебрачная беременность была моветоном. Поэтому они не слишком кривили свои лица, когда мы ставили подписи во время церемонии в ЗАГСе — где, кстати, всё было организовано по высшему разряду, «как положено». Мои родители, решившие посетить это мероприятие, новых родственников как-то сторонились — они и сами были не последними лягушками в нашем провинциальном болоте, и столичные архитекторы не вписывались уже в «их круг». Так мы и прожили отведенные нам годы, ну а после развода мне вообще не было резона встречаться с теми, кто когда-то был для меня тестем и тещей. Радовало только то, что сын у нас с их дочерью получился на загляденье, и я жалел, что он ненавидел отца лютой ненавистью — постаралась жена и её родители, а я к тому же не вписывался уже в «его круг». Он меня стеснялся, но не таксисту осуждать модного дизайнера чего-то там.

Всё это пролетело у меня в голове, пока я наблюдал за тем, как Алла поглощает весьма

немаленькую порцию. Впрочем, её прожорливость меня не удивила. Студенческие пьянки редко славились обильной закуской, а её ещё и стошнило в финале насыщенной ночи. Сейчас, после шести часов здорового сна, у неё в желудке должна была образоваться космическая пустота, которую моя картошечка заполнила идеально.

Алла закончила с трапезой, отодвинула тарелку и с какой-то непонятной грустью посмотрела на меня.

— Вкусно было?

Можно было и не спрашивать — она собрала кусочком хлеба даже сок от салата и едва не урчала, отправляя это в рот. Но я должен был как-то возобновить прерванный едой разговор, а ничего лучше банального вопроса в голову не пришло.

— Знаешь, это было волшебно, — сказала девушка.

В его голосе было хорошо заметно напряжение.

— Ну и замечательно, — я резко встал, и она немного дернулась на это моё простое движение. — Пойду посуду помою, скоро соседи придут, а они чистоту любят...

Наша троица относилась к чистоте весьма утилитарно, и даже если бы Алла оставила тут десятисантиметровый слой грязи, ни Казах, ни Дёма даже не почесались бы. Но я всё равно взял тарелку и вилку, которыми пользовалась Алла, а с кухонного стола прихватил доску, на которой резал овощи, и нож. И со всем этим добром отправился в ванную.

Мыть там было почти нечего, но я нарочно задержался у раковины с включенной водой — и моё терпение было вознаграждено. За спиной я услышал легкие шаги и тихое шлепанье босых ног по общагскому паркету, потом скрипнула наша входная дверь. Так и не выключив воду, я в три приема оказался в коридоре — и увидел удаляющуюся фигуру Аллы.

— Свою одежду не хочешь забрать? — спросил я негромко.

Она замерла и медленно обернулась. Алла явно была испугана, но держалась молодцом. Правда, выглядела она — в моей рубашке и трениках, которые приходилось поддерживать у пояса, чтобы не свалились — очень забавно. Я бы, наверное, даже посмеялся бы. Но ситуация была вовсе не смешной.

— Если бы я знала, где она, то забрала, — выдавила она и спросила с надеждой: — Не вынесешь?

Я покачал головой.

— Не-а. Сама возьми. Всё в ванной висит на веревке, наверное, высохло уже. Там и переоденешься. Чтобы потом не приносить мою одежду.

В её глазах я увидел натуральный испуг. Внешне она ещё храбрилась, но глаза выдавали. Алла очень боялась, и я знал, чего именно — что я заставлю её платить за мои услуги сексом. Думаю, она была готова просто сорваться с места и убежать — наверное, она именно так она и поступила бы, но бежать в штанах, которые слишком велики и готовы свалиться от любого неосторожного движения — развлечение так себе.

Я позволил себе некоторое время наслаждаться чувством власти над этой беззащитной девушкой. Это было новое и незнакомое чувство; что-то похожее во мне мелькало, когда ко мне садились одинокие пассажирки, которые отчаянно трусили. Но, откровенно говоря, изнасилования в такси случались очень редко, хотя средства массовой дезинформации изо всех сил старались создать обратную картинку. Я же точно знал, что трахаться в машине неудобно, даже если оба партнера действуют заодно. А уж если один из них против...

Сейчас же я имел дело с чистым, сферическим в вакууме примером доминирования самца над слабой и беззащитной самкой, которой было некуда деться. И она это хорошо

понимала. Вот только в этом коридоре не было доминирующего самца, хотя беззащитная самка в наличии имелась. Просто Алла оценивала ситуацию, исходя из неверных исходных данных.

Разумеется, я был неплохо знаком с такой областью отношений мужчины и женщины как секс. Более того, в этой общаге я был единственным представителем суперлиги по сексу, которого какой-то червоточиной занесло в школьный чемпионат малолетних любовников, ничего толком не умеющих. Но я ещё не решил, что мне с этим своим супермастерством делать.

У меня была целая жизнь на совершенствование. Я прошел через три официальных брака, у меня было несколько любовниц, серия коротких знакомств «без обязательств». Я даже имел опыт близкого общения с проститутками. Конечно, кому-то даже такие «университеты» не помогают. Я же без ложной скромности считал, что кое-чему научился и, в принципе, был готов продемонстрировать свои навыки — если бы Алла прямо и недвусмысленно попросила меня об этом. Но грубо набрасываться на девушку, которая волею случая оказалась в моей власти, я не собирался. Мне это было не нужно — в силу возраста и физических кондиций моего восемнадцатилетнего тела.

В своей первой жизни я познакомился с сексом где-то на втором курсе, через несколько месяцев от текущей даты, познав радость интимных отношений с будущей первой женой. Ничего выдающегося мы, конечно, тогда не продемонстрировали, но нам вполне хватило. Насколько я знал, Жасым тоже не торопил события, а вот насчет Дёмы уверен не был — но, скорее всего, наш маленький гигант большого секса сильно привирал о своих подвигах в интимной сфере. Хотя — кто его знает?

Более того, я не знал, как поведет себя мой организм, когда под него положат голую девушку. Аллу в неглиже я уже видел, никаких эксцессов при этом не случилось, но тогда и обстановка не располагала к эрекции и эякуляции. Да и вообще — немного странно производить какие-то сексуальные действия с девушкой, которую ты только что самолично отмыл от мочи и рвоты.

К тому же в дело вмешивался ещё и моральный аспект. Я не знал, будут ли правильными отношения меня-нынешнего со сверстниками. Формально моему телу всего восемнадцать лет, но в нём живет мозг — ну или душа, я так и не придумал, как называть тут субстанцию, которая прилетела из будущего — пятидесятивосьмилетнего человека. С точки зрения первокурсников, я был древним стариком. Конечно, я слышал истории о неземной любви мужчин и женщин с сорокалетней разницей в возрасте, но там обычно присутствовал туго набитый кошелек как метод радикального повышения привлекательности любого представителя противоположного пола.

Алла, которой, наверное, было года двадцать два, с точки зрения меня-из-будущего тоже была очень молодой. Я смотрел на неё своими глазами, которыми управлял мой старый мозг, и не мог считать её своей ровесницей. И я не собирался вступать на путь сексуального маньяка, пока не решу эту задачу. Впрочем, правильный ответ я уже знал, мне нужно было лишь смириться с ним. Я очень сильно сомневался, что мне ещё раз попадетя нужная червоточина.

Но Алла всего этого не знала. Она весело провела ночь, потом потерялась во времени и пространства, а очнулась в чужой комнате, в чужой кровати и в присутствии юноши, который её передел, вымыл и видел без трусов. Этот юноша, конечно, был сама галантность, он накормил голодную даму и не позволял себе нескромных намеков. Но что он

мог потребовать за свою доброту? А Алла, видимо, жила с убеждением, что всем мужчинам нужно только одно. В целом справедливо, только вот мужчинам обычно нужен не секс. Вернее, и секс тоже нужен, но не прямо всегда. Иногда. Когда просмотрены все сериалы, съеден вкусный ужин и сыграны все игры.

Впрочем, требовать от молодой советской комсомолки абстрактных знаний о том, как рыцари относятся к прекрасным дамам было слишком жестоко. Она вообще показала себя в этой ситуации весьма смелым и отчаянным человеком — сбежала, как только я повернулся к ней спиной. И не её беда, что она не смогла убежать. Просто я был не совсем обычным первокурсником и мог просчитать любые её действия ещё на стадии планирования.

Я сделал три шага вперед и остановился на расстоянии пары сантиметров от девушки. А потом обнял ладонями её щёки и поднял её голову так, что она была вынуждена посмотреть мне в глаза.

— Алла, — тихо сказал я, — тебе совершенно нечего бояться. Особенно того, чего ты так боишься. Я тебя точно не обижу. Я спас тебя от смерти, отмыл от... в общем, отмыл. Уложил тебя спать, чтобы ты не ходила как сомнамбула по нашей общаге. Даже накормил тебя. Ещё я постирал твои вещи, которые ты неосторожно испачкала. И неужели ты думаешь, что я смогу сделать тебе какое-то плохое зло?

Её глаза говорили «да». Но произнесла она совсем другое.

— Нет... но...

— Вот и хорошо, что нет, — сказал я, отбросив «но» как нечто несущественное. — Если захочешь меня отблагодарить за всё, что я сделал — простого «спасибо» будет вполне достаточно. Ну или можешь как-нибудь угостить меня шоколадкой. И на всякий случай, для протокола — тебя никто не трахал, пока ты была в отключке, и даже не собирался.

Уже сказав это, я понял, что выразился слишком двусмысленно. Алла могла понять это так, что она настолько не в моем вкусе — и в голом виде тоже, — что заниматься с ней сексом я не буду даже под страхом смертной казни. Это было не совсем так, но я решил не разжёвывать свою мысль — в тихой надежде на то, что она не будет искать подтекст в моих словах.

— Для какого протокола? — удивилась она.

Её вопрос был для меня немного неожиданным.

— Для самого обычного, который будет высечен на скрижалях и положен в ковчег завета, — объяснил я. — Присказка такая.

— Так что... милицию ты не вызывал?

— Какую милицию? Зачем?

— Ну протокол... его же милиция обычно составляет.

О боги.

— Не пори чушь. Ради чего они сюда поехали бы? — ответом мне был лишь обиженный взгляд серых глаз. — Если из-за твоей пьянки — им бы тогда из нашей общаги вообще вылезать не было смысла. Тут постоянно кто-то да пьёт.

— Это да... — пробормотала Алла. — А ты вынесешь мне вещи?

— Не-а, — помотал я головой. — Пошли, сама всё заберешь. И переоденешься. Моя одежда дорога мне как память о великом прошлом.

И я указал рукой на свою рубашку, которая сидела на ней, как балахон на Алле Пугачевой.

— А ты снова посмотришь? — немного нервно уточнила она.

— Конечно! — твёрдо кивнул я. — Вдруг ты захочешь своровать наше мыло. За вами, женщинами, глаз да глаз нужен!

Она прыснула, и мне это неожиданно понравилось. Впрочем, ничего необычного — мужчинам нравятся те женщины, которых они могут рассмешить.

А ещё я заметил, что Аллу немного отпустило. Она уже не боялась меня до дрожи в коленках — хотя я находился совсем рядом с ней, а её лицо всё ещё удобно лежало в моих ладонях.

Я и сам спохватился, что немного переборщил, убрал руки и отступил назад.

— Пошли, — я сделал приглашающий жест. — Потом могу ещё и чаем угостить. С пряниками.

— Ну ладно, пошли, — сказала Алла. — Но без чая. И да, можешь посмотреть... — она хихикнула. — Так сказать, для общего повышения тонуса.

— Это точно. Эндорфин, серотонин и дофамин лишними не будут, а при виде голых женщин они у мужчин вырабатываются в конских дозах.

— Что вырабатывается?!

— ...и ещё окситоцин, но я не уверен, что он необходим в данный момент, — я улыбнулся в ответ на её замешательство. — Это гормоны, они за счастье отвечают. Секретные данные, за ними все разведки мира охотятся.

— Слушай, а ты точно на первом курсе учишься? — с подозрением спросила она.

— Точно. Точнее не бывает.

Этот разговор начал меня немного напрягать. Испуганная Алла была не так назойлива, она не отвечала на каждую мою реплику и не требовала, чтобы я поддерживал разговор. Но я не мог оставить её в том состоянии, в котором она хотела от меня сбежать, хотя сейчас мне больше всего хотелось, чтобы она как можно скорее ушла к своей Ирке. У меня от неё мозг буквально плавился, как активная зона аварийного реактора... Черт! Два чёрта!! Три чёрта!!!

Чернобыль же через два года!

Я полностью забыл про Аллу и её заскоки, а мысли лихорадочно заметались, перескакивая с одной темы на другую, не в силах задержаться на чём-то одном. Какой нафик «Тетрис»?!! Тут скоро будут Чернобыль, Чернобыль и снова Чернобыль. Уже есть Афганистан. Через несколько лет меня вместе с остальным человечеством ждут падение Берлинской стены, Казахстан, Чернобыль, Тбилиси, Рига, Вильнюс, Форос, Чернобыль Форос, Тбилиси, Шахты... стоп! Не Шахты, а Чикатило! Его же как раз сейчас ищут, и интенсивно — двоих уже даже расстреляли, но убийства не прекратились. Ну и Чернобыль, конечно. Сидеть и ждать, когда там решат провести тот злосчастный эксперимент? Но что и, главное, кому я должен рассказать?

— Ты чего?

Я и не заметил, как Алла подошла ко мне. Она легонько коснулась ладонью моей щеки, но я почему-то подумал, что она собиралась залепить мне пощечину — со всей силы, чтобы вернуть в реальный мир, но не успела, я вернулся самостоятельно. Правда, я и так был в реальном мире, но немного не в том, к которому привыкла эта девушка. В нём не было места для студенческих пьянок и проблем молодежного блядства, зато было очень много работы для марвеловских супергероев, признанных всем миром — кроме СССР и других соцстран — спасителями человечества и избавителями от различных жопных ситуаций.

— А что? — ответ прозвучал довольно глупо.

— Ты словно в обморок собрался упасть, у тебя глаза закатились, лицо побелело... —

пояснила Алла и тыльной стороной ладони коснулась моего лба. — Температура вроде нормальная.

Я взял её за ладонь и зачем-то поцеловал её в запястье. А потом с удовлетворением ощутил, как она выдергивает свою руку из моего захвата. «Смущается».

— Я здоров... ну, насколько может быть здоровым студент в наше время, — неуклюже пошутил я. — Нет, правда, всё в порядке. Пойдешь переодеваться?

— Пойду, — твёрдо сказала она. — Только ты смотреть не будешь!

Я едва не сдохнул — мол, было бы на что смотреть, — но вовремя прикусил язык.

— Как прикажешь, — я изобразил легкий поклон.

— Ох, перестань уже!

Честно говоря, смотреть у Аллы и правда было не на что — девушка была тощенькой и мосластой, с выпирающими в самых неожиданных местах косточками и полным отсутствием жировой ткани там, где это было необходимо. В общем, не мечта поэта. Но я так легко отказался от бесплатного зрелища совсем по другой причине — мне дико, прямо-таки до безумия захотелось остаться одному. Пепел Чернобыля стучал мне в сердце и требовал срочно обдумать все воспоминания из будущего, которые я смогу вытащить из своей головы. Алла этому только мешала.

— Трусы ещё мокрые, — пожаловалась она, когда вышла из ванной — уже в своем халатике на больших перламутровых пуговицах.

— Я не нашел этикетку с составом и решил не рисковать, на веревку повесил, не на полотенцесушитель, — объяснил я.

— Этикетку я специально срезала, попу натирала, — она хмыкнула и посмотрела озорным взглядом. — Но вообще они не плавятся. Что ж, спасибо тебе за заботу, ласку и понимание. Пойду я, ещё увидимся.

— Конечно.

Алла неловко махнула рукой — и вышла из тесного тамбура.

Не знаю, ожидала ли она, что я буду её останавливать, но делать этого я точно не собирался. Во мне бурлили исторические факты, которые требовали неких действий — я ещё не представлял, каких именно, но явно активных и плодотворных. Даже самая красивая женщина в мире — а Алле было далеко до этого звания — не смогла бы сейчас отвлечь меня от плана создания лучшего будущего. В конце концов, именно таксисты точно знают, как оно должно выглядеть.

ПС: следующая часть в понедельник

Глава 4. Эчпочмаки

От автора: Потерпите ещё немного, это я ручку расписывал

— Это в честь чего такое изобилие, брат?

Жасым появился ровно в шесть — сразу после окончания пар он обычно направлялся в общежитие, никуда не сворачивая по пути. И был Казах один — вот Дёма как раз мог и загулять, поскольку пятница, и завтра занятий не предусмотрено.

— Аллах послал, — ответил я, намазывая маслом свой бутерброд.

С картошкой я промахнулся — вернее, не учел при готовке наличие ещё одного голодного рта в виде свалившейся на меня Аллы. Так что четыре порции — две себе любимому и по одной соседям — внезапно съежились до каждому по одной. Ел я давно — готовкой занимался после возвращения из магазина, общения с комендантом и перетаскивания тяжелых предметов, а потом лишь с грустью наблюдал, как вкусная еда исчезает в небольшой по размерам девушке. Справиться с чувством голода мне помогли бутерброды с докторской колбасой, но их неожиданно потребовалось много.

— А серьезно?

— Я серьезно, — ответил я. — К коменданту ходил, она выделила кое-что полезное...

— Кое-что? — Жасым с недоумением оглядел преобразившуюся комнату.

Доброта коменданта, конечно, не была безграничной. Но зато у нас теперь имелось целых четыре стула, три из которых — по моей задумке — можно было использовать в качестве склада носильных вещей. За свою долгую и частично холостяцкую жизнь я привык скидывать уличную одежду на подобные стулья или табуретки, ну а Жасыму и Дёме только предстояло приобрести подобный навык. Если не проникнутся, будут сами себе злобными буратиными.

Также наше благосостояние увеличилось на пару удлинителей и ещё одну дополнительную лампу, несколько запасных лампочек — оказалось, что их не надо покупать самим, а можно менять у того же коменданта. Кроме того, у нас появился маленький складной уют — комендант сказала, что его забыл какой-то командировочный и на балансе он не числится, но она рассчитывает на нашу порядочность. Я заверил её, что не подведу, хотя сильно сомневался, что Вера Павловна вспомнит об этом уюте уже через неделю. Хотя кто знает, как сильно тренирована память у комендантов студенческих общаг.

В общем, мы были почти что богачами — по меркам первокурсников и некоторых не столь продвинутых студентов старших курсов. Многого в комендантской кладовой добыть было нельзя — всё же деньги старались экономить и при СССР. Но заложенные в бюджете средства на обновление фондов все руководители выгребали под ноль, чаще всего, впрочем, покупая совершенно ненужный в хозяйстве хлам. Это позволяло оставаться на плаву львиной доле различных фабрик, производящих ширпортреб — дело, конечно, благое, но совершенно нерыночное.

— Больше у неё ничего не было, — я виновато развел руками. — Иначе бы я ещё кресло попросил. Правда, не представляю, куда его можно запихнуть. Под стол, наверное?

Мы с Казахом синхронно посмотрели под стол, но ничего там не увидели.

Вообще у нас с Жасымом было почти полное взаимопонимание. В крепкую дружбу за все годы знакомства это взаимопонимание так и не переросло, что меня, честно говоря, всегда удивляло. Мы приятельствовались, могли вдвоем сходить в кино или зависнуть в

пивной, могли раздавить бутылочку вина — опять же на двоих. Но вот не было в наших отношениях чего-то неуволимого, что и делает приятелей закадычными друзьями. В первой жизни меня это не особенно интересовало — мало ли бывает случайных знакомых, — а вот сейчас я был готов всерьез разобраться с этой проблемой. Мне хотелось убедиться, что дело не во мне, а в Жасыме. Или даже ни в ком из нас, а просто так сложились обстоятельства.

— С чего такая бурная деятельность, брат? Ты же больной, не забыл? Лежишь весь с температурой и лечишься вареньем. Я так Рыбке сказал, она вроде прониклась. А если кто тётю Веру спросит — не заходил ли к тебе студент по прозвищу Серый, а она скажет — да, заходил, и стол в одиночку уволок? Может неудобно получится.

Я улыбнулся.

— Знаешь, Казах, если Рыбка начнет интересоваться у коменданта общежития, где я был в такой-то день, мне лучше самому забрать документы из нашей шараги. Ибо мне станет в ней чертовски неуютно. Я, кстати, поесть приготовил. Вот!

Я царским жестом приподнял крышку сковородки и продемонстрировал свои кулинарные достижения. Жасым подошел, осторожно посмотрел на золотистые ломтики картошки и перевел взгляд на меня.

— Серый, ты что-то сам на себя не похож, — вдруг заявил он. — Прибарахлился, как завзятый куркуль, еду готовить научился, на занятия забил. С тобой действительно всё в порядке? Или что-то случилось?

«Вот так и прокалываются разведчики», — мрачно подумал я.

— Конечно, что-то случилось, — я снова улыбнулся. — Меня подменили. Теперь я это не я, а шпион из Америки. Замаскированный.

— Не придуривайся, — Жасым был предельно серьезен и мой шуточный тон его с темы не сбил. — Ты понимаешь, о чем я.

— Да понимаю, Казах, — отмахнулся и вернулся к бутерброду — масло само себя не намажет. — Но я хрен знает, что тебе ответить. То ли сон плохой был, то ли ещё что. Только я с утра понял, что всё идет как-то через жопу. И захотелось перемен. Хотя бы вот таких. Чтобы было удобно жить в этом клоповнике и вкусно есть. Ну а дальше посмотрим, вдруг ещё что в голову шибанет. Пока что я иссяк. Ну а за выходные окончательно оклемаюсь и буду готов грызть гранит науки во славу Скловского и Кюри вместе взятых.

— Так не бывает, брат, — укоризненно покачал головой Жасым. — Новую жизнь все обычно с понедельника начинают, а ты вдруг в пятницу решил.

— Понедельник начинается в пятницу, — машинально ответил я. — Вернее, в оригинале он начинался в субботу, но у них тогда была шестидневная рабочая неделя.

— Эм, Серый, ты про что?

— Про книгу, Жасым, просто про книгу. Она называется «Понедельник начинается в субботу», её написали фантастические писатели братья Стругацкие и по ней сняли плохой фильм «Чародеи». «Остыли реки и земля остыла...», — фальшиво, но узнаваемо пропел я. — Видел же, наверное?

— Ну да, его на Новый год крутили. И зря ты так, брат, хороший фильм, мне понравился.

— Книга лучше, Жасым, и намного, — наставительно сказал я, — Попробую найти её и подарю тебе на день рождения.

Я, правда, не помнил, когда у Жасыма день рождения, но надеялся, что он уже был и у меня есть примерно год на поиски дефицитного в этом времени подарка. Но Казах не

оставил мне шансов.

— Не успеешь за месяц, — с сомнением произнес он. — Если фантастика, её так просто не купишь, а талоны на макулатуру ты будешь с год отоваривать...

— Не бойсь! — я наконец доделал свой бутерброд и пересел на кровать, освобождая Жасыму стул. — Всё будет хорошо, я обещаю. Найду я эту книгу, не такая уж она и редкость. А пока поешь, голодный, наверное?

Жасым благоразумно заткнулся, и следующие полчаса мы с ним провели в общении с едой — он разогревал свою порцию и потом молча поглощал её, а я поедая три сделанных бутерброда и запивал их чаем. А заодно продолжал думать — именно этим я и занимался после ухода Аллы.

Но думал я не про девушку, хотя и она была невольным посетителем моих мыслей. Спасение её от смерти показало мне окно возможностей — никакие высшие силы не будут мне препятствовать, если я вдруг решу вмешаться в установленный порядок событий. Зевс не метнет в меня молнию, архангел не вострубит, а ткань пространства-времени не будет стремиться вернуть всё на круги своя. Фантасты ошибались. Изменять прошлое легко и приятно — вернее, просто легко, это я проверил на собственном опыте. Но я не был уверен насчет «приятно». Убирать рвоту Аллы точно было не слишком комфортно.

Ещё я сегодня пропустил занятия — и небо не упало из-за этого на землю. Подозреваю, что никакого катаклизма не произойдет, даже если я самовыпилюсь методом, например, выхода в окно с нашего седьмого этажа. Реальность продолжит своё неспешное перемещение в будущее, не заметив, что меня уже нет.

Я находился в этом времени уже почти десять часов. Сегодня была пятница, 13 апреля 1984 года, и завтра у нашего потока был выходной. Послезавтра, разумеется, тоже. Для меня это было хорошо, я мог, никуда не торопясь, влиться в новую жизнь. Ну или во вселенной щелкнет ещё какой-нибудь тумблер — и меня перенесёт обратно в 2025-й, в старое и больное тело никому не нужного таксиста. В этом случае у меня останутся только привычные и хорошо знакомые проблемы. Но в подобное я верил — как раз на первом курсе нам давали основы теории вероятностей, из которой я хорошо запомнил только то, что в этом случае вероятности не складываются, а перемножаются. Для чисел от нуля до единицы это означало сильное снижение шансов на благополучный финал.

Так что я решил исходить из того, что я задержусь здесь надолго. Но что я могу изменить в своей жизни, чтобы эта самая жизнь сложилась хоть чуточку лучше? В принципе, у меня были готовые рецепты, но я сомневался в том, что хоть один из них сработает.

В последние годы, оставшись после третьего развода в гордом одиночестве, я начал активно читать. Читал всё подряд — фантастику и фэнтези, детективы и шпионские романы. Новомодные жанры тоже попадали в мою электронную читалку и безжалостно прочитывались — так я познакомился с попаданцами. Одни из них наводили шороху в компьютерных играх с полным погружением, а другие покоряли иные миры или наше общее прошлое. Про попаданцев в прошлое я обычно читал, но через какое-то внутреннее сопротивление, граничащее с жалостью.

Дело в том, что в прошлом любой зачуханный читатель исторических книг, посетитель соответствующих форумов и реконструктор древних битв внезапно оказывался супергероем и мессией в одном лице. Он нёс истину в массы, которые, раскрыв рты, внимали ему и по первому слову кидались выполнять странные распоряжения внезапно обретшего просветление товарища. Обычно это приводило к невиданному промышленному прогрессу в

отдельно взятой России — имперской, сталинской, брежневско-хрущевской или даже петровско-годуновской. Промышленный прогресс приводил к созданию очень смертоносных игрушек, которых не было у агрессивных соседей — и, как следствие, расширению границ Русского государства до невиданных масштабов, которое мог остановить разве что Ктулху, да и то ненадолго.

Но попаданцы такого масштаба имели наготове полную базу знаний предыдущих поколений — в голове или в специально изготовленном для путешествий во времени ноутбуке. У них на любые возражения противников прогресса находился достойный ответ, к тому же они могли поставить в неловкую позицию любого шведского или немецкого генерала, сколько бы пушек и дивизий у тех не было. В общем, это были правильные попаданцы, оснащенные по последнему слову науки и техники, а не такие неудачники как я.

Моё знание 1980-х было очень и очень фрагментарным. Я помнил, что сейчас у руля страны был Черненко, но какие должности он занимал конкретно в апреле 1984-го — уже не помнил. Черненко наследовал Горбачев, который внезапно начал гонку привычного и прибыльного.

Я видел рассуждения о том, почему Советский Союз всё-таки развалился. Самой распространенной версией был сговор глав трех славянских республик — то есть Ельцина от России, Шушкевича от Белоруссии и Кравчука от Украины. Мол, эти исчадья ада сговорились и разодрали довольно неплохую страну на собственные княжества, оставив несчастного Горбачева не у дел.

В это можно было поверить, если не знать, что происходило после знаменитой пьянки в Беловежской пуще. Ельцин, конечно, у власти удержался, хотя и ценой невероятных усилий. Его родных потом долго называли уважительно и с большой буквы — Семей; считалось, что они оказывают сильное влияние на различные процессы в свободной России. Насколько это было правдой, я не знал, но, в принципе, ничего невозможного в этом не видел. А вот Кравчуку и Шушкевичу потом пришлось подвинуться, когда рядом с ними появились более наглые и зубастые конкуренты. Они не бедствовали до конца жизни, но и не катались, как сыр в масле — и, скорее всего, не они решали в 1991-м, быть ли Белоруссии и Украине независимыми странами. Хотя, может, и они — об этом разные авторы продолжали спорить и в середине двадцатых годов следующего века.

В одной из книг меня поразило утверждение, что у СССР не было шансов с тех пор, как Горбачев и его присные реформировали советскую денежную систему, введенную ещё перед началом первых советских пятилеток. Система была странной, в ней имелось два рубля — наличный и безналичный, но она худо-бедно проработала на протяжении шестидесяти лет.

Безналичный рубль считался тысячами и миллионами, если не миллиардами; предприятия и учреждения тратили его на расчеты между собой и с государством, в безнале выдавались кредиты на развитие, которые потом могли запросто списать. С этим безналичным рублем и были связаны те самые «фонды», которые каждый уважающий себя начальник старался «выбрать» до окончания отчетного периода. Какие-то рудименты этой системы сохранились много дольше Советского Союза; я застал их в конце девяностых, когда попал в штат государственного таксопарка — но то было слабым эхом былой борьбы за эти самые фонды. По моему разумению, безналичный рубль был своего рода неразменным пятаком из сказки Стругацких — он не мог закончиться ни при каких обстоятельствах.

Наличные рубли шли на зарплаты. Возможно, на что-то ещё, но в основном — только

туда. На эту зарплату граждане покупали товары в магазинах, магазины сдавали выручку в банк, а тот выдавал их обратно на выплату зарплаты. Своеобразный круговорот налички в социалистическом хозяйстве.

Главным было то, что наличные и безналичные рубли не пересекались. Директор завода не мог взять часть безналичного кредита и раздать его своим рабочим или тупо прикарманить. И одновременно не мог использовать наличные деньги для покупки какого-нибудь дефицитного сырья. В общем, система действительно была не от мира сего. Её создателей, кстати, хорошенько уконтрапутили в тридцатые, причем не дав передать свои знания кому-либо ещё, так что, видимо, к восьмидесятым в руководстве страны не осталось никого, кто понимал бы суть этого денежного монстра. Иначе старшие товарищи просто не позволили Горбачеву влезать в эту систему своими шаловливыми ручками, и обналичивания безналичных рублей не случилось бы.

Это решение разрушило систему, а вместе с ней — и всю социалистическую экономику. Миллионы — а, может, и миллиарды — безналичных рублей в одночасье превратились в наличные, сжатые крепкими кулаками кооператоров.

Это время я уже помнил хорошо, поскольку учился на старших курсах. Кооперативные ларьки появлялись буквально везде, с Турции, из Польши и из Китая хлынул поток каких-то непредставимых раньше модных вещей. Правда, стоило всё это не очень дёшево, кооператоры вообще очень боялись упустить возможную прибыль, а потому безбожно задирали цены, но по сравнению с пустыми полками предыдущих лет и талонами на сигареты такое изобилие смотрелось очень выгодно. Я тогда побывал с разных сторон кооперативных прилавков и, можно сказать, проникся. Мне казалось, что когда я пойду строить заборы — то есть делать то, чему меня учили пять лет, — то эти заборы тоже будут стоить дорого, и часть денег от их продажи перепадет и мне. Боги, как я ошибался! Впрочем, тогда все ошибались, потому что не знали главного — печатные станки государственных Монетных дворов уже начали набирать темп, но не успевали за реальностью. И очень скоро нам всем пришлось выучить наизусть новое слово — инфляция.

Что из этого было правдой, а что выдумал автор книги, я не знал. Было бы глупо идти сейчас в ЦК КПСС и предупреждать о вредительстве Горбачева — он, наверное, и сам не знает, что через три года поступит именно так. И нельзя исключать, что по-другому исправить недостатки социалистической экономики было невозможно. Это же надо придумать — два вида рублей! В целом же всё, что я мог сообщить заинтересованным лицам, было слишком отрывочным и бессистемным; скорее всего, на основании моих слов они не смогут принять ни одного толкового решения. Да даже ликвидировать Ельцина с его подельниками по Беловежской пуце не решатся — оснований для этого сейчас нет, а убивать своих коллег по ЦК на всякий случай перестали тридцать лет назад.

Мне же последствия действий власть предержащих, конечно, активно не нравились. В мутной воде тех лет были ушлые люди, которые сумели всплыть очень высоко. Они почувствовали себя хозяевами жизни, им захотелось большего, они начали это брать — сначала осторожно, потом и без меры. Начались кровавые переделы денежных потоков, крайними в которых оказывались простые работяги, месяцами не видевшие стремительно дешевеющую зарплату. Но народ, который всегда отличался умом и сообразительностью, как-то выкручивался.

Выкручивался и я — купил старый «жигуль-трешку», начал «бомбить», потом набрал денег на машину получше... Лет через пять после ухода из института я и не вспоминал о

своих любимых заборах, да и с однокурсниками никаких связей не поддерживал — наши дороги разошлись слишком сильно, а случайные встречи в счёт не шли. Привет, как дела, пока... Не скажу, что мне нравилось, как я прожил свою жизнь, но и острого разочарования у меня не было. Пожалуй, я жалел только о том, что пошёл не в тот институт и не выучился чему-то полезному, что могло помочь устроиться получше.

Вообще сейчас для меня самой актуальной была проблема высшего образования. Я не хотел учиться строить заборы по второму разу — и не мог просто забрать документы или перевестись в другой вуз; в обоих случаях я сразу же терял отсрочку от армии и оказывался где-то на полпути в Афганистан. Конечно, не обязательно туда — мои знакомые сокурсники служили в самых разных и неожиданных местах. Например, гораздо выше была вероятность попасть в часть, где есть самая настоящая, а не киношная дедовщина, превращающая вчерашних школьников в моральных уродов и физических инвалидов.

К тому же я тупо забыл всё, что мы учили на первом курсе. Это для Жасыма вчера было вчера; для меня со вчера прошло сорок лет. И я не имел ни малейшего понятия, как мне получить нужные для достойной сдачи экзаменов знания.

— Ты круг, брат, — сказал Жасым, опустошив свою тарелку. — Было вкусно.

Я заметил, что он с тоской посмотрел на оставшуюся на сковородке картошку и подумал, что Дёмыч может обойтись и своими силами.

— Спасибо, я старался, — самодовольно откликнулся я. — Слушай, а Дёма где? Опять пошел по злачным местам?

Жасым пожал плечами.

— Скорее всего. Срулил после третьей пары, ни слова не сказал. Но я на перемене видел его с москвичами.

Москвичи по какой-то причине не слишком жаловали наш заборостроительный институт и особенно наш факультет, предпочитая более престижные места учебы. Но несколько столичных человечков у нас водилось, и пара из них — даже в нашей группе. Они не были слишком расположены к общению с понаехавшими, считая себя чем-то вроде белой косточки среди синих воротничков — пресловутая клановость проявлялась и на таком уровне. Если честно, эти москвичи ничем особенным мне не запомнились и, кажется, очень быстро оказались на других специальностях — хотя их судьба меня никогда не интересовала, и они благополучно исчезли из моей памяти, кажется, ещё до окончания института.

Но для Дёмы наши москвичи делали исключение, и теперешний я хорошо понимал, что их привлекали в этом несуразном уроженце Крайнего Севера банальные деньги, которые тот получал из дома и, видимо, охотно спускал на совместные развлечения. Что за развлечения у них были, я не знал и в своей первой жизни; наверное, они пили портвейн в местах скопления московской богемы. Например, в ресторане при Центральном доме литераторов или в Доме кино — ночных клубов в Москве не будет ещё лет семь. Я поставил себе зарубку в памяти — допросить Дёмыча с пристрастием о том, как он проводит время жизни, и получить устраивающие меня ответы. Нужно было понимать, чем живет этот город, прежде чем влезать в его функционирование.

С москвичами Дёма тусовался регулярно, но чаще всего эти тусовки происходили именно по пятницам. В общагу он приходил далеко за полночь хорошо нетрезвым, каким-то чудом уговаривая стареньких вахтерш открыть для него надежно запертую дверь в большой мир. Впрочем, если чудо совершается раз в неделю, то это вовсе не чудо, а отработанная технология.

Из всего этого следовало, что хранить картошку для Дёмыча было бессмысленно. В два часа ночи его будет интересовать только возможность положить голову на подушку.

— Знаешь, Казах, я думаю, что мы с тобой вполне можем разделить остаток ужина, — объявил я. — Не стоит надеяться на то, что наш уважаемый сосед появится в приличное время, а мы с тобой всё же слишком голодны, чтобы стойко смотреть на недоеденную пищу. Ты согласен?

Жасым был, разумеется, согласен, так что судьба картошки и пары оставшихся сосисок была решена. Но проблема голода, как ни странно, осталась, и я не был уверен, что её удастся решить бутербродами с колбасой. Я весь вечер пробовал и не преуспел.

— Слушай, Казах, а как ты относишься к эчпочмакам?

— Ты ещё и их приготовил? — удивился он и недоуменно заозирался, пытаясь понять, куда я мог спрятать пирожки с сочной бараниной.

— Нет, конечно, — ответил я. — Где бы я их приготовил? Я и рецепта не знаю, да и мои поварские способности дальше простых вещей не распространяются. Я про наших татар.

С соседями-татарами у нас было нечто вроде вооруженного нейтралитета. Они не лезли к нам, а мы старались без особой нужды не заходить к ним. Ещё в начале года мы поделили с ними дежурства по ванной, туалету и тамбуру, и они относились к этим обязанностям со всей серьезностью — в отличие от нас, лентяев и бездельников. В принципе, только благодаря их стараниям наш блок ещё не зарос грязью, и в нём можно было принимать гостей без особого смущения. Но в остальных вопросах мы с этими ребятами не пересекались, хотя учились в параллельных группах. Эта ситуация меня напрягала ещё в первой жизни, и сейчас, раздобрев после обильной, но недостаточной еды, я решил, что пришла пора устроить небольшую революцию.

Я помнил, что Казах ещё осенью пытался наладить с нашими татарами тесные контакты как раз на предмет справедливой дележки продуктовых посылок, но не преуспел. Те почему-то не считали его за своего, хотя и он, и они были самыми натуральными тюрками. Возможно, тут сыграло то, что Казах не знал казахского языка. Дёма тоже разок пытался подкатить к соседям, но у него не было нужной мотивации, и он быстро оставил бесплодные попытки скорешиться. В своей первой жизни я трезво оценивал свои способности к дипломатии, поэтому даже не рыпался, но сейчас в моем арсенале имелось абсолютное оружие.

— Ставь воду, Жасым, — скомандовал я и решительно встал. — Сегодня татарская крепость падет перед натиском природных русов.

Казах странно посмотрел на меня, но никак не отреагировал на мою высокопарную речь. Он тоже поднялся и послушно подхватил кастрюльку, чтобы налить в неё воды. В тамбуре мы повернули в разные стороны — Жасым отправился в ванную, а я постучал в соседскую дверь. Она открылась мгновенно — словно меня ждали.

Там стоял Раф — так-то его звали Рафаэль, но про черепашек-ниндзя мы в те годы даже не слышали. Он был слегка рыжим, в трусах и с полотенцем на шее. Большим, махровым, розоватым и очень домашним полотенцем; общагскими вафельными недоразумениями они не пользовались. На своей кровати лежал Ильдар — более тощий и больше похожий на настоящего татарина, чем его товарищ.

— Раф, Ильдар, яхшы кен сезгә, — моё приветствие их слегка удивило.

Я нахватался татарских слов много позже учебы в институте — вместе с узбекскими, таджикскими и турецкими. Более распространенные языки я тоже, конечно, усвоил, правда,

лишь на бытовом уровне. Но старый я-студент кроме русского ничего не знал, для меня и английский был китайской грамотой, а татарский я слышал как бессмысленное бормотание, чем, собственно, вот эти ребята и пользовались. Я был почти уверен, что они так обсуждают сомнительные достоинства наших однокурсниц — хотя не исключал, что они просто тренируются, чтобы не забыть родную речь.

— Яхшы кен, — отозвался высокий Ильдар.

Он закрывал мне дорогу, но отступить не собирался. Смотрели они оба при этом очень подозрительно. И не без оснований.

— Такое дело, парни, — продолжил я. — Волею судеб я сегодня был занят спасением мира и не смог купить все необходимые съестные припасы. А то, что я купил, внезапно закончилось. Так что мы с Жасымом сидим голодные и скоро упадем в обморок, а ведь нам надо, как завещал великий Ленин, укырга, укырга и ещё раз укырга. Но я точно знаю, что на этой неделе тебе, Раф, прислали посылку с кучей вкусных эчпочмаков. И я думаю, что у тебя осталось несколько штук, которыми ты можешь поделиться с нуждающимися.

И ослепительно улыбнулся.

Раф и Ильдар всерьез задумались. С одной стороны, я подкатил к ним со всем уважением — даже произнес пару слов на их родном языке, хотя, наверное, с жутким акцентом. С другой — выполнение моей просьбы могло создать опасный прецедент и нарушить сложившийся статус кво, при котором у них всегда была дармовая еда, на которую больше никто не претендовал. С третьей — я не заикался о будущем, а просил помощи только сейчас.

— Якши, — кивнул Раф. — Два.

— Маловато для двух голодных мужчин, — улыбнулся я. — Четыре. С нас завтра триста грамм колбасы.

— Копченной?

Я кивнул. Всё равно завтра придется идти за продуктами и пополнять нашу кормовую базу. Купить батон «московской» было относительно несложно — она была дорогой, а потому иногда залеживалась на прилавке нашего продуктового. Правда, мои запасы дензнаков были не бесконечными, и это меня немного смущало. Но сейчас я был готов обещать всё, что они попросят — главное, чтобы они не поняли, что я нахожусь в безвыходном положении. Если они просекут, цена за четыре эчпочмака может оказаться неподъемной.

— Идет.

Раф отошел вглубь комнаты, повозился там и вернулся с обрывком газеты, на которой горкой лежали вкусные даже на вид треугольные пирожки. Я принял драгоценный груз, стараясь не выронить его из трясущихся от внезапно обретенного богатства рук. На куске газеты было видно название — «Социалистик Татарстан». Я вяло подумал о том, каким образом к ним попало это издание, если они оба вроде из Башкирии — но, в принципе, мне было плевать на миграцию татарской прессы.

— Рахмат, парни, — искренне поблагодарил я соседей. — Выручили, и очень сильно. Теперь студент не умрет голодным!

На последнюю фразу Ильдар даже хрюкнул, но собрался и ответил:

— Рэхим итегез.

Это выражение я тоже знал и слышал не раз. Поэтому просто склонил голову в знак признательности и вернулся в свою комнату, где вывалил приобретенное богатство под нос

обалдевшего Жасыма.

— Ого, — восхищенно сказал он. — Как ты пробил их татарскую спесь, брат? Может, и у меня получится?

— Сомневаюсь, брат, — ехидно ответил я. — Это были недоступные для тебя способности — вежливость, вежливость и ещё раз вежливость. Ну и немного татарского языка.

— Так ты знаешь татарский?

Лицо Жасыма с выпученными глазами я видел впервые за обе свои жизни.

— Только пару слов, — прошептал я. — Но не говори об этом Рафу и Ильдару. Они, похоже, тоже решили, что я знаю их язык и теперь, надеюсь, будут меньше лопотать на нем при нас. А это уже победа. Так что там с чаем?

И я выразительно посмотрел на кастрюльку, в которой уже булькало. Жасым заодно помыл заварочный чайник и засыпал в него свежую заварку — что в обычных обстоятельствах было настоящим расточительством. Жизнь налаживалась.

— Спасибо, что не забыл обо мне, брат, — вдруг сказал Жасым.

— Да ладно, — отмахнулся я. — О тебе, пожалуй, забудешь.

Казах как-то неловко отвел взгляд — и я вдруг вспомнил, что он имел полное право сомневаться. Буквально месяца три назад я натуральным образом забыл о нём, причем примерно в тех же обстоятельствах. Пришёл, слопал всё, что было съедобного в холодильнике — и завалился дрыхнуть. Казах же лёг спать голодным. Он, кстати, не высказывал особых претензий — да и бессмысленно это было, — мы периодически начинали скидываться на хлеб и масло, но обычно держались буквально несколько дней. Нашу кладовку мы пополняли от случая к случаю — кому надоедала пустота в желудке, тот и шёл в магазин. Остальные иногда компенсировали потраченное, а иногда — нет. По моим прикидкам, мы шли примерно вровень — то есть никто не сидел ни на чьей шее. И то хорошо.

— Я помню, — сказал я виновато. — Но такого больше не повторится. И надо бы возобновить договоренность о бюджете на еду, иначе мы так и будем периодически попрошайничать, а татары, боюсь, больше навстречу не пойдут.

Глава 5. Второе пришествие

Наверное, именно во время поедания эчпочмаков — они были, конечно, хорошо остывшими, но всё равно сочилились жиром и запах от них шёл божественный — я принял решение остаться в институте как минимум до следующего года. Сам я не помнил, когда дал заборостроению второй шанс, уже наутро, в субботу. Правда, на самом деле ничего судьбоносного в продолжении учебы не было — сдал экзамены за первый курс, до которых оставалось чуть больше месяца, пусть и на тройки, я давал себе фору в год. Даже если я на следующей сессии завалю все предметы, меня могут выгнать только к сентябрю, и то только в том случае, если я забью на всевозможные пересдачи.

Встал я рано, хотя ночью пришлось просыпаться, когда пришёл бухой Дёма — он чуть не свернул стол, которого во время его ухода не было, и, разумеется, разбудил нас с Казахом. Впрочем, я недолго слушал попытки нашего пьяного товарища заснуть — для меня прошедший день выдался весьма суматошным. Но выспался я быстро — уже в семь утра сна у меня не было ни в одном глазу.

Я приготовил себе чай и сотворил несколько бутербродов, позавтракал, умылся, помылся и побрился — в общем, привел себя в порядок и был готов к будущим свершениям. А потом достал из сумки листок с расписанием и внимательно его изучил.

На первом курсе нам преподавали так называемые общеобразовательные предметы, дотягивая знания вчерашних школьников до некоего минимума, необходимого для постижения премудростей выбранных специальностей. У нас была математика — но не простая, а высшая, — была физика и была химия, тоже продвинутые. Сейчас, во втором семестре, мы пытались постичь загадочную сущность органических соединений. Ещё нам давали несколько менее важных предметов вроде библиографии, физкультуры или иностранного языка. А также «Историю КПСС», философию, черчение и ещё немног всякого непотребства россыпью.

Конечно, с высоты своего жизненного опыта я понимал, что не все предметы одинаково полезны. На библиографию, например, можно было смело забить — на зачете от нас требовалось лишь правильно заполнить формуляр выдачи нужной книги, а экзамена не было. С английским, по идее, у меня тоже проблем возникнуть не должно, потому что я точно знал его лучше, чем в институте, хотя моё произношение наверняка доведет преподав до нервных тиков. Но и это моё кондовое произношение всё равно было лучше, чем у подавляющего большинства первокурсников, а уж сказать «Лондон из зе кэпитал оф Грейт Британ» я смогу, даже если меня разбудят среди ночи. Хотя мне всё равно надо было посмотреть пройденные темы, чтобы не выйти за рамки четко очерченного курса.

Со всем остальным у меня намечалась натуральная жопа. От истории и философии в моей голове за сорок лет не осталось ничего; я не помнил этих предметов, не помнил, что мы проходили и как сдавали зачеты и экзамены. То есть мне предстояло изучить их заново — причем не только материалы этого семестра, но и предыдущего, чтобы представлять, о чем идет речь. Не лучше была ситуация и с более важными для последующей учебы математикой, физикой и химией. Причем если на той же философии можно попробовать заболтать преподавателя, то на химии этот номер не проходил — там наверняка потребуют ответ с точностью до десятых и в каких-нибудь молях. А я не помнил, что это такое и с чем их едят.

Но начал я с истории, которая почему-то вызывала не такой ужас, как всё остальное. Оказалось, что я ошибся — ужас содержался внутри толстого учебника на семьсот с гаком страниц, разделенных на двадцать глав. Повествование в нем начиналось с первых марксистских кружков XIX века и заканчивалось судьбоносными — как же иначе — решениями XXV съезда КПСС. Этот съезд был в семьдесят шестом, незадолго до смерти Брежнева прошел следующий, но учебники, видимо, обновить не успели. Впрочем, я понимал, что вопросы по двадцать шестому съезду на экзамене обязательно будут.

Читать этот талмуд целиком я, разумеется, не стал. К каждой главе прилагались «краткие выводы», которые в концентрированной форме передавали основную суть. Но кое-что мне пришлось прочесть очень и очень внимательно — это касалось фамилий лидеров Октябрьской революции и то, в каком контексте они упоминались. Немного бесило отсутствие интернета и невозможность скачать текстовый файл, чтобы пробежаться по тексту простым поиском. Но я справился, уяснив для себя главное — Троцкого нельзя было хвалить ни в коем случае, а заслуги Сталина допустимо было упоминать, но не всегда. Лучше всего вместо фамилии одиозного вождя использовать слово «партия».

Скорее всего, мне придется прикладывать невероятные усилия, чтобы не выдать экзаменатору какую-нибудь «правду» из моего времени и не превратиться в главного диссидента страны, затмив одновременно Солженицына, академика Сахарова и относительно молодую Новодворскую.

В общем, со своим набором перестроечных баек и отсутствием какого-либо почтения к коммунистической идеологии я буду на экзамене по этому предмету как на минном поле и с караулом на вышках. Но если лить побольше воды, то, наверное, справлюсь.

Помнится, в девяносто первом этот предмет безжалостно выкинули из учебной программы из-за несоответствия новым установкам, и целый год у первокурсников вообще не было истории. Потом она вернулась в виде более внятной «Истории России».

— Ты чего вскочил так рано?

Было уже около девяти, когда Жасым продал глаза и увидел меня, бодрого и слегка охреневшего от прочитанного.

— Доброе утро, — улыбнулся я. — Не спится что-то, решил позаниматься. Экзамены скоро, а я вообще ничего не помню. Даже то, что позавчера проходили.

Врать я не любил и в любой ситуации старался обходиться только правдой.

— Херней страдаешь, брат... — протянул Жасым. — Как там наш алкоголик?

Я посмотрел на Дёму. Он закутался в одеяло, как в кокон, но только туловищем; на ноги одеяла уже не хватило. Я еле сдержался, чтобы не укрыть его ещё и покрывалом.

— Дрыхнет, — ответил я. — Думаю, он только к обеду очухается.

— Это да... Завтракать пойдём?

В выходные мы обычно ходили в ту столовку, где подавали резиновые котлеты, но именно сегодня меня туда совсем не тянуло. Я вдруг вспомнил о более приличном заведении, что располагалось недалеко от метро — мы в нём были буквально пару раз по причине слегка задранных по студенческим меркам цен. Но кормили там не в пример лучше.

— Есть чай, колбаса, сыр, хлеб и пряники, — ответил я. — В столовку что-то не тянет. Но днем можем заглянуть в «Ромашку».

Меня ещё в первой жизни веселил советский нейминг. «Ромашкой» назывался не ближайший детский садик, а вполне респектабельный небольшой ресторанчик. Вечером его оккупировали пьяные компании, и можно было нарваться на серьезные проблемы, просто

проходя мимо, а вот днем там было тихо и пусто.

— «Ромашку»? Тебе деньги откуда-то упали? — недоверчиво спросил Жасым. — Я до стипендии на мели, тогда и родители что-то пришлют.

Я помнил, что у Казаха финансовое положение было примерно таким же, как и у меня. Из нас троих только Дёму можно было назвать богачом, но тот со своим богатством обращался слишком беспечно. Так что к концу месяца в нашей комнате проходило негласное соревнование — кто больше выпросит в долг у знакомых. Побеждал обычно Дёма, но его победы особого облегчения нам не приносили — в силу его образа жизни. Впрочем, что-то из добытого им шло и на поддержание наших с Жасымом штанов.

— Я тоже не ебу дочь миллионера, если ты об этом, но мы выкрутимся, Казах. Сэкономим на ужинах — я вчера неплохо закупились, можно ещё добавить немного овощей, фруктов и каких-нибудь конфеток — и каждый день устраивать неплохой пир, не заходя в столовку. Так что шиканем немного в «Ромашке», но позже. И с бутерами сам разбирайся, не маленький. А я попробую прояснить для себя смысл жизни.

— Э... ну хорошо, брат. Давай в «Ромашку», — Казах, похоже, пребывал в некотором недоумении. — А что за смысл жизни?

— Философия, брат, — я поднял учебник по этому предмету. — Она, правда, марксистско-ленинская, но и в ней есть про то, зачем мы существуем. Хотя написано очень и очень мутно.

Я решительно открыл книгу, нашел оглавление и понял, что это надолго.

Удивительно, но следующие несколько часов меня никто не отвлекал — для нашей комнаты случай почти невероятный. Дёма продолжал похрапывать, а Жасым после завтрака немного повалялся на кровати, но потом присоединился ко мне. Вернее, он просто сел со своей стороны за стол, достал тетради с лекциями и учебники и тоже начал заниматься — но я не стал уточнять, чем именно.

Было уже хорошо за полдень, когда я решил, что на сегодня философии хватит.

— Жасым, как насчет прогуляться в сторону «Ромашки»?

Тот оторвался от своих записей и, подумав немного, кивнул.

— Можно. Только без пива, лады?

— Да смотри сам, — беспечно отмахнулся я. — Я пока не знаю, может, возьму кружку. Нам бы ещё в магаз завернуть, я татарам обещал колбасу за вчерашний подгон.

Пиво в том кафе было разливное и очень приятное — особенно под соответствующую закуску. Воблу, кстати, там тоже продавали.

— А, так вот как ты их раскрутил!

— Не, это уже потом, и я сам предложил, — ответил я.

Мы синхронно встали, также дружно посмотрели на устроенный нами бардак на столе, на спящего Дёму — и решительно принялись убирать учебники и тетради в тумбочки. Неизвестно, что придет нашему приятелю в голову с перепоем.

С одеванием у меня вышел очередной затык. Я ещё вчера подумал о том, что нужно провести инвентаризацию своего гардероба, потому что совершенно не помнил, что у меня имелось из вещей к концу первого курса, но отвлекся на судьбы мира и не сделал этого. Впрочем, оказалось, что там и вспоминать было нечего.

Например, я был гордым обладателем брюк с чудовищным клёшем — мать купила их ещё в десятом классе школы, когда я к середине четвертой четверти вдруг вытянулся, и форменные штаны стали походять на шорты. За институтский год я подрос ещё немного, но

не слишком сильно, и длина у этой мечты моряка оставалась вполне приличной — хотя сам фасон наводил меня на грустные мысли. Из рубашек лишь одна была относительно чистой, хотя и сильно помятой; вторую я израсходовал, кажется, раньше, а ту, что натягивал на Аллу, ещё не привел в порядок. Но помятость скрыл пушистый темно-серый свитер, а сверху всё это безобразие прикрыла темно-синяя курточка с резинкой по талии. Ботинки были тяжелыми даже на вид; я вспомнил, что купил их уже сам, незадолго до Нового года, так как моя предыдущая пара, предназначенная на весенне-осенний сезон, развалилась в ноябре. Ещё у меня были ботинки модели «прощай молодость» — для зимы, а также пара хорошо поношенных кед на лето. Широко жил первокурсник Серый, что и говорить.

— Я готов, — сообщил я.

Жасым, который ещё находился в процессе одевания — буквально одной ногой в штанине, — хмыкнул. И оперативно шлепнулся на кровать, когда дверь в нашу комнату распахнулась, а знакомый мне девичий голос радостно возвестил:

— Привет, мальчики!

— Здравствуй, Алла, — настороженно поздоровался я. — Давно не виделись... какими судьбами к нам? Надеюсь, сегодня у тебя всё в порядке?

Алла была совсем не похожа на ту побитую собачонку, с которой я вчера днем прощался в тамбуре. К нам заявила уверенная в себе красавица, с неплохими — по меркам общаги — макияжем и маникюром, в модной кожаной юбке, доходившей до середины бедра, высоких сапогах до колен и в кожаной же красной курточке. На голове у неё красовался приведенный в порядок «взрыв на макаронной фабрике» — одна из самых модных на тот момент причесок; такая, если я не ошибаюсь, была у певицы Шер и повелительницы тьмы Эльвиры. Правда, со слегка русыми волосами Аллы этот модный шик смотрелся, мягко говоря, забавно.

— Эй! — напомнил о своём виде Жасым.

— Ой, да что я там не видела!

Она, кажется, была уверена, что это её собственная шутка. Правда, я эту фразу так и не произнес, но подумал о ней. Она должна была догадаться.

Про Аллу Казах знал — я ему рассказал о спасении девушки ещё вчера, сразу после сытного ужина татарскими эчпочмаками. Он знал, в каком состоянии она попала на его кровать, и про наши с ней разговоры, и про то, как она пыталась сбежать — я не счёл нужным ничего скрывать. Я думал, что больше эту Аллу не увижу, да и не особенно горел желанием видеть её. А оно вон как.

— О, ты многого не видела, — вмешался я, пока Жасым пытался покраснеть от смущения. — Может, у него трусы в цветочек?

— Что, действительно в цветочек? — Алла заинтересованно повернулась в сторону Казаха.

— Идите нахрен, оба! — заорал тот. — Дайте одеться спокойно!

— Алла, некрасиво так себя вести в обществе неженатых мужчин, — попенял я. — Пойдем...

— Да вы мальчишки ещё...

Договорить я ей не дал — аккуратно взял под локоть и вывел в длинный общагский коридор с рядами одинаковых дверей с разными номерами.

— Мальчишки мальчишкам рознь, — наставительно произнес я. — Некоторые вон уже рыцарями работают, жизнь невинным девам спасают. А эти девы потом проявляют самую

натуральную неблагодарность.

Из нашей двери выглянула лохматая голова Дёмы. Он заспанными глазами безошибочно нашел Аллу и тут же расплылся в своей фирменной улыбке.

— О, у нас гостья. Я Демьян, самый классный парень в этой комнате. А ты кто, прекрасная незнакомка?

Алла с недоумением посмотрела на меня.

— Дёмыч, исчезни, — как можно более грозно сказал я.

— Но как я могу...

— Легко, — я добавил металла в голос. — Дверь закрой с той стороны и исчезнешь, нам поговорить надо.

— Девушка... — Дёма попробовал апеллировать к слабому полу.

— Дём!

Видимо, Дёма всё же проспался и почти мог соображать — он понял, что я не шучу и решил не идти на обострение. Голова скрылась в тамбуре, а дверь захлопнулась.

— Это что за чудо?

— Дёма, наш любимый двоечник. Ну и ловелас, конечно. В принципе, хороший парень, но иногда я от него устаю.

— Понимаю, — кивнула она. — Я его видела секунд тридцать, а уже была готова придушить.

— Некоторым нравится, — пожал я плечами. — На вкус и цвет, как говорится.

— О, ты ещё и философ!

— Только что учил, — похвалился я.

— Я тебя не отрываю от такого важного занятия?

— Не, уже всё. Мы с Казахом в едальню собирались...

— А казах это?..

— Тот грубый молодой человек в трусах в цветочек. Но вообще он — Жасым, просто из Казахстана.

— Надо же, я подумала, что он бурят, — Алла улыбнулась.

— Без разницы, думаю. Но он уверен, что казах. У него и прозвище такое — Казах. Так ты чего к нам вернулась? Я думал, у тебя программа на выходные уже расписана поминутно, и на визиты вежливости времени нет.

— Черт, ты выражаешься, как мой отец. Меня это даже немного напрягает, — лицо Аллы посуровело.

— А кто у нас отец?

Алла на секунду замешкалась.

— Неважно, — произнесла она и отвела взгляд, но быстро вернула его обратно, уставившись прямо на меня: — Я чего к тебе пришла... как раз про благодарность. Не люблю быть обязанной, а я тебе, как ни крути, обязана. Ну если ты не соврал про то, что я могла окочуриться...

Я покачал головой.

— Не соврал, клянусь.

— Клянется он... ну тогда вот — я пришла отдать долг.

— Эм, — я оглядел пустой по субботнему времени коридор. — Прямо здесь?

— Ох, ну до чего пошлый первокурсник пошел... — я должен был признать, что сейчас Алла выглядела более уверенной, чем вчера. — Нет, у меня для тебя сюрприз приготовлен.

Ты помог мне, я отблагодарю тебя.

— Вообще-то я просто поступил так, как поступил бы любой шевалье на моем месте. Наверное, любой, — я изобразил задумчивость.

— Шевалье нашелся, тоже мне! — она ткнула меня в плечо. — Но я уже всё решила — мы с тобой сегодня будем развлекаться! Так что пошли — и никаких возражений!

Алла покачала перед моим носом указательным пальцем.

— Куда хоть? — вяло поинтересовался я.

— Тебе понравится, гарантирую.

— Ну раз гарантируешь... — окончательно сдался я. — Признайся честно — это твоя Ирка отказалась куда-то идти после вчерашнего, и ты вспомнила обо мне?

Алла пару секунд внимательно смотрела на меня, а потом как-то натужно рассмеялась.

— Догадливый ты, шевалье! У неё голова болит, и она никуда идти не хочет. А я тут никого не знаю, а искать своих... ну... долго. Могу не успеть.

— Понял, — я кивнул. — Тогда подожди пять сек, я Казаха предупрежу, что мои планы изменились.

В комнате всё оставалось по-прежнему, только Дёма, завернувшись в одеяло, теперь сидел на кровати и изображал обиженного на весь мир попугая Кешу. Жасым тоже присел на свою кровать, так и не закончив надевать штаны.

— Это кто такая? — вскинулся Дёма при моём появлении.

— Алла, — коротко ответил я. — Девушка, если ты не заметил.

— Я заметил! — возмутился Дёма. — Я должен с ней познакомиться!

— Ты вчера с москвичками знакомился, — подколот его Жасым. — А потом с ними полночи пил. Неужели ни одна из них не дала тебе?

— Не-а, — беззаботно отмахнулся Дёма. — Хотя там была дочка какого-то министра, а это уже перспективный кадр. С такой роднёй остаться в Москве — раз плюнуть.

В этом Дёма был прав. Для моих сокурсников женитьба на москвичке была одной из основ устроенной жизни. Выпускника, который так и не обеспечил себе тылы за пять лет учёбы, ждало распределение в такую Тьмутаракань, что и на карте не сразу найдешь. Почему-то стратегические и тактические заборы строили только в самых укромных уголках нашей необъятной родины.

Меня-нынешнего эта перспектива не особо волновала. Мы окончим институт только через четыре года; к тому времени Горбачев объявит Perestroyka и Glastnost' и начнет внедрять новое мышление, которое больше всего подойдет умелым приспособленцам из комсомола и директорам предприятий. Они будут больше озабочены деньгами, а не трудоустройством вчерашних студентов, так что система распределения выпускников просто-напросто закончится. Мы будем устраивать жизнь по собственному разумению.

Я и Жасым окажемся в аспирантуре, куда не собирались — просто потому, что аспирантов не забирали в армию, куда нам очень не хотелось. Ну а Дёму вообще из-за «успехов» в учёбе через год отчислят, он будет отдавать долг Родине в какой-то дыре на восточных окраинах — хорошо, что не в Афгане, — и для него проблемы распределения не будут существовать в принципе. Правда, насколько я помнил, в армии с Дёмой случилось что-то нехорошее, но подробностей не знал.

Самое паскудное, что в данный момент я ещё не решил, стоит ли пытаться свернуть жизнь Дёмыча с дорожки, которая приведет к ножу в его печени, или же нужно оставить его на милость судьбы. Оба варианта с точки зрения хорошо пожившего на этом свете меня

выглядели равнозначно, хотя это было до предела цинично. Настоящие комсомольцы наверняка сделали бы всё, чтобы спасти товарища.

— А что за министр? — поинтересовался я.

— Да фиг знает, — отмахнулся от меня Дёма. — Мы не настолько близко сошлись, чтобы про должность отца выведывать.

— Ну а с чего ты решил, что она тебе даст? — продолжал я наседавать.

— Да ничего я не решил, отстань. Просто дочка министра — почему бы не попробовать с ней не замутить?

Замутить можно, за замут денег не берут. Но я понял, что попасть в круг общения советского руководства через Дёму, скорее всего, не получится.

— Главное, чтобы она была не против, брат, — веско сказал Жасым. — А вообще это тебе к нам надо, в глухую деревню где-нибудь на юге Казахстана. Там если жигит положил на девку какую взгляд, и её отец посчитал, что родители жигита не ниже его самого по положению, то ту девку никто и не спрашивает. Хотя вряд ли какой министр сочтет, что ты ему ровня.

Удивительно, но за всю эту речь Жасым ни разу не улыбнулся. Впрочем, всё могло быть именно так, как он описывал. Я точно знал, что сразу после распада Союза во многих республиках мгновенно вспомнили старые обычаи похищения невест — словно и не забывали. Оставшейся в веках дикостью это наследие феодального прошлого было только в комедии Гайдая.

— Ну почему же, — довольно улыбнулся Дёма. — Отец хоть с нами и не живет, но не последний человек в городе. Деньги у него водятся...

— Ладно, это всё хорошо, — оборвал я откровения Дёмы. — Жасым, Алла пригласила меня на свиданку, и я уже согласился. Ты не обидишься, если наш поход в «Ромашку» сегодня не состоится?

— Да не, брат, — отмахнулся Казах. — Я сразу понял, что она не просто так пришла. Иди, конечно, я в столовке пообедаю.

— Эй! — окликнул меня Дёма. — А откуда ты её взял?

От верблюда, конечно.

— Жасым расскажет, — бросил я уже из дверей. — Если захочет.

Алла не высказала ни малейшего неудовольствия моим слегка затянувшимся отсутствием. Она словно понимала, что у мужчин, отягощенных всякими заботами вроде изучения философии и походов в «Ромашку», могли быть веские причины отказать ей, если она решит выразить свою благодарность не в то время и не в том месте. Впрочем, это её дело, кому и где отдавать долги, которых у неё, наверное, воз и маленькая тележка.

— Так куда мы движемся? — снова спросил я, когда мы вышли из общежития.

— К метро, — ответила Алла. — Если, конечно, у тебя нет персональной машины.

— Откуда? — я поднял глаза к небу. — Я всего лишь скромный первокурсник.

Машины у меня, разумеется, не было. Свой первый автомобиль я куплю только через восемь лет, и обойдется он мне безумно дорого. Но то было время, когда почти любой «Жигуль» в приличном состоянии меняли на двухкомнатную квартиру в неплохом районе Москвы — и некоторые находили, что владельцы авто даже продешевили, когда соглашались на такую странную сделку. Мне повезло — семья моего знакомого еврея уезжала в Израиль на веки вечные, и мне оставалось только перегнать их «тройку» из-под Житомира и переоформить её на себя. Границы тогда ещё не было, путешествие обошлось почти без

приключений, хотя на дальние расстояния я на той развалюхе ездить зарёкся. И даже отказался из-за этого от нескольких очень выгодных предложений.

— Ну мало ли, — Алла пожала плечами. — Я лично знала первокурсников, у которых были «Волги», причем тридцать первые.

— Из какого-нибудь МГИМО? — небрежно спросил я.

Она кивнула.

— Как догадался?

— Ну а где ещё может учиться сын отца, способного купить отпрыску на совершеннолетие новый и дефицитный автомобиль? Не у нас же. Заборостроители такими возможностями не обладают, — я развел руками.

Алла засмеялась. На трезвую голову её смех оказался достаточно приятным и совершенно не унижительным. Впрочем, повод для её веселья тоже не был унижительным.

— Смешно, — сказала она. — Но да, именно там учатся такие детки.

— И ты водишь с ними знакомство, — немного бесцеремонно напомнил я.

— Так получилось, — Алла пожала плечами.

— У меня вот не получается, — пожаловался я. — Хотя, думаю, среди мгимошников есть хорошая девушка, которая могла бы составить пару скромному и провинциальному мне.

Честно говоря, я бил наугад — в надежде уличить её в том, что она учится в этом заповеднике мажоров, и, кажется, сильно промахнулся.

— Сомневаюсь, — улыбнулась Алла. — С хорошими девушками там всё очень плохо. Да и с хорошими юношами тоже.

Я решил не давить.

— Как скажешь. Поверю тебе на слово. Но всё же, куда мы идем?

— Увидишь, потерпи. Иначе сюрприза не получится.

— Опять же — как скажешь. Я не тороплюсь, у меня впереди всё время мира.

Алла снова засмеялась.

А я поймал себя на том, что эта девушка нравится мне всё больше и больше. Это чувство было мне знакомо, и я, честно говоря, слегка испугался. Я знал свои слабости и знал, на что способен. Если я вдруг влюблюсь в неё по-настоящему — вряд ли кто остановит меня от того, чтобы искать с ней встречи. А это потеря времени, которого у меня на самом деле почти не было, и возможности заниматься тем, чем собирался. То есть страна так и останется не спасенной — и всё из-за того, что старик, которому удалось вернуться в прошлое, внезапно втюрился в девчонку, которая втрое его моложе.

Утешало только то, что весь мой опыт был за то, что Алла влюбиться в меня никак не могла. Хотя настораживали вот этот повторный визит, приглашение на самое натуральное свидание и некий обещанный мне сюрприз. Вряд ли за свои вчерашние подвиги я мог рассчитывать на что-то столь весомое. Впрочем, я пока выкинул все эти мысли из головы и решил посмотреть, как события будут развиваться дальше. Возможно, всё это действительно ничего не значит, а я действительно просто подвернулся Алле под руку.

До метро мы добрались достаточно быстро, а там я едва не спалился, потому что всё выглядело очень непривычно. Невольно помогла Алла — она бросила в прорезь турникета большой медный пятак, я повторил за ней — нужная монетка нашлась в кармане куртки. Я даже сумел пройти без потерь, хотя с секунду колебался, так и не дождавшись привычной зеленой стрелки. Я заметил, что некоторые люди свободно проходили в открытый турникет рядом с контроллером, показывая женщине в форме некие небольшие прямоугольнички.

Нечто подобное имелось и в моем кармане — я украдкой достал его, пока мы ждали поезд, и обнаружил там надписи «студенческий проездной», «апрель 1984 года» и «единый». И вспомнил, что такая роскошь стоила целых три рубля — вдвое меньше нормального, — и позволяла сколько угодно кататься на всех видах московского транспорта. Распространял их наш институтский профком, и это была единственная польза, которую я видел от этой организации.

У меня с метро были нормальные отношения. Несмотря на то, что последние лет тридцать своей первой жизни я провел за рулем, я часто пользовался и общественным транспортом, и все происходившие с ним пертурбации познавал на собственной шкуре. Собственно, именно это и сбивало меня сейчас с толку — нужно было вспомнить, что происходило под землей четыре десятилетия назад, а показывать свою неуверенность перед Аллой мне не хотелось. И так с проездным пролетел.

Ехали мы довольно долго. В центре пересели на другую ветку — этот переход я помнил хорошо, хотя мои былые навыки сейчас остались неиспользованными. Народу было немного, и мы с Аллой просто следовали в жидком потоке, причем в какой-то момент она решительно подхватила меня под руку, и со стороны мы, наверное, выглядели настоящей парой — хотя наша скорость, на мой вкус, была несколько выше, чем у других влюбленных.

— Всё ещё не хочешь сказать, куда ты меня тащишь? — на длинном эскалаторе перехода я развернулся к ней и наши головы оказались почти на одном уровне. Всё же Алла была здорово ниже меня.

— Нет! — отрезала она. — Сам увидишь.

— А если я боюсь? Вдруг ты меня сейчас заведешь на заброшенный завод и прикончишь там большим мясницким ножом? Ведь у тебя есть большой и острый мясницкий нож? Учти, если он окажется тупым, я буду кричать, — я ухмыльнулся.

— Дурак! Где я тебе в Москве заброшенный завод найду? — хихикнула она.

— Ну мало ли, распотрошишь какой-нибудь ЗИЛ...

Мы продолжали перебрасываться ничего не значащими репликами, а я подумал, что Алла права — в этом времени заброшенных заводов в Москве не было. Где-нибудь в провинции, наверное, что-то такое могло найтись, да и то вряд ли — несмотря на свою заикленность на коммунистической идее, советские начальники старались не разбрасываться ценным имуществом, в которое вложены народные средства. Они могли использовать их не самым лучшим образом, что частенько и делали, а вот просто бросить какой-то неудачный проект разрушаться от природных факторов — нет, на это они были неспособны.

Заброшка, впрочем, имелась — и в самой Москве, и в её окрестностях. Всякие церкви и соборы, дворянские усадьбы, для которых не нашлось подходящих учреждений, и прочие памятники старины. Подобные здания поддерживали в хоть каком-то приличном состоянии только если они были освящены самим Лениным. Правда, вождь мирового пролетариата посетил далеко не всё, что мог, так что при желании Алла всё же могла найти местечко поукромнее, чтобы спрятать мой хладный труп. Если она, конечно, задумывала недоброе.

Но, кажется, ничего плохого она не замышляла. Мы оказались на поверхности в окрестностях парка Коломенское, но с другой стороны шоссе. В парке, кстати, имелись живописные руины — Лужков начнет их восстанавливать лет через двадцать, а закончит незадолго до утраты доверия. Я осмотрелся, и хотя почти не узнавал эту местность, но предположить, куда Алла меня ведет, уже мог.

— Мы в общаги МИФИ идем? — спросил я.

— Всё тебе не терпится, — Алла надула губы, но не выдержала и кивнула. — Туда, да.

Ты уже там был?

— Ни разу, — честно признался я.

Мне показалось, что она облегченно выдохнула. Неужели для неё так важно, чтобы был именно сюрприз?

— Слушай... — я обратился в слух. — Надо бы в продуктовый заглянуть.

— А это зачем?

— Ну... выпивки купить немного, — Алла слегка порозовела, но собралась и пояснила: — Без неё там будет грустновато. Впрочем, если хочешь, можем и не заходить. Как ты там сказал — на вкус и цвет?

— Ага, все фломастеры разные, — кивнул я. — То есть выпивка желательна, но не обязательна?

— Примерно так. Но я бы предпочла быть с ней. И закуску какую-нибудь надо будет придумать, кормить там точно не будут.

— Любопытное мероприятие, — прокомментировал я. — Но давай возьмем чего-нибудь, не думаю, что это сложно.

В принципе, ничего необычного в таком подходе к организации увеселений я не увидел. В студенческие годы мы частенько пьянствовали в компаниях, в которые спиртное надо было приносить с собой. Ну и закуску тоже, хотя от этого многие отлынивали.

— Всё ещё не хочешь сказать, зачем мы тащимся в такую даль? Ведь не затем, чтобы напиться? — сделал я последний подход.

— Нет, конечно, уж точно не сейчас, когда мы почти у цели. Не сомневайся, студент, всё будет тип-топ.

— Да я и не сомневаюсь, — машинально ответил я, оглядываясь по сторонам.

Вообще-то мне было немного не по себе. Меня ждала незнакомая общага, незнакомые люди и, возможно, тесно споенный коллектив с давно сложившимися и неизвестными мне правилами поведения — если предположить, что речь идет о какой-то вечеринке знакомых Аллы из той самой общаги МИФИ. Время сейчас было простое — незнание неписанных правил не освобождало от ответственности, а влезать в разборки мне очень не хотелось. С другой стороны, разрешать конфликты я умел, и опыт был на моей стороне. А с третьей — я опасался, что мне, возможно, снова придется иметь дело с пьяной Аллой, и что она выкинет на этот раз, я не мог даже предположить.

Нужный магазин обнаружился недалеко от станции метро, на первом этаже семиэтажки из желтого кирпича.

— Дорогу в Изумрудный город, похоже, разобрали, — попытался я пошутить, но наткнулся на непонимающий взгляд Аллы.

Любопытно. По моим воспоминаниям, сказки Волкова в этом времени знали все дети, подростки и взрослые.

— Не бери в голову, глупость сморозил, — ответил я на её немой вопрос.

— Бывает, — откликнулась она таким тоном, что у меня стало холодно на душе.

Но она снова подхватила меня под руку и решительно повела к нашей цели. И я оттаял.

Вчера я уже опробовал магазины этого времени и почти восстановил нужные навыки, так что чувствовал себя достаточно уверенно. Сначала мы отстояли небольшую очередь в колбасный отдел, где затарились «Докторской» и каким-то «Вологодским» сыром — всё в

нарезку, разумеется. Алла этому как-то сильно удивилась — оказывается, она и не подозревала, что продавцы могут предоставлять такую услугу. Конечно, тут всё происходило в ручном режиме, ножом и без перчаток, что меня немного смущало. Но пилить бутерброды самому в незнакомой обстановке мне не хотелось. К тому же свой первый перочинный ножик я куплю только на втором курсе.

Тот же трюк я провернул и в хлебном — причем по желанию Аллы мы взяли буханку «Бородинского», к которому я относился с легкой настороженностью, но ради девушки готов был пойти на определенные жертвы. Ещё мы заглянули в кондитерский, где я купил достаточно дорогую шоколадку — других, впрочем, не было. Всё это отправилось в мою спортивную сумку, а нам пришлось возвращаться в колбасный отдел — я вспомнил об обещанной татарам колбасе. Её я резать не просил — и после этого крюка мы, наконец, добрались до винно-водочного отсека.

Ровно через год Горбачев начнет очередную антиалкогольную кампанию. Цели у неё — как у всех предшествующих — были самые благие, масштабы прямо-таки космические, а вот результаты оказались так себе. Но в результате той кампании из магазинов почти исчезли вот такие безлюдные места с алкоголем, цены взлетели весьма заметно для советского кошелька, а изготовители самогона буквально озолотились. И то изобилие различных водок и вин, которые мы с Аллой наблюдали за высоким прилавком, вернулось только много лет спустя.

— Что будем брать? — спросил я её.

Сделал я это сознательно — и чтобы поинтересоваться её мнением, что должно было ей понравиться, и потому, что я сильно плавал в марках вин этого времени. Какие-то воспоминания пробивались сквозь толщу лет — вроде портвейнов «Агдам» и «Три семерки», водки «Столичная», — но я готов был полагаться на её выбор.

— Там вон есть «Вазисубани» и «Хванчкара»... — задумчиво произнесла она. — Они вроде неплохие...

— Грузинские вина хорошими не бывают, — наставительно произнес я, заставив продавщицу резко вскинуть голову. Впрочем, женщина промолчала, за что я был ей благодарен — хотя она, наверное, просто решила не принижать мой авторитет в присутствии спутницы. — Хотя «Хванчкару» пить можно без опаски. А ты как к пиву относишься?

Я уже углядел на полках батарею «Жигулевского», и был готов душу продать даже за одну бутылку. Пиво я любил.

А вот Алла продолжала сомневаться.

— Да не очень... — протянула она. — Хотя иногда можно...

— Давай его возьмем? И опьянеть не опьянеем, и какой-никакой алкоголь. С закуской вообще на ура пройдет... правда, шоколадка не пригодится, но я её тебе на завтра отдам, для восполнения калорий.

Я был готов поклясться, что продавщица посмотрела на меня с уважением. Кроме того, её мой выбор, видимо, устраивал полностью, потому что она поспешила вмешаться.

— Что будем брать, молодые люди? — суровым голосом спросила работница прилавка.

— Пусть будет пиво, — быстро согласилась Алла. — Это, наверное, даже лучше вина.

Мы взяли пять бутылок — Алла хотела три, уверяя меня, что больше одной не выпьет, но я настоял на своём. Платил за всё, кстати, именно я — и с каждой покупкой чувствовал, как дыра в моём бюджете становится всё больше и больше. Но просить Аллу разделить

траты я не мог — это полностью противоречило моим убеждениям, и слава богам, что в 1984-м в СССР не было капитализма. Все наши покупки спокойно уложились в какие-то семь рублей.

Местность у поселка Москворечье была мне знакома — приходилось и сюда клиентов возить, — но сейчас тут выделялись только высокие общежития, которые смотрелись как гиганты среди местных девятиэтажек. Всё было очень новым и в чем-то даже красивым.

Алла явно была здесь не первый раз. Она уверенно шла по извилистым дорожкам, сворачивала то вправо, то влево, неуклонно приближая нас к неведомой цели. У одного из домов мы остановились.

— Всё, пришли. Если кто спросит — мы авторы, принесли материал в их журнал, — сказала она.

— Что хоть за материал? Не вот это же показывать, — я хлопнул ладонью по выразительно звякнувшей сумке.

— Нет, конечно, не придуривайся. У них есть журнал, они туда про искусство пишут. Картинки всякие, художники старые, стили, эпохи... я в этом плохо разбираюсь. Но нам и не надо. Про материал скажем — сразу пропустят, тут к авторам со всем почтением относятся.

— Ага, ноги моют и воду пьют, — пошутил я.

Но Алла даже не улыбнулась.

— Примерно так и есть. Странные люди, но нам же лучше.

И тут нас отвлек очень неприятный звук. Я хорошо его знал — это был звук автомобиля, водитель которого зачем-то тормозил сцеплением, а не предназначенными для этого тормозами. Мы обернулись.

По широкой автомобильной дорожке к нам рывками приближалась зелененькая «двушка» из семейства «Жигулей» — сначала я посчитал её более привычной «четверкой», но потом заметил круглые фары. В принципе, спутать модели «классики» от ВАЗа легко — если ничего не знать о форме фар, кузова и решетки радиатора.

Выглядела «двушка» очень новой — впрочем, их производство прекратят лишь через пару лет, — но вот прокладка между сиденьем и рулем у неё явно была не из лучших. Мотор периодически подвизгивал на высоких оборотах, но сам автомобиль еле полз — и я не мог понять, почему он ещё не заглох от подобных издевательств. Вазовские движки особых вольностей водителям не позволяли, хотя при должном уходе были способны на многое.

Машина проползла мимо нас, попыталась прижаться к бордюру, но дернулась и, наконец, заглохла. Водительская дверь тут же распахнулась, оттуда вывалился совсем молодой белобрысый парнишка, который подскочил к багажнику и начал судорожно пытаться открыть его ключом. У него не получалось, он нервничал всё сильнее — и от этого его шансы на успешный исход уменьшались прямо на глазах. Впрочем, финал этого шоу нам посмотреть не дали. С пассажирского места вылез высокий юноша в модной кожаной куртке, он подошел к белобрысому, отобрал ключи и одним движением распахнул дверь багажного отсека. Там лежали весьма узнаваемые вещи — пара гитар в мягких чехлах.

А потом из «двушки» выбрались ещё два пассажира. Я мельком пробежал по лицу первого, отметил, что его одежда похожа на одежду того, кто помог горе-водителю открыть багажник. А вот последнего пассажира я знал очень хорошо, хотя никогда не встречал. Я знал, как его зовут, сколько ему лет и знал, когда он умрет и как. Для меня он в представлении не нуждался.

Это был Виктор Цой, и он был жив.

Глава 6. Рок-н-ролл мертв

Хотя почему Цюю не быть живым? Сейчас на дворе 1984 год, он погибнет лишь через несколько лет, успев написать несколько хороших песен, а его смерть превратит заурядного в целом рокера в настоящую легенду, про которую фанаты и будут утверждать, что он не умер, а вышел покурить.

Из ступора меня вывел толчок в плечо. Я встряхнул головой и посмотрел на Аллу.

— Что?

— Ты чего так на них уставился?

— Да так... — уклончиво заметил я. — Вдруг задумался.

Музыканты «Кино» — а я уже не сомневался в том, что это они — начали выгружать свои инструменты из багажника, и мы с Аллой отошли в сторону, чтобы не мешать.

— Слушай, а ты меня случайно не на сейшен какой-нибудь привезла?

— Ого, — она восхищенно посмотрела на меня. — Как ты догадался?

— Ну это же «Кино», — я кивнул в сторону машины, но заметил непонимание на лице девушки и уточнил: — Группа такая, из Ленинграда. Наверное, они сегодня будут тут выступать.

— Да, точно, он так и говорил... — Алла забавно сморщила переносицу и слегка погрустнела, — Я... Дима говорил, что вживую они бесподобны... А ты их видел раньше? Сюрприз не удался?

Она выглядела очень огорченной.

— О нет, вполне удался. Я знаю только пару песен, — десятка три на самом деле, да и остальные узнаю, если услышу, но понятия не имею, что из этого «киношники» уже написали, — но на их концерте не был ни разу. Они, кажется, очень редко выезжают из Пи... Ленинграда. Так что ты права — мне уже нравится.

— Ну вот! — расцвела она. — А ты сомневался...

— Да не сомневался я, — возразил я. — Слушай, у тебя сигареты есть? Что-то курить дико захотелось.

— Нету, — она похлопала рукой по карману курточки. — Мы всё ещё позавчера скурили с Ирккой, а потом я никуда не ходила. Вот же я хлебушек! Надо было у метро ещё и сигарет прикупить.

— Никогда не поздно вернуться, — вслух подумал я. — Они ещё гитары настраивать будут, так что успеем... но лень... О. Сейчас.

Я подошел к музыкантам.

— Добрый день, — вежливо сказал я, и все повернулись в мою сторону. — Парни, у вас парой сигарет можно разжиться? Пачка вдруг резко кончилась, а до этого всё было вполне неплохо, и не хочется разрушать момент, бегая к ларьку... Плиз...

Я заметил внимательный взгляд Цюя и подумал, что свою «Пачку» он обязательно напишет.

Сигарет мне отсыпали щедро, с горкой — один из музыкантов просто отдал полупустую пачку ленинградской «Явы», а на выражение благодарности лишь улыбнулся. Кроме Цюя, я никого не узнал. Кажется, это был не классический состав «Кино». Выглядели они все достаточно простыми, не слишком зазнавшимися и уставшими от толп поклонников. Хотя к этому времени у них вроде были какие-то фанаты — не так много, как после «Ассы» и

«Иглы», но прилично. Впрочем, я мог и ошибаться — и слава у них была впереди.

Цой был чуть постарше меня и, наверное, ровесником Аллы, пробиваться наверх начал всего с год назад, но уже заработал себе в Питере определенную репутацию. В негласном рейтинге рок-музыкантов того времени он стоял чуть пониже Бориса Гребенщикова и его «Аквариума», но, пожалуй, уже превосходил все остальные группы ленинградского рок-клуба и большинство московских команд.

Моё знакомство с его творчеством состоялось уже на втором курсе — парень из параллельной группы неплохо играл на гитаре и в один из вечеров мы слышали в его исполнении «Алюминиевые огурцы», «Троллейбус» и «Восьмиклассницу». Авторство песен, разумеется, никто тогда не озвучивал, аккорды гитарист подбирал, скорее всего, от балды, но народу понравилось. И мне тоже. Чуть позже у Дёмы появился магнитофон «Электроника-302», а нам в руки попали кассеты с цифрами «45» и «46», так что мы причастились ещё и к первоисточнику.

Вообще начало восьмидесятых было удивительным временем в отечественной музыке. Что-то подобное, наверное, происходило в западных странах в конце 50-х, когда на смену джазу, с которым обыватели уже смирились, как грибы после дождя начали появляться мастера совершенно нового жанра — рок-н-ролла. На Западе *сoup de grâse* старой музыке нанесли битлы, отправив джаз в разряд нестареющей классики; потом была всякая психоделика, глэм, панк и прочее диско. Сейчас там, за бугром, зарождается рэп, которому ещё предстоит отвоевать себе пространство среди всяких новых волн и хэви-метала, но всё это цепи одной гребаной цепи, если не углубляться в детали.

Пока в западной музыкальной индустрии кипели нешуточные страсти, в СССР зрители не выпендривались, а, как в том анекдоте, слушали свои любимые «Валенки». Ну то есть советскую эстраду мало-помалу оккупировала группа исполнителей с кучей званий, которой очень не нравились новые лица. Но как раз к началу восьмидесятых другая музыка, возвращенная фанатами The Beatles и всего прочего западного рока, набрала критическую массу и выплеснулась в широкие народные массы. На практике это означало звучащие из каждого утюга «Поворот», «Волчок» и «Каскадеров» с «Травой у дома». Правда, даже на фоне Ротару и Пугачевой это выглядело немного кондово, а уж сравнивать подобную самодеятельность с тем, что играло на дискотеках Лондона или Нью-Йорка, было даже неловко.

Но всё это было хорошо заметно только с высоты прожитых мною сорока лет. Молодой я никакой кондовости не замечал; «Машина времени» мне нравилась, и даже «Землянам» я подпевал с удовольствием. Чуть позже я открыл для себя и другие группы, некоторое — к счастью, недолгое — время фанател по «Наутилусу» и «Алисе», но вовремя одумался, да и другие интересы в жизни появились. Пока же все эти команды не вылезли из своего подполья, куда их загнали адепты единственно верного учения, но именно они, пожалуй, были настоящими вестниками музыкальной революции в отдельно взятом социалистическом государстве.

По большому счету, «Кино» тогда на общем фоне особо не выделялось. Цой и товарищи взлетели благодаря тому, в честь чего назвали свою группу — вся страна требовала «Перемен» после выхода «Ассы», и даже суровые мужики плакали во время финальной сцены «Иглы» и заучивали наизусть «Группу крови». Ну а у меня появился шанс сделать то, чего я не сделал в прошлой жизни — побывать на их живом концерте.

Мы с Аллой выкурили по паре сигарет — она даже не слишком морщилась от крепкой

«Явы» — и прошли в здание. Нас никто не остановил и никто не поинтересовался, куда мы направляемся, так что уловка с «материалами для журнала» не потребовалась. Вокруг сновали студенты в домашней одежде, — такие же, как и в нашей общаге, если, конечно, учитывать общее сходство. Я вспомнил, что выпускники МИФИ занимались ядерной энергетикой, и контакты в данном заведении могли в итоге помочь мне предотвратить Чернобыль. Правда, не похоже было, что меня привели сюда, чтобы ознакомить с последними достижениями в области эксплуатации реакторов типа РБМК-1000.

Мы прошли по коридору, свернули куда-то, прошли ещё немного и спустились на один пролет вниз. Там была дверь, напрочь заклеенная плакатами западных рок-групп. Названия ласкали мне взор — я смог рассмотреть Pink Floyd, Led Zeppelin, Creedence Clearwater Revival и Doors, а из-под последнего нагло выглядывало лицо Ринго Старра. Видимо, The Beatles здесь уже спросом не пользовались.

— Какой-то музыкальный клуб? — спросил я.

— Что-то вроде. Подожди... — Алла зарылась в своей сумке, затем радостно вскинула руку с парой пестрых открыток. — Вот, есть!

— Билеты?

— Ага! По десятке отдала, цени!

— Ценю, честно. Хотя предупреждаю — у меня специфические вкусы, ты можешь не понять. Но «Кино» мне точно понравится. А так тебе бы в шпионы, цены бы не было, — ворчливо добавил я.

— А кто сказал, что я не шпионка? — она рассмеялась.

— Я сказал, — я постарался говорить как можно тверже. — Ещё где не скажи такое, сейчас очень смутные времена.

«А когда они были другими?»

— Хорошо, папочка, — Алла посмотрела в пол и даже похлопала ресницами — впрочем, на пай-девочку она была ни капли не похожа. — Пошли?

Она толкнула дверь с афишами, и мы оказались в полутемном низком коридоре. У входа сидел паренек со смутно знакомым лицом; но я быстро понял, что это «знакомство» — из будущего и, скорее всего, заочное, — и отвел глаза.

— Аллочка! — паренёк поднялся со стула и обнял мою спутницу. Они расцеловались. — Прелестно выглядишь! Как дела?

— Ой, Димочка, даже не спрашивай! — Алла жеманно отмахнулась — впервые на моей памяти. — Эта проклятая учёба! Мои бедные мозги...

— О, мозги! — Димочка изобразил нечто вроде зомби.

Судя по всему, я попал в какое-то продвинутое общество, знакомое с западным кинематографом не только по сюжетам «Кинопанорамы».

— Отстань! — Димочка удостоился тычка в плечо, а во мне шевельнулась что-то очень похожее на ревность, чего я совсем не ожидал. — Дима, это Егор.

Я протянул руку, и новый знакомый крепко пожал её.

— Егор, — сказал я. — Очень приятно.

— Ну а я Дмитрий, — назвал он себя. — Но лучше Дима.

— Ой, а ты знаешь, что у Димы фамилия — Врубель? Прямо как у того художника! Но он говорит, что не родственник...

Опаньки. Я понял, откуда знал этого человека. Через несколько лет он станет одним из символов слома социалистической системы, нарисует поцелуй Брежнева и Хонеккера на

обломках Берлинской стены и, кажется, сам переедет жить и работать в Германию. Я его как-то возил — в Москве, понятное дело, — и мы разговорились. Он посетовал, что долго не знал о своих родственных связях с автором «Демона», а если бы знал, его жизнь могла бы сложиться иначе.

— Врубель? Это который «Демон»? — уточнил я.

— Да, — сухо кивнул Дима, который был явно недоволен откровенностью Аллы.

— Скорее всего, родственники, — как можно более уверенно сказал я. — Фамилия редкая, вряд ли она сразу у нескольких семей возникла. Так что стоит покопаться. Наверняка ты ему какой-нибудь внучатый племянник.

Собственно, так и было, но в той истории Дмитрий узнал об этом чуть ли не в нулевых.

— Спасибо, — уже мягче отозвался он. — Попробую, способы есть.

— Удачи — от всей души.

Мне было даже любопытно, как повлияет на него это знание.

— Димочка, — вмешалась в наш разговор слегка обиженная невниманием Алла, — я привела Егора причаститься к гениями. Сегодня же будут гении? Мы видели у подъезда «Кино»!

— «Кино» и есть гении, клянусь самым дорогим, что у меня есть! — он склонил голову, прижал левую ладонь к сердцу и похвалился: — Я их впервые к нам в Москву затащил!

— Ну раз ты так говоришь... — в Алле пробудился какой-то неправильный скептицизм.

— Иди уже, — Врубель чуть подтолкнул девушку вперед, — они там как раз готовятся, и у вас есть шанс занять хорошие места.

Я ещё раз пожал ему руку, и мы двинулись по темному проходу вперед, где были слышны звуки гитар. Билеты-открытки, кстати, Врубель-младший забрать не забыл.

Мы оказались в достаточно просторном помещении. Один его угол занимала импровизированная сцена — на ней с трудом поместилась барабанная установка, пара высоких колонок, мелкие мониторы и усилители, провода от которых тянулись в другой угол, с большим пультом. Перед сценой стояла стойка с микрофоном, ещё одну как раз сейчас устанавливали двое ребят. А на сцене стоял Цой, который низко склонил голову и тербил струны электроакустики.

Никаких стульев здесь не предполагалось, зато по периметру зала стояли парты — видимо, сдвинутые туда ради концерта. Мы заняли место немного сбоку от сцены — отсюда было хорошо видно, как Цой возится с гитарой, и я надеялся, что в таком небольшом пространстве проблем со звуком не будет.

— Давай пиво уже, — потребовала Алла.

Я извлек из сумки одну бутылку, ловко открыл её ключами и передал девушке. Краем глаза заметил, как на нас с завистью посмотрел какой-то парень, и сместился так, чтобы закрыть от него свою спутницу.

— Есть-то не хочешь?

— Пока нет, может, потом. А ты на меня не смотри, чувствую, что голодный.

Она была права — поскольку в «Ромашку» я так и не попал, а бутерброды ел ещё ранним утром, до начала своих шгудий, то слегка проголодался. Так что я прямо в сумке сделал себе пару бутербродов и быстро слопал их. От пива решил пока воздержаться.

К тому времени как музыканты настроили свой аппарат, Алла успела ополовинить свою бутылку и теперь смотрела на меня взглядом побитого щенка — ей явно было неловко, ведь она убеждала меня в том, что много пить не собирается, и нарушила своё же обещание. Мне

же на это было пофиг — я был готов отдать ей всё пиво мира просто за то, что она привела меня сюда.

— Как ты смогла достать билеты? — крикнул я ей в ухо.

Ответ меня не очень интересовал, я и так понял, что она на короткой ноге с одним из организаторов, тем самым Врубелем, но было любопытно услышать её версию.

Ну а зал уже заполнился зрителями, которые издавали порядочный шум. Цюю придется очень постараться, чтобы добиться тишины — тут его пока не знают и авторитетом не считают. Всего лишь гений, по отзывам некоторых — да и то один из многих.

— Один мой... знакомый... учился с Димой когда-то, через него мы и познакомились, — Алле тоже пришлось кричать. — Я сюда уже года три хожу, это студенческий клуб, у него даже название смешное есть — имени Рокуэла Кента.

— Это какой-то музыкант?

— Нет, вроде, — Алла пожала плечами. — Художник? Не помню... Тут много интересного происходит — концерты, выставки, лекции. Гораздо интереснее, чем у нас в институте.

Ну да, просто тут никто не заставляет зазубривать основные признаки деградации в творчестве того или иного живописца и писать многостраничные доклады по результатам. А если бы заставляли — развлечение оказалось бы не таким прикольным.

Я едва не спросил, где же она всё-таки учится, но потом решил, что Алла раскроет свою тайну, когда захочет.

— А тот знакомый твой тоже тут? — спросил я.

Я отметил, что она запнулась, когда говорила об этом человеке, и, в принципе, понимал, что он был не просто знакомым. Впрочем, было бы наивно ожидать, что у Аллы никого не было.

— Нет, мы тогда расстались быстро. Я его и не видела больше, даже не знаю, где он сейчас, особо не интересовалась.

Ну да, конечно.

— Понял.

— Но вообще этот разговор тут неуместен, — высокомерно сказала Алла. — Потом как-нибудь поговорим об этом, если захочешь. Давай свой бутерброд.

Она требовательно протянула руку.

Бутерброд я ей, конечно, сделал, и не один. Она как раз приканчивала второй, когда на сцену вышли все музыканты, а Цой наконец перестал мучить гитару. Перед сценой появился ещё один смутно знакомый мне персонаж — память услужливо подсказала, что это Артемий Троицкий, будущее светило музыкальной журналистики и борьбы с тиранией. Он принял из рук Цоя микрофон на длинном проводе, попытался что-то сказать, но из колонок донесся такой противный взвизг, что у Аллы едва не вывалился кусок изо рта. Впрочем, с техникой справились быстро, и уже через пару минут будущее светило и борец представляло будущего глашатая перемен и его группу. Троицкому вежливо похлопали.

По моим оценкам, на концерт пришло около сотни человек. Все стояли неровной толпой, разбившись на какие-то группочки — то ли по знакомству, то ли по интересам. Я добыл себе ещё один бутерброд, открыл бутылку пива — и был готов внимать.

Цой и двое его друзей играли самоотверженно, громко, но слегка бестолково — чтобы из двух гитар и ударных сотворить что-то заводное, нужен был совсем другой уровень исполнения. Я слышал зачаток того ритма, который через несколько лет будет поднимать

стадионы, но пока что его не хватало даже на то, чтобы раскатать эту жалкую толпу. Зрители тоже поначалу чувствовали какую-то неудовлетворенность — часть из них, конечно, пританцовывала под «Троллейбус», с которого «Кино» начали концерт, но большинство продолжало заниматься своими делами. Лишь на второй песне — это была «Электричка» — народ что-то понял, а когда они заиграли «Каждую ночь», зал оказался полностью погружен в эту музыку.

Случались и провалы. «Сюжет для новой песни» не зашёл, «Камчатка» скорее понравилась, хотя и не так чтобы очень, но финал выступления с «Последним героем» оказался весьма ударным — на мой взгляд, конечно. Впрочем, Алла выглядела довольной — она участвовала в происходящем весьма активно, периодически отдавала мне недопитую бутылку и недоеденный бутерброд и начинала прыгать, подпевать и хлопать в ладоши, а в конце даже сумела завести зрителей, закричав «Молодцы» и организовав оглушительные аплодисменты. В общем, отрывалась по полной программе — в отличие от меня, скромно простоявшего всё выступление на одном месте.

«Кино» покинуло сцену, на которой сразу начали суетиться какие-то ребята, Цой отошел в противоположный конец зала — я увидел, что он о чем-то говорит с Троицким и ещё каким-то молодым человеком. Рядом с ними вертелся и тот белобрысый водитель, который почему-то выглядел испуганным. Цою быстро сунули в руки стакан с чем-то красным, он выпил, поморщившись, ему долили и начали чокаться между собой. Водитель смотрел на это с непередаваемой грустью.

Зрители снова разбрелись по кучкам, и никто не осаждал «киношников» с требованием автографа. Почему-то мне это показалось неправильным.

— Дальше тут будет петь... — Алла произнесла какой-то набор звуков, но я его не разобрал.

— Что?

— Говорю — там дальше будет выступать... — и снова этот набор звуков.

— Черт... Алла, я не понимаю. Кто будет выступать?

— Да блин... ребята из кэн-дза-бу-ро-оэ, — на этот раз я её расслышал, но всё равно не понял — и она заметила это по моим глазам. — Это группа такая, не знаю, в честь чего называется. У них девчонка есть и поют они рок-н-ролл. Хочешь послушать?

Я пожал плечами. Рок-н-ролл — понятие слишком широкое, чтобы его оценивать в целом, а русский рок-н-ролл по ряду причин был ещё шире, чем импортный. К тому же те рок-н-роллы с текстами на русском, что крутили на «Нашем радио», вызывали только чувство испанского стыда, а не желание пуститься в пляс и закрутить партнершу над головой.

— Давай пару песен заслушаем? — предложил я. — Не понравится — пойдем. Мы уже всё съели и почти всё выпили.

Это было правдой. От набора для бутербродов остались жалкие крохи, мы прикончили три бутылки пива — две из них числились за Аллой, которая пребывала в восторге от песен «Кино» в том числе и из-за небольшого опьянения. Оставалась нетронутая шоколадка да ещё пара бутылок, которые я пока не доставал, приберегая на особый случай и не представляя, в чем он может заключаться.

— Я их слышала уже просто, — объяснила Алла. — И мне не понравилось. Не понимаю, почему их продолжают приглашать сюда.

— Потому что «Воскресенье» распалось? — в шутку предположил я.

— О, ты и их знаешь? И как тебе?

— Хорошая музыка и хорошие песни, — абстрактно ответил я. — Но если много слушать, то можно изжогу заработать.

Алла хихикнула.

Про изжогу я, конечно, пошутил, но все эти музыканты и их сюртуки, дороги с разочарованиями и выяснение, кто виноват, были настолько заиграны и переиграны в моей молодости, что превратились в банальность. Сейчас, в 1984-м, и для тех, кто не переносился во времени, эти песни звучали, как настоящий глоток свежего воздуха.

— А мне нравится, даже жалко, что они больше не играют вместе, — пожаловалась она.

— Дороги наши разошлись, и мы не встретимся случайно, — процитировал я.

— Это что? — насторожилась Алла.

— Песня, того же «Воскресенья». Надежды наши не сбылись, и ненадежны обещанья, — продолжил я цитату. — Правда, она была написана не про «Воскресенье», а про «Машину времени». Маргулис там когда-то играл.

Алла посмотрела на меня очень удивленными глазами.

— Слушай, Егор, откуда ты столько знаешь? — спросила она. — Я-то думала — притащу сейчас первака из дальних ебеней на модный столичный сейшн, он от экстаза меня богиней назовет и молиться на меня будет, а ты, похоже, всё это слышал сто раз и уже даже слушать не можешь?

У меня слегка похолодело в груди.

— Да ну, брось, — пытаюсь сохранить невозмутимость, отмахнулся я, — на таких концертах я ни разу в жизни не бывал. Так что теперь это я у тебя в долгу — что привела сюда и позволила, так сказать, причаститься. Я правда очень благодарен. И богиней могу назвать, если хочешь...

Я подхватил её ладонь и поднес к своим губам.

Самое любопытное, что не сказал ни слова неправды. Я действительно ни разу не был на концертах «Кино», «Воскресенья» или той же «Машины», не говоря о других группах, взлетевших чуть позже — бог миловал. Но избежать прослушивания их песен в позднем тоталитарном СССР или в будущей свободной России было невозможно, не говоря о том, что мы — то есть прогрессивные студенты — не особо и сопротивлялись. Нам даже нравилось. Ну а в процессе прослушивания мы заодно обменивались и какими-то фактами из жизни музыкантов; большинство этих фактов, разумеется, яйца выеденного не стоили и быстро забывались, но какие-то оставались в памяти надолго. Как вот этот обмен любезностями между Макаревичем — он написал весьма тоскливое «Посвящение знакомому музыканту» — и Маргулисом, чьи «Дороги» мне нравились и в более зрелом возрасте.

— Ты чего это?! — крикнула она и отдернула руку.

Это было неожиданно.

— Ну должен же я как-то выразить тебе свою признательность? — спросил я. — Почему бы не так?

— Не делай так больше! — приказала она.

Мне оставалось только согласиться.

— Как прикажете, — я склонил голову в полупоклоне и попытался щелкнуть каблуками.

В общем шуме щелчка, разумеется, не слышно не было.

— Ой, да отстань! — меня ткнули в плечо.

Нашу перепалку прервало появление на сцене новых музыкантов — двух пареньков и девушки. Один паренек держал в руках акустическую гитару, у другого была какая-то дудка, а девушка несла маракасы. Снова вперед вышел Троицкий, который представил это трио как группу «Кэндзабуро Оэ» — я наконец разобрал этот бессвязный набор звуков. Название они, оказывается, получили в честь японского писателя, недавно записали альбом под названием «Япона мама», и этот альбом за небольшую денежку доступен всем желающим в магнитофонном качестве прямо тут, в клубе.

Солистом, к моему удивлению, оказалась не девушка, а гитарист. Он извинился за то, что у них опять неполный состав, пообещал выдать лучшую на свете акустику, но обманул.

Вообще, ребятам очень не повезло выступать после «Кино», которые уже тогда далеко продвинулись по пути к профессионализму; если бы эти поклонники японского писателя вышли на сцену первыми, у них был бы шанс — наши люди любят сырых и убогих. Но эта аудитория только что слушала «Каждую ночь» и «Последнего героя», и ей было, с чем сравнивать.

Голос у солиста оказался неприятным, а временами — противным, недостаток инструментов чувствовался очень остро, даже острее, чем в случае «Кино» — при отсутствии нормальной ритм-секции звук получался очень колхозным и не мог заполнить весь зал. Ребята, конечно, старались — они дудели в дудку и гремели маракасами, пытались хоть как-то заполнить постоянные неловкие паузы голосом, но без долгих репетиций, которых у них, очевидно, не было, получалось лишь хуже.

В середине второй песни — в ней было что-то про гостей — я решился.

— Алла, если хочешь, можем идти, — прокричал я ей прямо в ухо. — Этот рок-н-ролл, пожалуй, мёртв.

Она кивнула, и мы начали пробираться через толпу в сторону выхода.

У дверей, ведущих прочь из клуба, по-прежнему сидел одинокий Врубель и, кажется, что-то рисовал. Заметив нас, он вскочил со стула.

— Уже уходите? — обращался он вроде сразу к нам обоим, но смотрел исключительно на Аллу.

— Ага, пора нам. Скоро «Спокойной ночи» начнутся, там «Ну погоди» обещали. Нельзя такое пропустить!

— Ну раз «Ну погоди», то конечно, — улыбнулся он. — Как вам сейшн?

— Как всегда, на высоте, — Алла продемонстрировала кулак с оттопыренным большим пальцем. — Вспомнишь обо мне в следующий раз?

— О, разумеется! Никаких вопросов, всё как обычно. Это недели через две.

Мы снова обменялись с ним крепким рукопожатием — впрочем, я был уверен, что он забудет о моём существовании сразу же, как только я окажусь за дверью. Всё-таки по сравнению с Аллой я выглядел очень невзрачно.

Когда мы вышли на улицу, уже смеркалось. Я хотел было предложить Алле прогуляться до Таганской пешком, но моё внимание привлекло всё то же «Кино» — они как раз загружали свои гитары в «двушку». Я и не заметил, когда музыканты покинули зал, где они давали концерт.

— Покурим? — спросил я девушку.

Она проследила за моим взглядом и молча протянула руку, в которую я вложил последнюю сигарету. Мы прикурили и начали наблюдать, как «киношники» размещают свои

вещи в небольшом по объему багажнике вазовского универсала. Справились они на «хорошо» — я бы на их месте кое-что изменил, чтобы груз не болтался, — но, возможно, у них были свои резоны сделать именно так.

Цой мазнул взглядом по нам с Аллой, и сел на заднее сиденье. Второй гитарист тоже сел сзади, а вот крупный барабанщик занял переднее место. Белобрысый парнишка как-то обреченно захлопнул дверь багажника, уселся за руль и, видимо, повернул ключ зажигания.

Машина фыркнула, дернулась и заглохла.

Рядом со мной приглушенно хихикнула Алла.

Водитель, кажется, что-то осознал, снял автомобиль с передачи — правда, не выжав сцепления и потому с диким скрежетом. И попробовал ещё раз. «Жигуль» снова заглох.

На третий раз водитель учел почти все свои ошибки. Он сумел завести машину, но теперь слишком рано бросил сцепление — и снова заглох, преодолев рывком с полметра. Я смотрел на это издевательство, и во мне волной вскипала благородная ярость — я ненавидел косоруких уродов, которые издеваются даже над такой отстойной техникой, как продукция Волжского автозавода.

— Нет, я не могу это терпеть, — прошипел я себе под нос и бросил Алле: — Подожди здесь.

— Что?..

Я не стал отвечать. Я решительно отбросил окурок, подошел с «двушке» и грозно постучал по стеклу водительской двери. Стекло пару секунд думало, а потом поползло вниз. За ним я увидел совершенно красное лицо водителя, который, похоже, понимал, что творит херню, но ничего не мог поделать со своими растущими из задницы руками.

— Чего надо? — как-то зло спросил паренек.

Тон вопроса вообще никак не соответствовал его виду. Кажется, он попал в непростую ситуацию, хотя я и не совсем понимал, как он умудрился вляпаться в это дерьмо. Вообще команда Цоя должна была озаботиться поисками нового водителя сразу по приезду — вряд ли тот выделялся только ради нас с Аллой. Наверняка нечто подобное он вытворял всю дорогу сюда.

— Помощь не нужна? — как можно вежливее спросил я. — А то ты скоро сцепление угробишь, и вы никуда не поедете.

— Сам справлюсь, — почти прошипел он и снова повернул ключ зажигания.

И, разумеется, снова не выжал сцепление и тормоз. «Двушка» дернулась и опять заглохла.

— Я вижу, — с легкой насмешкой сказал я. — Но пара уроков водительского мастерства тебе точно не помешает. Уж поверь профессионалу — с сожженным сцеплением этот агрегат с места не сдвинется. Если только парни не будут его толкать.

— Не будем, — раздался веселый голос с пассажирского сиденья. — Виталик, ты это... если человек помочь хочет, пусть поможет. Нам на поезд опаздывать нельзя.

Виталик выглядел не очень довольным таким исходом.

— Ну ладно, — протянул он. — Так что делать надо?

— Нажми тормоз и сцепление, — скомандовал я. — Нажал? Теперь заводи.

Виталик послушно повернул ключ. «Двушка» бодро затарахтела и глохнуть не собиралась. Я мельком подумал — хорошо, что до времен всеобщей автомобилизации ещё далеко, и на пустом проезде Виталик своим экспериментальным вождением всего лишь гробит свою машину. А вот если бы тут в два ряда впритирку стояли самые разные

автомобили, он бы уже отрихтовал бамперы как минимум парочке соседней.

— Хорошо, — похвалил я его. — Теперь включай первую передачу... первую! Ты третью воткнул! Вот, хорошо. Снимай... а, ручник уже внизу, вижу. Теперь очень аккуратно отпуская сцепление... очень, очень нежно... как почувствуешь, что машину начинает тянуть, бросаешь тормоз и начинаешь нежно давить на газ... Блядь!

«Семерка» совершила поистине богатырский прыжок метра на два и заглохла. Я еле успел увернуться, а вот парням внутри досталось. Снова подойдя к водительской двери, я услышал, как музыканты на все лады матерят Виталика, его манеру езды и переживают за гитары. Правда, кто-то из них высказался и по поводу «советчика» — то есть меня.

— Что тебе непонятно в слове «нежно»?

Я наклонился так, чтобы наши с Виталиком головы были на одном уровне. Он был совершенно пунцовым и, похоже, пребывал в настоящей панике. На меня он не смотрел, его глаза были устремлены вперед — туда, куда он должен был ехать.

Хлопнула пассажирская дверь, и из недр машины выбрался барабанщик.

— Эй, парень, — позвал он меня. — А ты водить умеешь?

— Умею.

Ну а чего скромничать. На «Жигулях» я за свою жизнь покатался вволю — правда, последние лет пятнадцать никаких дел с отечественным автопромом не имел. Но это как велосипед — разок научишься, потом фиг забудешь.

— Нам на вокзал надо попасть, до поезда меньше часа осталось. Виталик водит, как ты, думаю, заметил, не ахти, хотя сумел нас сюда доставить.

— Чего вы другого водителя не нашли? Организаторы помогли бы... да хоть такси вызвать.

— Какое такси, мы столько не зарабатываем! — воскликнул барабанщик. — А Виталик знакомый оргов, он сам вызвался помочь, и машина его. Но если ты его подменишь, думаю, он будет не против. Ведь так, Виталик?

Последний вопрос он задал нарочито громко, чтобы водитель услышал.

— Не буду, — раздался из машины грустный ответ.

— Вот и ладушки, — обрадовался барабанщик. — А ты как, сможешь отвезти?

— Да смогу... — я задумался. — Но есть две проблемы. Надо куда-то пересадить Виталика, и я не один, с дамой. И бросать её я не хочу.

Я выразительно посмотрел в сторону Аллы, которая с любопытством наблюдала за моими действиями.

Барабанщик посмотрел на девушку, потом оценивающе глянул на машину — и, видимо, что-то решил для себя.

— А всех посадим! — радостно объявил он. — Ребята сзади подвинутся, и там четверых можно разместить. А «Жигуль» выдержит!

В этом я как раз не сомневался — вряд ли днище этого экземпляра успело проржаветь настолько, что отвалится от лишнего пассажира весом в пятьдесят килограмм.

— Ну окей. Алла, иди сюда, нам тут поступило предложение, от которого мы не можем отказаться.

Я немного удивился, что Алла не высказала никаких возражений против путешествия в состоянии кильки в банке, а сидевшие позади ребята — и Цой тоже — безропотно подвинулись, чтобы Виталик с девушкой смогли втиснуться к ним. Наверное, они действительно ещё не зазвездились.

Я же залез на место водителя и с полминуты настраивал его под себя. Это была не иномарка, настроек в «Жигуле» имелось раз, два — и обчелся, но и они были важны. Я немного отрегулировал спинку сиденья и придвинулся чуть ближе к рулю. Невысокий Виталик этих премудростей, похоже, не знал, и большая часть его проблем была из-за того, что ему приходилось тянуться к педалям.

— Жора, — представился барабанщик.

Он протянул руку, и я её пожал.

«Гурьянов», — вспомнил я читанные лет за десять до попадания в прошлое некрологи. Но пока барабанщик был молод и, наверное, даже здоров.

— Почти тезки, я Егор, — улыбнулся я. — Девушку зовут Алла, она хорошая.

— Эй, я сама могу!

— Конечно, можешь, ты же взрослая, — парировал я.

Сзади презрительно фыркнули.

Я проверил ход педалей. С ними всё было нормально — машина была совсем новенькая и хорошо отрегулированная.

— А как остальных зовут? Вас на концерте по именам не представляли, — спросил я по привычке — разу уж клиенты сами заговорили.

Правда, потом я вспомнил, что клиентами они были очень условными. Во всяком случае, покилометровой оплаты мне не полагалось. Но меня радовала сама возможность посидеть за рулем машины.

— Справа — Витька, он у нас солист и главный по песням. А рядом с ним — Лёшка.

«Витьку» я знал, а вот «Лёшку» — нет. Но уточнять не стал.

— Очень приятно, — я кивнул в зеркало заднего вида. — Неплохой концерт получился.

— Нет! — внезапно раздался недовольный голос Цоя. — Плохо отыграли, инструментов не хватает и репетиции нужны.

— Вить... — попытался что-то сказать Лёшка.

— Ну что «Вить»? Сам же понимаешь, что это так. Бас нужен, клавиши... аппарат нормальный... где только всё это искать? И на какие шиши?

— Да всё у вас будет, ребят, — примирительно сказал я. — Главное, не сдаваться. Песни классные пишете, душевные, хорошо торкают.

Цой издал какой-то неопределенный звук, а барабанщик Жора расцвел, словно именно он их сочинил.

— Во, — воскликнул он. — Я же тебе говорил, Витёк, что песни крутые, а ты — недокрученные, недокрученные. Докрутим ещё.

Цой снова издал неопределенный звук, но, кажется, согласился с товарищем.

— Парни, а чего вы сами за руль не сели? — спросил я.

Помнится, Цой погиб именно за рулем автомобиля, так что права у него точно были — во всяком случае, к моменту смерти.

— Да мы не умеем никто, — откликнулся Лёшка. — Витька только собирается пойти учиться, а мы об этом и не думаем. Но, наверное, надо.

«Вот оно как».

— Понял, не дурак, — ответил я. — Был бы дурак — не понял.

В салоне раздались смешки.

— Виталик, а ты как, с правами?

— Да, — откликнулся тот.

— А чего водишь так, словно первый раз за рулем? — недоуменно спросил я.

— Да тут такое дело... я не учился... — Виталик как-то замялся, но я всё понял.

— Вот, парни, как надо — раз, и права в кармане. А умеет человек ездить, не умеет — дело десятое. Хотя руль это прежде всего ответственность, и в первую очередь — за свою жизнь, — зачем-то вспомнил я максимум, которой часто злоупотреблял один из директоров того самого государственного таксопарка. Смысла в ней не было, но звучало мудро.

— Да уж, — ответил мне Цой, — это точно. Мы пока сюда ехали, чуть не обосрались от его ответственности.

Снова раздалась смешки.

— Ладно, поехали, — резюмировал я. — Вам же на Ленинградский?

— Угу, — выдавил из себя барабанщик Жора.

Я завелся и тронулся с места. Машина была немного непривычной, но в целом я понял, что не утратил навыков вождения. Впрочем, они у меня были и в этом возрасте — вот только водительских прав у меня тогда не было, о чем я тактично умолчал. Не стоит раньше времени нервировать музыкантов, у них тонкая душевная организация.

Мы спокойно выехали из дворов, проехали по неширокой улице и свернули на Пролетарский проспект. Я хорошо знал дорогу, мне не нужны были атласы — хотя отсутствие привычных развязок и старые названия иногда сбивали с толку. Например, проспекта Андропова ещё не было — вместо него продолжался всё тот же Пролетарский проспект; генсек умер не так давно, и местная мэрия запаздывала с переименованием.

Впрочем, всё это было неважно. Я снова сидел за рулем и чувствовал себя на своём месте. Наверное, если бы не перспектива армии, я бы бросил учебу и пошел работать водителем — мне это нравилось, это, похоже, была моя судьба. Правда, в первой жизни до самого начала девяностых я не отказывался от идеи стать знатным заборостроителем, но тогда я был молодым и глупым.

Гаишников я не особо боялся. В этом времени нет натканных над каждой кочкой камер фиксации нарушений правил дорожного движения, в засадах с измерителями скорости сидят редко, а если ехать в пределах ограничений и следить за знаками, то вероятность вызвать интерес какого-либо инспектора стремилась к нулю. При наличии «виталиков» на дорогах общего пользования у них всегда будет, чем занять свободное время. К тому же их не остановили по дороге сюда — а это многое говорит о том, как несут службу сотрудники московского ГАИ. Ну а если нас всё-таки остановят, то с учетом выпитой мною бутылки пива отсутствие прав будет самой меньшей из моих проблем.

До Ленинградского вокзала мы добрались за двадцать пять минут — в моем времени этот путь занял бы часа полтора, да и то в том случае, если бы нам повезло. Я лихо припарковался чуть правее здания вокзала, музыканты как-то суетно поблагодарили меня, подхватили гитары и отбыли искать свой поезд. Напоследок они пригласили меня заходить, если я вдруг окажусь в Ленинграде. Я пообещал, хотя ни адресами, ни телефонами мы не обменялись.

Примечание: сцена с «Кино» в клубе МИФИ — сознательный анахронизм и фантазия автора. Клуб имени Рокуэла Кента в МИФИ был, и был как раз где-то в общагах, в студгородке, но вряд ли в подвале за обклеенной афишами дверью — студентов в подвалы вообще старались не пускать. Врубель и его друг впервые привезли Цоя и Алексея — «Лёшку» — Рыбина в Москву где-то в 1982-м, почти сразу после создания группы, а потом они выступали в столице ещё несколько раз — не только в МИФИ, но и где-то в

Зеленограде. Георгий «Густав» Гурьянов присоединился к Цою уже после «развода» того с Рыбиным (хотя как раз в 1984-м), но после гитариста Юрия Каспаряна, а классический состав «Кино» собрался примерно в мае 1984-го. Ситуацию с машиной я придумал чуть более чем полностью — как рассказывал Рыбин, в те времена с вокзалов до сейшенов они добирались на метро, а организаторы не обеспечивали приглашенных рок-звезд автотранспортом. Что там было у «киношников» с правами в 1984-м, я не знаю и знать не хочу. С песнями старался анахронизмов не допускать — все упомянутые были уже написаны к апрелю 1984-го и даже изданы. Выглядел концерт «Кино» того времени примерно так: https://youtu.be/1zFK_-yLszo (можете мысленно добавить барабаны). Кстати, на первом концерте в МИФИ Цой и Рыбин были одеты, мягко говоря, забавно, а не в стильные кожанки.

Что касается группы «Кэндзабуро Оэ», то я понятия не имею, выступали они в клубе МИФИ или нет. Они забавные, но утомительные своей примитивностью. В сети можно найти некоторые образцы их творчества — https://vk.com/audio-99034277_456242381_5cc1941dd3a30164f2 (это песня «Приходите к нам в гости», на которой герои ушли с сейшена).

Глава 7. Старик и Сокол

— Это было круто, — протянула Алла.

Я смотрел вслед «киношникам», и она делала то же самое, но по другой причине. Для меня «Кино» и Цой были делом далекого прошлого, нестареющей классикой, которая пережила своего создателя. Во время пандемии, когда заказы такси рухнули, как курс доллара после присоединения Крыма, у меня появилось то, что можно назвать свободным временем. Я тратил его бездарно — но заниматься чем-то полезным во время отдыха я давно разучился. Смотрел безумные сериалы и пропущенные фильмы, читал книжки. Или просто лежал на диване и тупил в смарт, которого мне сейчас дико не хватало. Причем технологии вроде уже имелись — и интернет уже придумали, и мобильный телефон изобрели, а вот поди ж ты. Чтобы объединить одно с другим в нечто, доступное всем без исключения, потребовалось двадцать с лишним лет.

В общем, во время этого бездумного лежания на диване и в процессе сёрфинга по сети я наткнулся на ролик под странным названием «Кино» в Севкабеле». Быть фанатом «Кино» в те годы было странно — но я и не был. Меня заинтересовало описание — мол, новое живое выступление легендарной группы. Ага, спустя тридцать лет после смерти Цоя. Живое. Цой, конечно, считался живым, но не настолько.

Реальность, разумеется, оказалась очень разочаровывающей. Это действительно был живой концерт, но вживую там играли уцелевшие к тому времени музыканты, им подыгрывали сессионщики, ну а от вечно живого Цоя был только извлеченный со старых записей голос. Сделано всё было круто и на высоком уровне, но, как я сейчас понимал, не дотягивало по энергетике даже до недавнего выступления «Кино» в том занюханном клубе в МИФИ. Всё-таки рок — это музыка молодых, если вы не Мик Джаггер или Пол Маккартни.

И, глядя вслед «киношникам», я думал о том, стоит ли вмешиваться в события, в которые я собирался вмешаться. Мои действия — если верить любым попаданческим книгам — могут породить такой эффект бабочки, что никакой «Пачки сигарет» или «Перемен» Цой не напишет. Или его так и будут гнобить на официальном уровне, до фильмов и стадионов не допустят, и он закончит жизнь обычным кочегаром в своей «Камчатке». Я не был уверен, что это справедливая цена за моё вмешательство в хрупкую ткань мироздания. С другой стороны, я уже вмешался и ничего поделать с этим не мог.

Для Аллы же эти совсем молодые ребята были кумирами. Она только что была на их концерте, слушала песни, которые раньше не слышала. И думаю, что она теперь будет с нетерпением ждать новой встречи с творчеством Цоя и его приятелей. А то, что она сидела на одном сидении с ними, могло сильно повысить её личный рейтинг в глазах друзей и подруг. В общем, Алла соприкоснулась со звездами и явно была в некотором замешательстве, не в силах внятно сформулировать свои чувства и переживания.

— Да, они неплохо пели, — кивнул я.

— Да я не о сейшене, Егор! — Алла ткнула меня кулачком в плечо. — Ты что, не понимаешь, что возил по городу настоящих рокеров!

Ох, девушка, кого я только не возил по этому городу за свою жизнь. Даже твоего Димочку Врубеля. И музыкантов тоже возил, было дело. Но в будущем.

— Ну и чем тут гордиться? Вот если бы они меня возили...

— Егор! — и снова тычок кулачком по плечу.

Мёдом ей там намазано, что ли?

— Прошу прощения...

Мы оба резко развернулись. За проводами «киношников» мы с Аллой совсем позабыли про Виталика. А этот паренек, видимо, расстроенный своей неудачей с вождением, нас сильно робел — как людей, причастных к его фиаско. Вот и сейчас вся невеликая сила воли этого несчастного Виталика, кажется, ушла на то, чтобы произнести два слова и привлечь наше внимание.

— Что такое, Вить?

Я решил не усугублять его комплекс неполноценности и назвал более-менее сносным сокращением. Плохое имя «Виталий» — от него можно образовать слишком много неприятных производных, хотя в переводе с латыни всё звучит вполне пристойно.

— Да тут это... я подумал... так сказать...

Я молчал, хотя уже догадался, чего он хочет. Вернее, понял, чего он не хочет — Виталик жутко боялся садиться на водительское сиденье своей «двушки», чтобы попытаться без происшествий добраться домой. В принципе, у него были шансы на успех — к тому же он каким-то образом умудрился без аварий добраться из дома до вокзала, забрать «Кино» и доставить музыкантов в клуб. Возможно, не появившись я на его пути к водительскому совершенству, он так и дочапал бы обратно. Но мои навыки окончательно подорвали его веру в собственные способности.

Впрочем, мне было нужно, чтобы он справился с волнением, перестал заикаться и внятно изложил свою просьбу. Но на помощь Виталику пришла Алла.

— Тебе нужно помочь довести машину до дома? — спросила она.

Виталик с явным облегчением кивнул.

— А где ты живешь?

Виталик назвал адрес, и мне он был знаком. Его дом находился в поселке художников на Соколе, так что мои предположения о его не самом простом происхождении были, скорее всего, недалеко от истины. В принципе, в этом маршруте не было ничего сложного, хотя я совершенно не помнил, как сейчас организован поворот с Ленинградки на Алабяна. Вроде бы по светофору. Ладно, большевики вешали не только классовых врагов, но и дорожные указатели, разберемся.

— Алла, ты как? Поможем товарищу?

Мне показалось, что по её лицу мелькнула какая-то тень, но я был слишком занят, продумывая предстоящий маршрут, чтобы придать этой тени значение. И совершенно зря.

Обрадованный нашим согласием Виталик оккупировал переднее пассажирское кресло, Алле пришлось сесть назад, ну а я снова ощутил себя в своей стихии — особенно когда «двушка» тронулась с места. И всё было бы хорошо, если бы не Алла.

— Егор, высадишь меня по дороге? — неожиданно спросила она. — Я покажу, где.

У меня неприятно похолодело внизу живота. Что-то я сделал не так, неправильно повел себя — и вот результат. Вечер субботы я проведу, не гуляя с Аллой по ночной Москве, а развлекая Виталика, чтоб ему пусто было. Надо было сослаться на дела, а не хвататься за баранку этого пылесоса, как только предложили. И ничего исправить я уже не мог. Только остановиться и устроить разборки с девушкой на предмет прощения меня-засранца, но делать этого не хотелось. Нужна была мне эта Алла...

— Лучше адрес скажи, куда тебе нужно, прямо к подъезду доставлю, — достаточно сухо, как мне казалось, попросил я. — Так будет лучше, и ноги топтать не придется.

Адрес... может, она и не соврет, а я как-нибудь решусь её поискать. С другой стороны, всегда есть та Ирка из нашей общаги, которая вряд ли сегодня же исчезнет с лица земли, хотя её подруга вчера вполне могла это сделать. Женщины все такие внезапные, когда не надо.

«А зачем такие сложности?» — спросил меня внутренний голос. И сам же ответил: «Нафик не нужно!»

В целом, я был с ним согласен. Алла, наверное, хорошая девушка. Но мы знали друг друга не настолько хорошо и близко, чтобы я сильно переживал о том, что никогда больше её не увижу. Мне было, чем заполнить свою жизнь. Философию-то я так и не доучил до конца, а то, что читал сегодня, благополучно забыл — благодаря ударно проведенному вечеру.

Я затылком чувствовал, как колеблется Алла. Но в итоге она решилась.

— Мне на Новоалексеевскую...

И замолчала, понимая, что Новоалексеевская находится в стороне от любого из возможных маршрутов от трех вокзалов к Соколу.

— Виталик, — повернулся я хозяину машины, — завезем девушку? А то некрасиво бросать её посреди дороги.

— Д-да, — Виталик часто закивал головой. — Т-только я не знаю...

— Не переживай, — усмехнулся я. — Егор знает. Егор, если что, это я.

Сзади послышался смешок, и я немного расслабился. В принципе, просьба Аллы отвезти её домой могла быть вызвана кучей разных причин. Например, внезапно начавшимися месячными. Но озвучивать эту версию я, конечно, не стал — в конце концов, мы не настолько близки.

В моём старом будущем автомобильная Москва не останавливалась, кажется, никогда. Даже в новогоднюю ночь, когда все приличные люди ели оливье с селедкой под шубой под водочку и шампанское, а неприличные радовали их рукотворными салютами в непосредственной близости от окон, находились отщепенцы, которые куда-то направляли свои железные колесницы. И я не о профессионалах, не о водителях автобусов и троллейбусов и не о нас, таксистах. Нет, это были вполне обычные люди, которым оказалось нужно срочно куда-то ехать именно в то время, когда звучали куранты, а бывший и нынешний Алкины мужья развлекали доверчивых телезрителей с таких же голубых, как и они, экранов, пока не сбежали из страны.

В 1984 году всё было куда спокойнее. Меня ещё днем поразил неспешный и редкий поток машин на Каширском шоссе; до этого я наблюдал почти полное запустение в районе нашей конечной станции метро. Ну а когда я вёз «киношников» на вокзал, то мне даже не пришлось играть в «шашечки» — автомобилей было раз, два и обчелся. И только на Комсомольской площади я увидел нечто, похожее на пробки моего времени — приближались часы массового отхода поездов со всех трех вокзалов, так что народ активно подвозил своих домочадцев поближе к месту отправления. Ну и вездесущие вокзальные таксисты стояли — я помнил, что эти ребята пережили всё, что происходило со страной за следующие сорок лет, и даже распространение мобильных приложений их не сильно огорчило. Они и в моё время всё также кучковались, а их агенты всё также выцепляли приезжих, только вышедших из уюта спальных вагонов.

Так что до Новоалексеевской я домчался быстро. Алла указала на нужный ей дом — одноподъездную кирпичную двенадцатиэтажку, — я припарковался рядом и вышел

проводить. И сразу увидел в её поведении уже замеченную мной по голосу отчужденность.

— Спасибо, — пробормотала она, отводя глаза.

— Да не за что, — небрежно ответил я.

Впрочем, холодок вернулся в мой живот и вызывал очень неприятные ощущения.

— Ну ты подвез...

— А ты сводила меня на сейшн, куда бы я ни в жисть не попал, — парировал я. — По сравнению с этим эксплуатация чужой машины ради твоей пользы выглядит не так впечатляюще.

Она всё-таки улыбнулась.

— И всё равно... я как представляю, что надо было ехать на метро, а потом идти пешком...

— Нам повезло, — я пожал плечами. — Ладно, спасибо, что показала мне новый дивный мир... Если вдруг случится чудо, от ещё одного твоего приглашения я не откажусь.

Я сделал шаг вперед и клюнул её в щеку — это был не поцелуй, а так, знак симпатии. Но Алла дернулась, словно я ударил её током — или просто ударил. Впрочем, она быстро справилась с собой.

— Если случится...

Она натянуто улыбнулась, тоже шагнула вперед и тоже клюнула меня — у неё получилось в нос. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга, и я понимал, что должен должен обнять её и поцеловать уже по-настоящему. Но я сдержался, хотя эта внутренняя борьба была очень трудной. У Аллы, кажется, происходили схожие процессы — и закончились они со схожим результатом.

— Пока!

Она махнула ладошкой, резко развернулась и побежала к подъезду. В этом времени ещё не было металлических дверей с кодовыми замками, простая деревяшка была распахнута настежь — и я, наверное, мог догнать её уже в подъезде и закончить этот вечер на более правильной ноте. Но снова не стал. Почему-то я чувствовал, что это будет лишним.

Я немного постоял, помечтал, глядя на черную пасть подъезда, о не случившемся продолжении. Потом вернулся за руль «жигулей», где меня покорно ждал Виталик.

— Готов? — спросил я.

— Что? — вскинулся он.

— Готов путешествовать? Скафандр есть?

— Эм...

— Ладно, не забивай голову, — смилостивился я. — Через полчаса будешь дома, обещаю.

— А это...

— Что? — отзеркалил я его вопрос.

— Это... — Виталик всё же был очень стеснительным — даже странно, как его занесло в компанию к прожженным организаторам подпольных концертов. — Это ваша девушка?

— Твоя, — поправил я его. — Я человек простой, со мной можно на ты. Хорошо?

Он кивнул.

— Вот и ладушки. И нет, это не моя девушка. Хотя по древним законам её жизнь теперь принадлежит мне.

— Э... это... как?

Глаза Виталика сделались размером с пару юбилейных рублей.

— Это так, друг мой, что я её от смерти спас. Только ей не вздумай про это сказать, убьет без промедления. Страшный человек, только я с ней могу справиться. А меня может рядом и не оказаться.

Виталик вроде проникся, и дальше мы ехали молча, хотя я чувствовал, что его прямо распирает спросить у меня ещё что-то. Но я никогда не одобрял пустых бесед за рулем — если только в дальней дороге, когда обычный разговор позволял отвлечься от однообразного пейзажа. И байки о таксистах, которым только дай волю — заболтают пассажира до смерти, не одобрял. Впрочем, моего одобрения мало кто спрашивал.

На Соколе всё оказалось настолько непривычно, что я пропустил нужный поворот и оказался на Ленинградке. Пришлось разворачиваться под ближайшим мостом, ехать обратно и там уже съезжать по светофору на улицу Врубеля. «И тут он», — в сердцах подумал я, хотя оба художника были ни в чем не виноваты. Но я понял, что начал уставать. Всё же напоминали о себе бутылка пива и целый день суматохи, который начался с философии и истории партии, а продолжился вполне контрреволюционной группой «Кэндзабуро Оэ» и поездками на машине по вечерней Москве. В восемнадцать лет мне не хватало выносливости для долгих развлечений.

Обидно, что когда эта выносливость у меня появилась, мне уже не хотелось развлекаться чересчур долго. Впрочем, всё это осталось в другом будущем.

Мы остановились у высокого зеленого забора, за которым находился двухэтажный деревянный дом углом с островерхими крышами. Виталик пробормотал что-то про «щас», вылез из машины и убежал во двор, а я лениво подумал, что прямо сейчас могу уехать, вволю накататься и потом делать честные глаза и отрицать любую причастность к угону. Но решил не вставать на кривую дорожку, хотя тащиться пешком в общагу было откровенно лень. Наверное, стоило договориться с Виталиком и доехать до нашего студгородка, предоставив ему возможность выбираться оттуда самостоятельно. Но умная мысль приходит опосля. Скрипнули, открываясь, створки двойных ворот, и оттуда с каким-то ужасом в глазах выглянул Виталик.

Я посчитал это сигналом и заехал на небольшую площадку, засыпанную утрамбованным гравием. Тут ещё кое-где виднелись проплешины снега, но если не будет новых снегопадов, то к понедельнику от них не останется и следа. Мерзкую московскую зиму уверенно сменяла мерзкая московская весна.

Я заглушил мотор, поставил машину на первую передачу и на ручник. С тоской осмотрел торпеду «двушки», на которой, видимо, мне больше покататься не получится. И дал себе зарок как можно быстрее накопить на собственную машину. Правда, по нынешним временам мне нужно было кого-нибудь убить ради исполнения этой мечты, но я был готов рассмотреть и этот вариант.

Я вылез наружу, аккуратно хлопнув дверью.

— Виталий, представь меня своему другу, — раздался у меня за спиной уверенный голос, в котором чувствовался солидный возраст.

Я обернулся.

Виталик находился в предынфарктном состоянии, и, кажется, был не против умереть прямо сейчас. А рядом с ним стоял старик — сухонький, низенький, седой, но невероятно уверенный в себе. Я знал этот тип уверенности — старик явно был из каких-то властных и, возможно, связанных со всякими специальными службами структур. Впрочем, я точно знал, что на расстрел ещё не заработал, а от обвинений в угоне машины и от сопутствующих

неприятностей в виде отчисления из вуза и изгнания из комсомола надеялся отбиться. Так что я решил не бояться раньше времени. Всё могло быть не так страшно — хотя вид Виталика внушал определенную тревогу.

Не рассчитывая на то, что этот нервный паренек выйдет из ступора до рассвета, я подошел поближе к старику.

— Егор Серов, студент первого курса заборостроительного института, — отрапортовал я и протянул руку.

Это был своего рода тест. Если старик руку пожмет, то, наверное, не будет даже никому не интересного выговора в личном деле. А вот если не пожмет...

Но он принял подачу, и я ощутил крепкое рукопожатие, закаленное десятилетиями тренировок.

— Михаил Сергеевич, — представился он. — Занимаюсь административными вопросами в одном учреждении.

«Где-то на Лубянке?»

Вслух я такое, разумеется, спрашивать не стал.

— Очень приятно, — я улыбнулся и разорвал рукопожатие.

Вернее, мне позволили его разорвать.

— И мне тоже, — Михаил Сергеевич тоже улыбнулся. — Я весь вечер в волнении провел. Внука нет, машина исчезла, а он и водить-то толком не умеет, хотя права получил каким-то чудом.

Знаю я, что это за «чудо». Вот оно, прямо передо мной стоит.

— Да, я заметил, что он водит несколько неуверенно, — ответил я, — и решил, что небольшая помощь друзей лишней не будет.

Я не знал, что известно этому деду, который оказался полным тезкой Горбачева. Про «Кино» и подпольные концерты он мог быть и не в курсе, а Виталик не рассказал мне, с какой легендой собирался отмазываться, беря чужую по факту машину.

— Да, друзья должны помогать друг другу, — согласился со мной старик. — А вы с Виталием давно знакомы?

Я подумал, что честность всё-таки является лучшей политикой в моем незавидном положении.

— Сегодня познакомились, случайно. Я с девушкой был, а он сцепление мучил. Ну, я и спросил, что у него за проблема — оказалось, что он не может с педалями справиться.

— А девушка?.. — взгляд Михаила Сергеевича мазнул по прозрачным стеклам «двушки» и неприятно задержался на багажнике.

— Мы её домой завезли, она устала, — пояснил я. — Мы с ней сегодня гуляли много... гуляли, гуляли, в общем... Вот и догулялись.

— Что ж, мне почти всё понятно, — кивнул старичок. — Время, конечно, совершенно не чайное, но всё равно буду настаивать, чтобы вы, Егор, посидели немного с нами.

«Похоже, даже без выговора обойдусь».

— Сегодня суббота, домашние задания я уже сделал, так что могу себе позволить принять ваше предложение, — я склонил голову и стукнул каблуками. Звук получился неожиданно громким — но больше меня удивила реакция Михаила Сергеевича.

Он улыбнулся.

— Любите «Адъютанта его превосходительства»? — спросил он.

Из всего «Адъютанта» я помнил лишь броский лозунг про то, до какой степени надо

бить красных и белых, да знаменитый диалог: «Пал Андреич, вы шпион? Видишь ли. Юра...». Впрочем, я надеялся, что этого хватит для того, чтобы сойти тут за своего.

«Видишь ли, Миша...»

— Да, очень хороший фильм, — почти искренне сказал я.

Как ни странно, чай оказался чаем, а не эвфемизмом для чего-то покрепче. Причем в этом доме немного играли в демократию. С заваркой из той самой желтой и со слонем индийской пачки возился сам старик, правда, стол сервировал Виталик — видимо, в силу своего юного возраста и подчиненного статуса, — который каким-то чудом справился с дрожью в конечностях и ничего не разбил. Чайный сервиз, впрочем, был совсем не демократичным, он сходу выдавал недостаток и возможности хозяев, да и мебель была под стать месторасположению этого жилища. Поселок художников в те годы был достаточно престижен; в моём будущем он оставался элитным, хотя и был заселен непонятно кем. Ну а кто здесь жил в середине восьмидесятых, я не знал — просто никогда не интересовался этим.

— Хороший дом, — рискнул высказаться я.

— Да, неплохой, — согласно кивнул старик. — Хотя вот удобства во дворе и ведро на ночь — это, согласитесь, не совсем то, на что хочется тратить силы в моем возрасте. В квартире всё-таки лучше.

— А почему тогда?..

Я не договорил, но он понял.

— А это не мой дом, — сказал Михаил Сергеевич. — Зять мой, отец этого охламона купил по случаю у прежних хозяев, и использует как дачу. Но они с женой уехали в командировку, надолго, и я напросился сюда пожить. За внуком присмотреть, да и врачи советуют часть времени проводить на природе, пусть и такой убогой.

В третьем десятилетии двадцать первого века многие, не задумываясь, отдали бы левую руку за самую возможность получить такую «дачу» чуть ли не в центре Москвы. Сейчас, впрочем, «Сокол» центром не считался — как же, целых пятнадцать минут на метро от Кремля!

— Вполне пристойная природа, — возразил я. — Мне вообще кажется, что таких поселков в Москве должно быть много, а то многоэтажки они... слишком безликие.

— Зато решают квартирный вопрос, — наставительно произнес старик. — А такие поселки лишь мешают этому. Раньше-то да, разные теории были, всё пытались проверить. И поселки строили кооперативные, и дома без кухонь. Но ничего лучше многоквартирных домов, в которых есть лифт и теплый туалет, пока не придумали.

Я хотел было заикнуться про таун-хаусы в пригородах американских мегаполисов, но вовремя оборвал себя. Первокурснику в этом году не полагалось знать такие подробности жизни простого среднего класса в США. К тому же и там сначала произошла всеобщая автомобилизация, а уже потом понастроили целые пригороды из отдельно стоящих типовых домиков. В СССР восьмидесятых до поголовного обеспечения населения машинами было очень и очень далеко. К тому же для этого надо было развалить многонациональную страну и отказаться от социалистического пути развития. Моему собеседнику неясной ведомственной принадлежности такие выводы могли и не понравиться.

— С этим утверждением я согласен, — сказал я. — Помню, родители очень радовались, когда нам дали квартиру, и мы смогли переехать из барака. Но, честно говоря, мне в том бараке нравилось — там были друзья-приятели, куча мест, где можно поиграть и никаких

забот. В квартирах с этим сложнее...

— А вы откуда, Егор?

Я назвал.

— А, слышан, слышан. У вас там неплохой комбинат, который, кажется, как раз нуждается в специалистах вашего профиля? И вы, наверное, собираетесь после учебы вернуться на малую родину?

— Конечно, — я улыбнулся. — Буду продолжать династию.

— Похвально, похвально, — старик явно расчувствовался. — Мне вот на заводах работать не довелось, сразу в аппарат взяли, прямо со студенческой скамьи, но с нашей промышленностью я связан очень тесно. И радуется, что есть молодые люди, которые не боятся работать руками.

«Первый отдел?»

Я всё никак не мог понять, чем занимается этот умудренный опытом товарищ. Очевидно, что он был не дурак поговорить — а это как бы не приветствовалось в том страшном кей-джи-би, где работали очень серьезные и молчаливые люди. Во всяком случае, так их показывали во всех фильмах, сам же я с ними не сталкивался.

Виталик притащил пару розочек с клубничным вареньем, полбатона белого в нарезку и целое блюдо с разной сдобой. Ну а Михаил Сергеевич разлил чай по гжельским чашечкам и пододвинул ко мне сахарницу. Я отказался, и он посмотрел на меня одобрительно.

— Правильно, сахар вреден. Мы вот мало его ели в юности, и до сих пор моё поколение может похвалиться хорошими зубами, да и на здоровье грех жаловаться.

Про зубы он загнул, конечно — я видел признаки вмешательства дантиста, и один металлический зуб у старика в глубине рта точно имелся. Но у каждого поколения свои заблуждения. Я же склонялся к тому, что долгожительство поколения Михаила Сергеевича — а я ему давал лет семьдесят с лишним — было следствием испытаний, выпавших на долю нашей многострадальной страны в первой половине века. Слабые люди просто умерли, уцелели сильные. Впрочем, они тоже оказались не вечными, ну а когда ушли и они — закончилась и страна. Эта мысль меня так поразила, что я даже на пару мгновений выпал из реальности. В моём мысленном списке дел добавилась ещё одна строчка — мне нужно было понять, сколько прошедших войну людей сейчас находится в руководстве партии. Это могло многое объяснить.

— ...но и про врачей нельзя забывать, — наставительно закончил Михаил Сергеевич благополучно пропущенную мною фразу.

Он отхлебнул чай и принялся намазывать варенье на хлеб. Я поспешил согласиться с его мыслью — в чем бы она не заключалась — и последовал примеру. Такой вид десертов мне всегда нравился, хотя я предпочитал его не с чаем или кофе, а с обычным молоком.

— Но вернемся к выбору профессий. Вот Виталий меня разочаровал, — внук на всякий случай втянул голову в плечи, — окончил какой-то журналистский факультет, работает на радио — что это за работа? Хотя языки знает и дело нужное делает — рассказывает миру о наших достижениях. Но это он в отца, тот тоже всю жизнь статейки кропает в газеты, ни гвоздя не забил.

Ворчание старика мне было не очень интересно. Я уже понял, что он недолюбливал зятя-журналиста и считал его кем-то вроде нахлебника, хотя явно незаслуженно — судя по всему, этот неведомый мне товарищ «умел жить» по любым советским меркам и обеспечивал неплохую жизнь не только себе, но и жене, и сыну, и тестю. Виталику, видимо,

досталась порция этой нелюбви, отчего он и вырос слегка закомплексованным парнем с бунтарским душком, чудом сохранившимся в его измученном придирами организме; не будь в нем этого внутреннего бунтаря, черта с два он угнал бы машину из-под дедовского бдительного носа.

— Журналистикой тоже кто-то должен заниматься, — примирительно сказал я. — И если есть талант к этому, то почему бы и нет?

— Вот и я говорю — баловство всё это, — кивнул старик, видимо, сочтя моё высказывание за поддержку его взглядов.

Я не стал его переубеждать.

— А вы на кого учились? — поинтересовался я.

Правда, это мне тоже было не очень интересно. С большим удовольствием я бы задал вопрос «можно я уже пойду?». Я чувствовал смертельную усталость, у меня в сумке болталось две бутылки пива, которые уже заждались, когда я их выпью. И вообще я планировал разделить их с Жасымом, если Дёма снова куда-нибудь срулит — ну или с обоими сразу, если наш блудный сосед по какой-то причине решит провести субботний вечер в нашей компании. Под хороший разговор, конечно, а не танцы вокруг да около на пару с незнакомым и потенциально опасным господином.

— Я изучал советское право, — с гордостью сказал Михаил Сергеевич. — Сейчас это юридическое дело, а тогда из нас готовили бойцов широкого фронта. Мы могли и на фабриках производство организовать, и в конторе делооборот наладить. Вот так тогда учили! — он ткнул пальцем в потолок. — И, главное, у нас была постоянная практика, мы не просто слушали лекции, но тут же применяли полученные знания. А сейчас что? Отсидят пять лет за партой, — пренебрежительный взгляд в сторону Виталика, — а потом придут на работу и снова учатся, с какой стороны за ручку держаться надо.

— Ну деда, — протянул Виталик, — ты же знаешь, что это не так...

— Не так да так!

В принципе, я был со стариком согласен. Моё обучение в заборостроительном как раз и заключалось в прослушивании лекций и записи конспектов. И хотя заборостроение было абсолютно прикладной дисциплиной, допускать нас до дела сразу после получения диплома было слишком опасно. Мы не знали, как ведется документация на заводах, не знали тамошних порядков и были знакомы с оборудованием только по картинкам из учебников. Поэтому и сложилась в позднем Союзе странная модель адаптации вчерашних студентов — по прибытии на заводы они попадали в разряд молодых специалистов, которые вроде бы и имеют нужную квалификацию, но лишь на бумаге. А вот через пару-тройку лет из них мог выйти толк — во всяком случае, из тех, кто не сбежал в ужасе за время нахождения в промежуточном статусе между выпускником и профессионалом своего дела. Тогда они переставали быть «молодыми», но становились «специалистами».

Как был построен процесс обучения будущих журналистов в восьмидесятых годах двадцатого века, я представлял плохо. Но однажды, уже в далеком будущем, я вёз одного пассажира, который оказался членом комиссии на защите дипломных работ на журфаке МГУ. Этот товарищ всю поездку самыми последними словами выражал своё отношение к знаниям, которые продемонстрировали соискатели высокого звания журналиста. Кто-то из них был уверен, что Октябрьская революция победила в 1905 году, другие честно заказали дипломные работы на стороне и незамутненно поделились этим в соцсетях, показывая своё отношение к выбранной специальности. Кто-то вроде выбрал актуальные и острые темы, но

отработал их так, что лучше бы принес на защиту пустые листы. Я тогда лишь поддакивал его словам про нравы молодежи, которые окончательно пробили дно, а сам вспоминал, как придумывал название своего диплома, уже сидя перед дверями приемной комиссии, и как не успел дописать требуемый по правилам оформления список литературы.

Впрочем, Виталика я тоже понимал. Он наверняка был из отличников — кого попало не берут в Иновещание даже по протекции, и отбор там должен быть серьезный. Хотя на дворе уже восьмидесятые, самый хвост застоя, когда многие отработанные в первые годы советской власти методы начали давать серьезные сбои. И выяснение причины этих сбоев я считал своей первоочередной задачей.

— А вы где так хорошо водить научились? — вдруг спросил Михаил Сергеевич. — Вы даже припарковались лихо, не задумываясь, словно каждый день по сто раз... Такое только долгой практикой вырабатывается.

Вот так и прокалываются штирлицы.

— У дядьки в селе была «копейка», я на ней ездил, как до педалей дотягиваться начал, — похвалился я. — Ну а в школе нас в УПК учили грузовики водить, а это намного сложнее, чем «копейку» или «двушку».

Я не соврал ни слова. Если Михаил Сергеевич из «органов» и решит проверить мои слова, он столкнется с тем, что я говорил только правду. И, возможно, потеряет ко мне интерес.

— Очень любопытно... хотя мне казалось, что пускать за руль несовершеннолетних запрещено.

— В деревнях на многое смотрят попроще, — я пожал плечами.

Ага, они там смотрят на всё с точки зрения собственного удобства. Дядька был трактористом, мог и за рулем грузовика посидеть, потому что водил как бог и, в принципе, мог нормально ездить даже после пары бутылок, выпитых в одно горло. Но ему нравилось, что можно было припахать кого-то — в данном случае меня — возить его отравленное алкоголем тело по разным надобностям, ну а я, тринадцатилетний оболтус, который тогда ничего крепче «Буратино» не употреблял, особо и не возражал. Родители смотрели на это сквозь пальцы, отец вообще считал, что в жизни всё пригодится, имея в виду, разумеется, не навык транспортировки бесчувственного проспиртованного тела из одной точки до другой. По иронии судьбы это мне тоже понадобилось — заказов на вывоз завсегдатаев ресторанов у таксистов всегда было полно. Они хорошо оплачивались, но сопровождалась такой суетой, что никто из моих коллег их не любил.

— Это да... — протянул старик, уставившись куда-то вдаль.

Возможно, прикидывал, как будет винтить моего дядьку, который помер позапрошлой зимой от банального инфаркта в своей постели и в окружении облегченно вздыхающих родных и близких. Из всей семьи его любил, кажется, только я, но меня в тот момент рядом не случилось.

— Михаил Сергеевич, — решительно сказал я. — Мне, пожалуй, пора. Не буду надоедать вам своим присутствием и сердечно благодарю за угощение. Было очень вкусно.

— Ну если пора... — сказал старик. — Что ж, мне тоже было приятно с вами познакомиться. Я люблю новых людей... жаль, что в последние годы новые знакомства случаются всё реже и реже.

Удерживать меня он не стал. Но когда Виталик встал, Михаил Сергеевич жестом вернул его на место.

— Я сам провожу нашего гостя, — важно сказал он, — на правах хозяина, пусть и временного.

Виталик возражать не посмел. Он словно сдулся и опустился обратно на стул. Я же просто подошел к нему и протянул руку. А он её пожал.

— Виталий, спокойной ночи, — важно сказал я. — Был очень рад нашему знакомству.

Тот пробормотал что-то про взаимность.

Мы со стариком вышли во двор и направились по дорожке к калитке. У самого выхода он вдруг придержал меня за локоть и остановил. Я немного занервничал, но разговор оказался совсем не о том, чего я подспудно боялся.

— Егор, я рад, что вы помогли моему внуку выбраться без потерь из той ситуации, в которую он сам себя загнал, — и не поймешь, знает он про «Кино» или говорит в каком-то общем смысле. — Всё-таки он пока у меня один, и я бы не хотел, чтобы с ним случилась какая-либо неприятность.

— Ему нужно чуть больше уверенности в себе, — со внезапной для себя откровенностью сказал я. — Ну и немного освоить принципы управления автомобилем. Сцепление менять штука недешевая.

— Это да, недешевая, — согласился Михаил Сергеевич, — хотя цена не всегда имеет значение. Но я займусь этими вопросами — и уверенностью, и обучением вождению. Они пригодятся мальчику в жизни.

«Мальчику» было, по моим прикидкам, около двадцати пяти, и заниматься его воспитанием было, наверное, уже поздновато. Впрочем, старик мог попробовать — у него, кажется, был опыт переламывания людей через колено. Ну а вождению Виталика, надеюсь, будут учить другие, более мягкие люди, которые не будут его калечить слишком часто. Я бы, например, не взялся.

— А вы, я посмотрю, к машинам равнодушны, хотя и пошли по другой стезе?

— Водить мне нравится, — аккуратно сказал я, — да и возиться с механизмами тоже — было бы где, без своего гаража затеваться с машиной не хочу. Так что выучусь, вернусь на родину, а там видно будет.

Выучиться я выучусь, конечно, но вот на родину не вернусь. Ну а лет через тридцать гаражи будут выглядеть атавизмами, хотя и много где сохранятся.

— Это верно, — кивнул Михаил Сергеевич, — вы же сейчас в общежитии живете? Не снимаете квартиру?

Про съем квартир студентами я только слышал. У нашего института раньше было плохонькое и маленькое общежитие, и часть студентов была вынуждена искать жилье в городе или даже в пригородах. Мне рассказывали, что некоторые из них тратили на дорогу по два часа в один конец; я был уверен, что такую тягу к знаниям надо поощрять.

Но сейчас институт обзавелся целым жилым комплексом, которого хватало и студентам, и аспирантам, и даже некоторым преподавателям невысокого ранга.

— Нет, у нас хорошая обща... хорошее общежитие.

Михаил Сергеевич снова чему-то кивнул.

— Да? Это очень хорошо. Ну что ж, не буду вас больше задерживать, Егор. Был рад знакомству.

Лишь оказавшись за воротами, на пустынной и темной улице, я позволил себе облегченно вздохнуть. Конечно, этот Михаил Сергеевич мог легко испортить мне жизнь, даже если он лишь наполовину так влиятелен, как я думал. Я дал ему достаточно

информации о себе, он мог найти меня за пару минут — например, позвонить в ректорат и попросить... не знаю, как они выражают эту просьбу... пристально присмотреться к одному из студентов? Но я почему-то не слишком опасался такого развития ситуации. Мне показалось, что мне удалось понравиться старику и его тараканам, которые, возможно, даже остались довольны прошедшим разговором.

Я плюнул на всё, достал из сумки бутылку пива, открыл её ключами и залпом выпил половину. Мне немного полегчало, хотя шум в голове намекнул, что лучше как можно быстрее добраться до общаги. Всё-таки этот день оказался очень странным.

Глава 8. Библиотечный червячок

В своей первой жизни я был, пожалуй, лентяем. Что-то новое всегда откладывал до понедельника и потом нагло забывал о своих хотелках, забивал на всё, что не могло принести мгновенной отдачи, не имел даже хобби — если не считать за таковое валяние на диване перед телевизором. Иногда чем-то увлекался, но ненадолго, и лишь частые переезды спасали меня от накопления груды ненужного барахла. В самом конце той жизни, когда я прожил лет пять на одной квартире, я как раз оброс разными безделушками в количестве, достойном героя Гоголя. И ничего из этого мне было не жалко.

Тем удивительнее для меня самого оказался тот энтузиазм, с которым я в понедельник после учебы отправился в библиотеку. Жасым с Дёмой, кажется, мне просто не поверили — этот мой поступок шёл вразрез со всеми их представлениями обо мне. Но я честно добрался до высокого, похожего на античный храм здания неподалеку от Кремля, получил читательский билет и оккупировал один из столов в читальном зале с грудой периодики.

Впрочем, мой первый день в библиотеке был потерян зря. Я ещё не представлял толком, какие знания я хочу получить из советских газет, и что эти знания должны подтверждать или опровергать. Поэтому в тот вечер я тупо листал подшивки «Правды», «Известий» и «Труда» за текущий год, пытаюсь понять, чем они отличаются друг от друга и отличаются ли вообще.

Какие-то отличия, конечно, были. Несмотря на то, что СССР многие считали чем-то монолитным, в нём существовало сразу несколько реальностей, а единство было предназначено для трансляции вовне. Та же пресса была очень и очень разной — если не хватать по верхам, а погрузиться в детали.

«Известия», например, были органом самого главного из Советов и предназначались в первую очередь для публикации решений этого законодательного органа; в промежутке между сессиями газета походила на «Правду» до степени смешения. «Правда» делала всё то же самое для Центрального Комитета единственной и неповторимой партии, а вот «Трудом» занимались профсоюзы — насколько я помнил, те самые, что курировали якобы народную команду «Спартак». Были ещё комсомольские издания, отраслевые министерские, издания местных советов и местных комитетов всё той же партии. Всё это выходило какими-то безумными тиражами и чаще всего заканчивало свою жизнь в сортирах — таким немудреным способом советские граждане справлялись с дефицитом туалетной бумаги. Старшее поколение ещё помнило о том, что за такое использование газет с портретами вождей могли и наказать по всей строгости социалистического законодательства, но сейчас за этим никто не следил. А оповестить своих читателей про вред густо замешанной на свинце типографской краски газеты ещё не додумались.

Часть уцелевшего тиража оседала в библиотечных подшивках, но их не предполагалось хранить вечно, так что многие номера до оцифровки, затеянной библиотекарями будущего, просто не дожили.

Во вторник я пришел более подготовленным. У меня с собой была толстая тетрадь на 96 листов большого формата, пара карандашей и желание израсходовать и то, и другое как можно быстрее. Информацию я решил получать из «Правды» — не из-за названия этого боевого листка воинствующего коммунизма, а потому, что она была первична. На будущее я запланировал ещё и близкое знакомство с журналом «За рубежом», чтобы хоть немного представлять, чем сейчас живет загнивающий Запад. Возможно, где-то в тут, в Ленинке,

имелись и буржуйские издания, хотя бы левой направленности, но свои познания языков вероятных противников я оценивал как недостаточные. Впрочем, пока что меня интересовал только Советский Союз.

Конечно, в моё время прессу СССР не пинал только ленивый — мол, тогда писали исключительно враньё, которое соответствовало текущему курсу партии, а попытки донести до народа правду жестоко карались. Но всё было гораздо проще. Какие-то темы действительно попадали под негласные запреты, какие-то освещались, но, скажем так, не очень оперативно. Но в остальном у журналистов была полная свобода творчества — они могли хоть изо дня в день бичевать отдельные недостатки, о которых, к слову, часто говорили и с высоких трибун. Ещё они были обязаны доносить до простых обывателей партийную линию в неискаженном виде — достигалось это путем простой публикации решений всяческих съездов и речей первых лиц государства.

Меня в этой прессе интересовало только одно — смена лиц, стоявших во главе страны. В будущем дежурные шутки про нынешнюю политику были связаны со смертями — тут тебе и «гонки на лафетах», и «пятилетку за три гроба», и помпезная «эпоха пышных похорон». В чем-то авторы шутеек были правы — до начала восьмидесятых такая чехарда на самом верху происходила только в самые первые годы советской власти; даже в тридцать седьмом обитатели властного Олимпа в целом избежали знакомства со возвращенными ими палачами из страшного НКВД. Ну а переход власти после смерти Сталина был вообще похож, скорее, на быстрый и относительно бескровный переворот; Берия с этим не согласился бы, но кому интересно мнение этого английского шпиона? В общем, почти все годы советской власти шёл рутинный и неторопливый процесс обновления элит.

Но в конце семидесятых политики высшего звена прнялись умирать просто так — возраст пришел, здоровье ослабло, организм сдал от постоянных нагрузок, ведь они и в самом деле работали как лошади. Два высших гроба из трёх я со своим попаданием в 1984-й благополучно пропустил и лишь смутно помнил, что мы не учились, когда хоронили Брежнева — но это в школе. Андропов умер совсем недавно для меня-сегодняшнего, но для меня-из-будущего и это событие смазалось из памяти. Кажется, и тогда нам тоже дали поплакать в одиночестве.

Смерти первых лиц любой команды и приход новых лидеров, как я знал из собственного опыта, означал и приход его доверенных лиц, которые старались оперативно занять ключевые позиции. Ведь если новый начальник будет полагаться на те кадры, которые оставил ему предшественник, то очень скоро станет пятым колесом в телеге и будет уволен или уйдет сам. Я наблюдал подобные трюки многожды — в нашем таксопарке, где я провел десять весьма познавательных лет, от одного кризиса до другого, собственники менялись регулярно, и каждый считал своим долгом прислать нам нового директора. В принципе, для простых таксистов вроде меня эти назначения не значили ничего — разве что могли заставить какие-нибудь тупые отчеты делать после смены или запрещали заезжать на ремонт туда, куда мы ездили раньше. Это было связано с разрывом взаимовыгодных контрактов, которые предыдущий директор заключал с фирмой, принадлежащей его маме или теще. Поэтому было даже интересно наблюдать за тем, как в руководстве сменяются всякие замы по финансам, маркетингу и прочим непонятным работягам премудростям.

А однажды этот процесс запустили на уровне всей Москвы — Лужков внезапно утратил доверие, на его место сел новый градоначальник, который года два налаживал работу и расставлял своих людей на ключевые позиции. Эти два года были не самыми приятными в

жизни столицы, но зато потом всё заработало весьма интересным образом.

Так вот, смена Генеральных секретарей не могла не сказаться на персоналиях, которые вели работу на этажах пониже. При Сталине начальникам было проще — расстрелял подчиненных предшественника, набрал новых и работаешь, пока не придет твоя очередь. К восьмидесятым такой подход признали нерациональным, поэтому тех, кого раньше обязательно проводили бы к стенке, всего лишь задвигали куда подальше или с почетом провожали на пенсию. Во всяком случае, я помнил — или мне говорил кто-то из моих пассажиров, — что к развалу СССР в ЦК сидели только горбачевские кадры. Но до Горбачева был ещё год, и про судьбы брежневской когорты при Андропове и Черненко мне нужно было выяснить самостоятельно.

Возможно, был более простой путь узнать искомое. Но меня пугала перспектива попасть на заметку какому-нибудь секретному сотруднику компетентных органов. Затеряться в самой большой библиотеке страны было проще, чем в каком-нибудь районном заведении. Сидит студент, читает правильные газеты, иногда чиркает карандашиком в тетрадке. Фонды не портит, тишину не нарушает, неприятностей от него никаких — в общем, паинька, а не читатель.

Правда, от изучения недавней истории родной страны меня слегка отвлекал внешний фактор. Я никак не мог забыть прошлую субботу и многожды прокручивал в голове случившиеся события и вспоминал встреченных тогда людей. Алла, Врубель, Цой, «киношники», Виталик, таинственный Михаил Сергеевич. Концерт в клубе инженеров-физиков, поездка на «двушке» по вечерней Москве, поселок художников на Соколе, странный разговор со всё тем же таинственным Михаилом Сергеевичем, который явно не был Горбачевым.

Ну и поведение Аллы меня тоже слегка беспокоило — возможно, совершенно напрасно. Я не исключал, что больше никогда не увижу эту девушку, если не буду её специально искать. И я не был уверен, что мне стоит её искать, и не знал, как она отреагирует, если я всё же её найду. Вернее, не «если», а «когда» — я знал её имя, знал адрес, пусть и без конкретной квартиры, знал о существовании некой Ирки, что жила в нашей общаге и была подругой Аллы. В конце концов, я знал, что через пару недель смогу выловить её рядом с тем мифическим клубом — если наша доблестная милиция не засадит Врубеля с друзьями за незаконное предпринимательство.

В общем, мои мысли периодически сворачивали на Аллу, хотя я не сказал бы, что втрескался в эту девушку по самые уши. Просто между нами осталось что-то недосказанное, и это чувство было сродни незаконченному эпизоду хорошего сериала, который так и просит нажать на кнопку воспроизведения, чтобы узнать, чем всё закончилось. А я не любил быть в неведении относительно развязки, хотя не знал, что буду делать, если финал мне не понравится.

В моей прошлой жизни ничего из этого в субботу, 14 апреля 1984 года, не случилось. Но я тогда почти не задумывался о будущем, жил сегодняшним днем и верил, что так будет всегда. Сейчас же моя судьба каким-то образом стала зависеть от судьбы членов Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. И от других членов сложного уравнения под названием «Советский Союз».

К пятнице я заполнил тетрадь наполовину. Если бы мои записи увидели представители компетентных органов, они наверняка заподозрили бы меня в шпионаже, поскольку только шпионам может прийти в голову идея выписывать фамилии советских государственных и

партийных деятелей и отмечать даты, когда они занимали ту или иную должность. Никакой тайны в этом не было, многие биографии печатались рядом с указами о назначении или рядом с облаченными в траурную рамку насквозь официальными некрологами, но сбор таких сведений мог что-то значить — а потому те самые органы могли и заинтересоваться изысканиями скромного студента заборостроительного института.

При этом я не записывал туда ничего особенного. Воспоминания о Чернобыле или о Чикатиле так и остались в моей голове. Но всё равно тетрадь я всегда носил в сумке и даже подумывал о том, чтобы оборудовать некий тайник где-нибудь за пределами общаги.

Дело в том, что понятие приватности в нашем общежитии было очень расплывчатым и неопределенным. В очень широком смысле это означало, что в любой момент в твою комнату мог войти кто угодно и взять всё, что ему понравится — ну если, конечно, хозяйева не будут возражать слишком активно. На практике до беспредела не доходило, но рейды комсомольского и студенческого актива время от времени проводились — искали, правда, обычно водку и сигареты, но можно было попасть под раздачу и за вражескую музыку, под которой обычно понимали фарцовку импортными альбомами. Ещё я точно знал про пару, которую выгнали из общаги за разврат — ночью рейдеры обнаружили студента и студентку в одной кровати. За моральным обликом будущих строителей коммунизма сейчас следили строго.

Так что тетрадь с моими воспоминаниями о будущем могли обнаружить в любой момент, а истолковать как государственную измену сведения о развале СССР — если я буду достаточно глуп, чтобы написать такое, — было очень легко. В реалиях СССР образца 1984 года это почти гарантировало высшую меру социальной защиты. Ну а рассчитывать на снисхождение самого гуманного суда в мире при наличии веских доказательств было бы чересчур наивно. Впрочем, я так и не решился поиграть в настоящие шпионские игры.

Информации у меня за неделю скопилось много, хотя и не совсем той, на которую я рассчитывал. Дело в том, что политическая система эпохи позднего Брежнева и раннего Андропова оказалась на редкость стабильной. Всемогущее Политбюро ЦК, про которое в моем поколении не знал только глухой и умственно отсталый, в целом сохраняло свой состав неизменным — за исключением тех случаев, когда дело касалось смертей. Впрочем, и умирали кремлевские старцы пока что совсем не ударными темпами.

В восьмидесятом скончался Косыгин, в восемьдесят втором — Сулов и собственно Брежнев, в восемьдесят третьем — Пельше. Был ещё какой-то Кириленко, но из короткой заметки было неясно, покинул он Политбюро по воле завистников или же действительно был серьезно болен. Я про него ничего вспомнить не мог, только фамилия была мне смутно знакома по каким-то новостным сюжетам застойного «Времени».

А вот в графе «приход» за то же время были более интересные фамилии. Например, Горбачев и Алиев, будущие президенты, соответственно, СССР и независимого Азербайджана. Ещё в Политбюро ввели неких Соломенцева и Воротникова — этих я почему-то знал лучше, чем Кириленко, но ненамного. Возможно, это были воспоминания из той же новостной оперы — «у трапа самолета высокого гостя встречали товарищи Рыжков, Зайков, Слюньков, Воротников и другие официальные лица». Кого они там постоянно встречали, зачем жителям СССР нужна была информация о тех, кто мерз на взлетном поле? Нет ответа.

Ничего не дало мне и исследование более широкого круга лиц, входящих собственно в Центральный Комитет. Большинство фамилий были для меня набором букв, их биографии приходилось добывать по капле, а простое сравнение простыней списков членов ЦК,

избранных на 25-м и 26-м съездах, я оставил на потом. Там было около трехсот рыл полноценных членов, сотни полторы кандидатов, и, наверное, динамика их избраний могла сказать о многом, если бы я знал, к команде какого члена Политбюро они принадлежали. Ведь не могли они появиться сами по себе? Самородки бывают только в рок-музыке, а не в советском политическом паноптикуме. Но я никак не мог быстро узнать клановую принадлежность членов ЦК — надо было проводить настоящий научный поиск, следить за карьерами и отмечать, благодаря кому они забрались так высоко.

Меня немного пугал объем этой работы, но слова случайного попутчика о «горбачевском» ЦК не давали мне покоя. Возможно, движение этих тектонических плит советской политики стартует лишь через год, когда умрет Черненко, а Горбачев станет лидером страны и партии и начнет внедрять «новое мышление» с ударением на первом слоге. Ну а чтобы старые кадры не мешались под колесами ускорения, он и провернет ту самую операцию по замене их новыми лицами — причем настолько новыми, что сейчас о них в центральной прессе не пишут.

В общем, я оказался немного в шоке от задачи, которую взвалил на себя. Она казалась неподъемной, а, главное, бессмысленной. Я так и не придумал, что я должен был сделать по итогам своих изысканий. Писать письма в Политбюро, Совет министров, Верховный совет и в прочие головы дракона, который мог бы олицетворять советскую власть? Моя писанина, скорее всего, не осталась бы без ответа. Но этот ответ мне вряд ли понравился бы.

Человек, который уверен, что находится в шаге от высшей власти, способен на многое. Судя по тому, что я помнил, Горбачев сейчас был как раз там — в шаге. А все остальные — в Политбюро ли, в ЦК — тоже ждали, чем всё это закончится. Не сломает ли Мишка Меченый хребет, взвалив на себя груз не по силам? Не появится ли сбоку какой-то неучтенный в его расчетах засадный полк, который попросту сметет слишком возомнившего о себе парнишку из Ставрополя? Это ожидание продлится до марта или апреля восьмидесят пятого — то есть до смерти Черненко, которая запустит давно готовый, но пока скрытый от посторонних глаз механизм.

Неведомых механизмов я, понятное дело, опасался. У людей планов громадьё, они уже посты делят, мысленно награды друг другу раздают — и тут вдруг появляются письма безвестного первокурсника о том, что в Англии ружья кирпичом не чистят. Эти писульки могут оказаться совсем не в кассу, заставят тонкую механику мягкого переворота чуть-чуть засбоить, причем там и тогда, когда совсем не надо. Это риск, тем более серьезный, что с момента смерти Сталина прошло всего-то тридцать лет, а с момента волюнтаристской отставки Хрущева — вообще двадцать. Ребята, которые сидят наверху, наверняка помнят оба события и знают, к чему приводят сбои в хорошо спланированном захвате власти.

Умирать от инфаркта они не хотели, а это означало, что тот самый неведомый студент должен был попасть под поезд метро. Разумеется, по своей собственной неосторожности — он был из провинции, так и не привык к московскому транспорту, ай-ай-ай. Сочувствуем всей душой. А письма... какие, кстати, письма? Тут в архиве пожар случился, проводка старая была, потом нашествие мышей, потом шпионы всё украли. Шпионов сейчас ищут. Мышей тоже. Не извольте беспокоиться. Вон, одного к стенке повели. Что значит — наш, советский? Он шпион коварных империалистов, а потому к нему и применяется высшая мера социальной защиты. И да, так совпало, что именно он читал то письмо, но на допросах показал, что совершенно не помнит его содержания. Вот абсолютно! Даже под пытками так говорил... ой, прошу прощения, этого вы не слышали, хорошо? Хорошо?? А то учтите, что у

нас план по шпионам в этом месяце ещё не выполнен.

Я, конечно, мысленно ерничал и храбрился, но мне было до усрачки страшно. Страшно влезать в эту банку с пауками и ворошить их палкой, страшно даже касаться их неведомых дел. И не потому, что это могло быть неким всемирным заговором каких-то мутных персон из отеля «Билдерберг», а тот же Горбачев мог быть завербован ЦРУ.

Чтобы разработать такую операцию, нужно быть не просто семи пядей во лбу, а неким гением от аналитики, который сможет учесть все нюансы внутренней и внешней политики СССР, США и многих других стран целого мира. Ещё нужно хорошо знать и уметь достоверно прогнозировать личные взаимоотношения между разными людьми из разных команд внутри единой коммунистической партии и каждой из партий власти в Штатах и Англии. У европейцев имелись собственные интересы и были возможности их проводить в жизнь. А отправить всю эту тщательно спланированную операцию псу под хвост можно было одним чихом — достаточно тому же Горбачеву простудиться и заболеть во время похорон товарища Брежнева или товарища Андропова. Прецеденты были.

Для меня, например, разрушить планы мирового сионизма было делом относительно несложным — с учетом моего послезнания. Например, я мог просто пристрелить пару агентов влияния — ну или советских чиновников, слишком активно агитировавших за реформы во время перестройки. Другие бы затаились — хотя бы на время поиска крота среди себя, — ну а Советский Союз тем временем вырулил бы в направлении какого-нибудь нового курса, который не закончился бы геополитической катастрофой.

В общем, я склонялся к мысли, что ни одна разведка мира на такое была не способна — хотя подталкивать события в нужном направлении умели и англичане, и американцы. Но лишь подталкивать и годами ждать нужных результатов. А всё остальное большевики сделали сами, по своему собственному разумению и в своих целях. К сожалению, цели Горбачева оказались несовместимы с существованием государства рабочих и крестьян.

Впрочем, это всё была лирика. За четыре дня, проведенные в библиотеке, я нашел целых два момента, которые вызвали мой живейший интерес.

Первый момент, скорее всего, не заинтересовал бы меня, если бы я не прибыл сюда из будущего. Обычно в СССР всё делалось неторопливо, и от появления абстрактной идеи до её реализации на практике могли пройти годы. Но в ноябре 1982 года Андропов вдруг начал гнать коней — он объявил о подготовке экономической реформы буквально через неделю после смерти своего предшественника, словно говоря всему миру, что Брежнев был остолопом и ретроградом и вообще всё развалил. Был создан некий экономический комитет, его возглавил Николай Рыжков, под которого в Секретариате ЦК быстренько организовали целый новый отдел. Рыжкова я помнил хорошо — во второй половине восьмидесятых он был премьер-министром и формально отвечал за всё, что тогда происходило со страной. Впрочем, со временем его роль в крушении Союза была минимизирована, а вся ответственность возложена на Горбачева — но для советской системы управления наличие ярко выраженного вождя всегда было важно. Впрочем, и потом тоже.

Комиссия, кстати, не собиралась рубить сплеча. Там начали изучать экономику социализма настоящим образом — наконец-то, на седьмом десятилетии советской власти. Пытались понять, что и где можно подкрутить, а где стоит отпустить, чтобы всё заработало. То есть цель была самой благой, на неё работали и политики разного уровня, и всякие академики, и доценты с кандидатами.

Андропов, кстати, свою идею не забрасывал, и за отведенный ему год несколько раз

обращался к этой теме — ну а газета «Правда» мимо выступления Генсека пройти не могла, хотя, возможно, очень хотела, потому что о других достижениях этой комиссии нигде не было сказано ни полслова. В июле восемьдесят третьего Андропов произнес знаменитые слова про то, что мы не знаем общества, в котором живем, а заодно заранее выдал Горбачеву и Рыжкову индульгенцию на любые ошибки и провалы. Мол, все мы люди, все мы человеки, а потому должны действовать «весьма нерациональным методом проб и ошибок» — его слова. Прямо-таки точное определение всей затеянной Горбачевым перестройки и ускорения.

В другое время я бы прошел мимо этой комиссии и мимо экономического отдела ЦК, которым наградили Рыжкова. Но в этой комиссии заседали два товарища, которые, видимо, придавали ей аппаратный вес. Одним из них был некто Долгих — тоже знакомый мне по многочисленным репортажам о мужественном стоянии у трапа самолета; он был кандидатом в члены Политбюро, причем относительно молодым, всего шестьдесят лет, а в ЦК курировал промышленность.

А вот вторым оказался Горбачев Михаил Сергеевич, который был полноценным членом Политбюро и тоже секретарем ЦК. В понимании нынешней бюрократии это соответствовало тяжелому танковому полку прорыва с артиллерийской дивизией и мотострелковой армией. Горбачев и Долгих на пару могли проломить любое сопротивление на порученном их заботам участке работы. Честно говоря, после того, как я увидел фамилию первого и последнего президента СССР среди членов этой комиссии, мне стало дико интересно, почему он начал свою перестройку, не узнав общество до конца. Что-то подгоняло? Не исключено. Мне захотелось понять — или вспомнить, — из-за чего возникла такая спешка. Я смутно помнил про дешевую нефть, которая что-то там помешала сделать, но не слишком доверял оправданиям тех, кто развалил страну.

Второй момент, на который я обратил внимание во время изучения прессы, касался относительно далекого будущего — вернее, так называемого Государственного комитета по чрезвычайному положению. ГКЧП, как у нас было принято его сокращать. В свою первую жизнь я был уверен, что члены комитета появились ниоткуда, как грибы после дождя, хотя среди них были вице-президент СССР, министр обороны, главы КГБ и МВД и сам премьер министр. Их фамилии помнили наизусть почти все мои ровесники, фактически они были первыми людьми страны, а вот с их биографиями было похуже. Кто они, откуда — я не знал. Кажется, Горбачев назначил их незадолго до событий августа девяносто первого, но я мог и ошибаться.

Впрочем, изучение советских газет убедило меня в том, что я почти всё помнил правильно. Язов — ещё не маршал, а генерал армии — обнаружился в Средней Азии, где командовал одноименным округом; короткая заметка в «Правде» была посвящена каким-то учениям, а вот его роль в организации войны в Афганистане никак не раскрывалась. Пуго сейчас был в Латвии, работал первым секретарем компартии этой республики. Бакланов занимал должность министра общего машиностроения СССР — один из многих министров, хотя, конечно, словом «общий» большевики обычно называли нечто жутко секретное. Общее машиностроение, например, у них занималось космосом и ядерными ракетами. То есть Бакланов был, наверное, продвинутым технарем, но на роль заговорщика пока не тянул.

Где в этом времени обитали Янаев, Крючков, Павлов, а также примкнувшие к ним Стародубцев и Тизяков, «Правда» не сообщала. И это молчание больше всего говорило о подоплеке будущих событиях. Я нашел в газете упоминание ещё нескольких знакомых

фамилий. Например, Шеварнадзе, будущий министр иностранных дел у Горбачева, сейчас тоже был первым секретарем компартии — только в Грузии, и в Москву, кажется, не собирался.

Так что я был уверен, что уважаемые люди, которые через семь лет придумают смешную аббревиатуру ГКЧП, в настоящее время с большой вероятностью крепили мощь советского государства на каких-то низовых должностях, никак не предполагавших почти вертикального взлета к вершинам власти через несколько лет. В СССР вообще не любили таких «летунов» и «карьеристов», хотя некоторое число желающих продвигаться по службе всегда находилось. Но кто-то придал им ускорение, продвинул в нужном направлении, и этот кто-то имел фамилию, имя и должность.

Кандидат у меня был один — Горбачев. Видимо, став Генсеком, он начал активно формировать свою команду, которую ему до этого не позволяли иметь старшие товарищи. Ну а то, что в процессе формирования он случайно развалил страну — бывает и не такое. Как там завещал Андропов — действовать методом проб и ошибок. Вот Горбачев и действовал.

К этому многомудрому выводу я пришел в четверг. На пятницу у меня было запланировано знакомство с подшивкой еженедельного дайджеста зарубежной прессы.

Вообще неделя выдалась относительно спокойной. Я спокойно посещал занятия — писал конспекты на лекциях, решал задачи на семинарах, активно вспоминал всё, что учил сорок лет назад в этом институте, и уже смирился, что мне придется повторить заборостроительную программу по второму кругу. Даже решил выбиться в отличники и получить на выходе красный диплом, хотя не представлял, зачем он мог мне пригодиться. В той жизни он был мне точно не нужен. В этом же варианте истории нельзя было исключать любые варианты — в том числе и тот, при котором Союз сохранится, а я буду востребован по своей основной специальности.

В пятницу занятия заканчивались после четырех. Последней парой была математика, на которой Рыбка в очередной раз пичкала нас какими-то системами — не слишком нужными в повседневной жизни, но необходимыми для успешной сдачи зачета и экзамена. Поэтому я прилагал определенные усилия, чтобы хотя бы что-то отпечаталось в моих мозгах — мне не хотелось разбираться в этих тонкостях одному и прямо на экзамене. Так что вышел я из института в некоторой прострации и на автомате попрощался с Жасымом и Дёмой. Дёмич, кажется, опять собирался где-то пьянствовать, а Казах хотел погулять в парке Горького и приглашал составить ему компанию, но я отказался. У меня были собственные, очень важные дела, которыми я и собирался заняться.

Я прошел буквально с десяток шагов по дворику перед главным входом, когда увидел Аллу. Она стояла чуть в стороне от ворот и очень внимательно смотрела на меня.

Сегодня она была одета значительно скромнее, в обычном однотонном синеватом платье в клетку, в светло-бежевом плащике и изящных туфельках на низком каблуке. Вокруг шеи она повязала пестрый платок, что придавало ей вид француженки из фильмов, которые я смотрел давным-давно. Я сделал себе очередную зарубку в памяти — ознакомиться с репертуаром кинотеатров и, если наше с Аллой знакомство продолжится, пригласить её на какой-нибудь приятный фильм о любви. Ну или на мюзикл с песнями.

Я, разумеется, не бросился к девушке с криками радости и счастья. Я очень тупо замер на месте, не зная, что делать. Я помнил, что меня ждали пыльные страницы «За рубежом», и был настроен весьма решительно. Но нужные подшивки пролежали в библиотечном шкафу

несколько лет и за пару-тройку дней ничего нового с ними не случится. Но и сходу отказываться от своих планов было неразумно. Мы с Аллой расстались странно, и её появление могло быть вызовом моей мужской гордости. Правда, я помнил, что мне почти шестьдесят лет, что я был трижды женат и имел некоторое число случайных связей. Так что не мне бояться объяснений с какой-то пигалицей, которой едва исполнилось двадцать. Я плюнул на условности и подошел к Алле сам.

— Привет, — я протянул руку, намереваясь поцеловать её ладонь, если она окажется слишком доверчивой.

Но нет, Алла что-то уяснила для себя с нашего прошлого общения. Она лишь хлопнула меня по руке и тут же схватилась за свою спасительную красную сумочку.

— Привет, — она улыбнулась. — Не ожидал?

— Нет, — честно признался я. — Думал — всё, с концами. Мы как-то неправильно тогда расстались.

— Наверное, — ответила она слишком легкомысленно для человека, который видит в этом проблему.

Возможно, я зря загонялся.

— Скажем так, ты сбежала неожиданно для меня. Я рассчитывал, что мы вместе выпьем чай с дедушкой Виталика.

— Тебя пригласили на чай? — удивилась она.

— Да, а что такого? Машину и Виталика я доставил в целости и сохранности, на материальные ценности не претендовал, был весь из себя положительный. Думаю, это повод для небольшой компенсации загубленного вечера.

— Загубленного?

— Ну да. Мы бы с тобой пошли после концерта к метро, обменялись бы впечатлениями, познакомились бы поближе и всё такое, — меня немного несло, но я не хотел останавливаться. — А потом я бы проводил тебя до дома, ты бы пригласила меня зайти, познакомила с родителями...

— С бабушкой, — поправила она. — Я с бабушкой живу.

«А родители?»

— ...познакомила бы с бабушкой, — не отвлекаясь, продолжил я. — Ну а дальше всё, как полагается...

— Что полагается, фантазер? — меня стукнули по плечу.

Уворачиваться я не стал. Мне нравились эти удары, да и болезненными они не были. Сил у Аллы было недостаточно, чтобы пробить мою толстую шкуру.

— Всё, — я развел руками так, словно хотел обнять девушку, и она на секунду замешкалась. — Кино, вино, домино и поездка на трамвае.

— Да ну тебя!

— Ну меня, — покорно согласился я. — Так ты чего здесь? Надеюсь, нас не ждет сегодня ещё один концерт ленинградских подпольных музыкантов?

— Нет, не ждет, — она замолчала и очень внимательно посмотрела на меня.

— А что ждет?

— Бабушка.

Ответ Аллы поставил меня в тупик. В каком смысле — бабушка? При чём тут вообще бабушка? В итоге я сам уставился на девушку, ожидая хоть какого-то объяснения.

И Алла сдалась.

— У бабушки сегодня день рождения. Обычно она ничего не празднует... только на День Победы с подругами собирается... но тут чего-то загорелось. И уже неделю требует, чтобы я привела тебя.

— Меня? Зачем? — моё удивление совсем не было наигранным. — Что ты ей там наговорила, женщина?

— Ой, да ну тебя, — а вот сейчас я увернулся от острого кулачка, потому что заранее просчитал её реакцию. — Ничего я ей не наговорила, ей этого не надо, у бабули опыт, которого у нас никогда не будет. Думаю, она тебя из окна увидела, когда мы с тобой тогда... ну... прощались.

Да, со стороны наше прощание выглядело достаточно забавно.

— Ну прощались и прощались, — я пожал плечами. — Мало ли как люди прощаются.

— У неё глаз наметанный и рука набитая, уж поверь, — грустно сказала Алла.

— А кто у нас бабушка?

Захаров уже снял своё «Обыкновенное чудо», так что я не удивился бы, если бы услышал в ответ, что бабушка у нас волшебница.

— Она в органах служила, всю войну прошла, два ранения и всё такое...

«Уж лучше бы бабушка была волшебницей», — с тоской подумал я. В этой Москве хоть кто-то не служил в органах? За прошедшую неделю я почему-то уверился, что мои догадки про место работы Михаила Сергеевича были верными.

— И этот человек заинтересовался скромным мной? — ядовито спросил я. — Извини, но не верю. Рассказывай дальше.

— Да нет никакого «дальше», — с каким-то отчаянием ответила Алла. — Молодой человек незнакомый, он целует любимую внученьку при расставании, водит машину — и при этом всего лишь первокурсник с какого-то левого института...

— Протестую, мой заборостроительный очень известен в определенных кругах!

— Протестуй сколько влезет, — парировала Алла. — Это не МГУ и не МГИМО, даже рядом.

Да, мой институт расположен не на престижном юго-западе, а всего лишь в самом центре нашей столицы.

— Фиг бы с ними. И что с того?

— В общем, ей стало любопытно, кто ты такой. А если бабуле стало любопытно, то она с меня живой не слезет, пока я не удовлетворю её любопытство.

— Это всё хорошо, — констатировал я. — Только не понятно, каким тут боком я? Меня-то твоя бабушка не терроризирует.

— Это пока, — пообещала Алла. — А вот если ты откажешься от приглашения на её день рождения, то она обидится и начнет... как ты сказал? Терроризировать. Я слышала, как она с подружками обсуждала, кто из знакомых у них ещё служит.

Вот тут меня немного пробрало. Я был уверен, что Михаил Сергеевич, уважаемый проявит какой-то интерес к моей персоне — не слишком явный, по линии своей службы и без официальных запросов. Впрочем, даже такой интерес может привести, например, к появлению в моем личном деле отметок, которые в каком-нибудь будущем могут повлиять на мою жизнь самым непредсказуемым образом. Ну а если подобный интерес реализует через своих знакомых из органов ещё и бабушка Аллы, то отметок будет уже две, и вот они могут привести к тому, что следующий новый год я встречу в горах солнечного Афганистана. Конечно, была надежда перекантоваться до тех благословенных времен, когда любим

органам станет не до отметок в личных делах студентов — буквально через пару лет Горбачев найдет им много работы не по профилю. Но испытывать судьбу мне не хотелось.

— Да, серьезный подход. Что ж, пойдем сдаваться твоей бабушке. Она хоть не жарит пионеров в печи на ужин?

— Дурак! — Алла, кажется, серьезно обиделась за свою бабулю.

— Да шучу я. Показывай дорогу, Вергилий.

— Вергилий?

— Не бери в голову, — отмахнулся я. — Пойдем уже. Раньше сядем, раньше выйдем.

Я уже смирился с тем, что «За рубежом» меня сегодня не дождется. Но и затягивать знакомство с бабушкой я не хотел. У меня всё-таки скопилось в голове и в тетрадке слишком много информации, с которой нужно было поработать. Я собирался начать в субботу, но кто мне может запретить сделать это в пятницу?

Глава 9. Бабушки и дедушки

Сразу ехать к бабушке я наотрез отказался. Расспросив Аллу про привычки и быт старушки, заставил девушку сделать крюк на Кузнецкий. Мой бюджет похудел на очередные пять рублей, но зато я обзавелся подарком — небольшим багетом с видом неведомой мне улицы где-то на тлетворном Западе и тремя цветами, которые Алла опознала как лилии. Цветы были желто-красными и необычными, и я надеялся, что они способны удовлетворить самый взыскательный вкус.

А потом меня неприятно поразило, что неделю назад Алла меня обманула. Она не жила в том доме, в который забежала после нашего расставания; видимо, она там лишь подождала, пока мы с Виталиком не уедем, а потом пошла к своей любимой бабуле. Квартира же бабушки располагалась чуть дальше по Новоалексеевской — в третьей по счету одноподъездной «свечке», в панельном доме на четырнадцать этажей. В этом районе почти все дома были ведомственными и по индивидуальным проектам, а сейчас квартиры в них занимали сотрудники многочисленных советских учреждений. Я познакомился с окрестностями станции метро «Алексеевская» много позже, во втором десятилетии следующего века, когда контингент там уже радикально сменился.

Я резко остановился перед самым подъездом. Алла была вынуждена последовать моему примеру.

— Аллочка, — нежно начал я. — Ты ничего не хочешь мне рассказать?

— Что именно?

В этот момент Алла должна была невинно похлопать ресницами, но она ограничилась лишь нахальным взглядом.

— Ну, например, каким образом твоя бабуля сумела разглядеть меня из окна этого дома? Мы останавливались вон там, — я ткнул в направлении той, первой многоэтажки, — и то место отсюда не просматривается никак.

Я продолжал буравить её глазами. Она ещё пару мгновений выдерживала мой взгляд, а потом внезапно рассмеялась.

— Ох, ну ничего от тебя не скроешь! Только не думай, что это я сразу после прихода домой бросилась рассказывать бабуле, что имела волшебное свидание с невероятным молодым человеком, который произвел на меня неизгладимое впечатление, — она снова прыснула.

Мне стало обидно.

— А что не так? Вполне нормальное свидание было, мы даже на машине покатались.

— Как ты тогда сказал? Вот если бы нас возили, тогда да. А когда мы, то это не так интересно. Да и не свидание это было, даже не думай!

— Да я...

— Ага, так я и поверила, — он стукнула меня кулачком в плечо. — Я слегка упростила, но там нет ничего интересного. Я спряталась, — она тоже в свою очередь показала в сторону злополучной двенадцатиэтажки, — думала, если честно, что ты вернешься и будешь меня уговаривать с вами поехать, а мне жуть как не хотелось.

Мне очень не хотелось её разочаровывать, но я был честным мальчиком.

— С чего бы я должен был вернуться?

— Ну а как? Я же видела, с какой неохотой ты со мной тогда прощался. Если честно,

была уверена, что ты сразу уговаривать начнешь, но чего-то протормозил.

— А ты бы согласилась? — уточнил я.

Она секунду подумала.

— Скорее всего, нет, — Алла мотнула своим хвостом. — Устала, да и... неважно...

«Всё-таки месячные». В это время советские женщины не знали чудесных прокладок и тампонов, изобретенных лучшими умами мировой науки, со впитывающими и фильтрующими слоями и прочими премудростями, делающими эти предметы гигиены похожими на самолеты. В том числе и по ценам — если приводить их к удельным весовым значениям.

— Вот и я так подумал тогда, — сказал я. — А если девушка не хочет чего-то, кто я такой, чтобы заставлять её? Рыцари себя так не ведут. Для нас желание дамы — закон.

— Тоже мне, рыцарь нашелся...

— Какой есть. Так что там дальше-то? Как инфа попала к твоей бабушке?

— А, это... — она почти отмахнулась. — Да очень просто. Нас очень хорошо разглядела одна из её подруг, которая как раз в том доме и живет, на первом этаже. И когда я добралась до дома, бабуля уже всё знала — что меня привез вот такой молодой человек, на вот такой машине, и что мы целовались...

— У неё ракурс был плохой?

— Что? У кого?

— У той подруги. Смотрела под острым углом, деталей не разглядела?

— А... да вроде нет, там со всеми подробностями — сначала ты меня, потом я тебя, да ещё и на цыпочки встала...

— Вот этого точно не было, — ухмыльнулся я. — Впрочем, и поцелуев тоже не было. Так что та подруга всё выдумала.

— Ага, но теперь твоя очередь доказывать это моей бабуле, — тон Аллы стал каким-то издевательским. — У меня за неделю не получилось. Так что ты уж постарайся.

— Алла, а ты хоть понимаешь, что сегодняшнее приглашение — вернее, то, что я на него согласился, лишь служит подтверждением того, что твоя бабуля и её подруга правы? — спросил я с плохо скрытым сарказмом. — Теперь ни я, ни тем более ты не сможем никого убедить, что между нами ничего нет. Блин, я знал, что это ловушка.

Букет лилий сиротливо повис в моей руке, а я склонил голову, приняв наиболее скорбный вид из тех, что имелись в моём арсенале. Не то чтобы этот арсенал был слишком обширным, но на девушку двадцати лет из травоядных восьмидесятых его должно было хватить.

— Да ты что... точно, — Алла очень забавно прикрыла рот ладошкой. — Вот я дура! А бабуля, наверное, сейчас смотрит на нас и злорадствует...

— У вас окна сюда выходят?

— Сюда... — вид у Аллы был совсем убитый. — Третий этаж.

— Ну что ж... придется играть этот спектакль до конца.

— Какой спектакль?..

Я не ответил. Сделал шаг вперед, обнял Аллу свободной рукой за плечи, чуть толкнул её в сторону — и впился губами в её губы, когда она была вынуждена повернуть голову под удобным мне углом. Надеюсь, её бабуле всё хорошо видно.

Она пыталась сопротивляться. Сжимала губы, отворачивалась, даже хотела применить по назначению свои острые кулачки, но после напоминания о букете сдалась и почти

расслабилась. Впрочем, нормального поцелуя всё равно не получилось, но я на него и не рассчитывал. Мне было важнее создать иллюзию неземной страсти — а для этого наши невинные трепыхания подходили.

— Ты что, с ума сошел? — прошипела Алла, когда я её отпустил.

Думаю, она хотела кричать, но я вовремя показал жестом, что делать этого сейчас не следует — удивительно, что она мой намек поняла и послушалась. Хотя, возможно, в этом виновата армия подружек её бабули, которые наверняка были бы рады шумному скандалу под окнами — а вот праздник самой бабули мог быть безнадежно испорчен.

— Считай, что это входит в подарок бабушке, — пояснил я. — Надеюсь, у неё сегодня действительно день рождения? Ведь вы с ней могли и придумать его как повод затащить меня сюда...

— Сегодня у неё день рождения, поверь, — буркнула Алла. — Уж этим я бы шутить не стала.

— Да я уже и не знаю... Ладно, пошли? Думаю, ей не терпится узнать меня поближе.

На лифте мы подниматься не стали, поднимались пешком, и на площадке перед третьим этажом я придержал девушку за локоть.

— Алла, слушай, — она склонила голову. — Я всё понимаю... боевая бабушка, ты не хочешь её расстраивать и всё такое. Но у нас с тобой это третья встреча, а за три встречи узнать человека невозможно. То есть ни ты не знаешь меня, ни я — тебя. Фактически, мы друг другу чужие люди. Но, думаю, если мы сегодня будем вести себя, как близкие друзья, никто и ничто нас не накажет. Ну а потом будем посмотреть.

Она вдруг улыбнулась.

— Ты чудно говоришь. Но я поняла... ты прав. Не будем выяснять отношения при бабуле. Мы — друзья.

— Не просто друзья, а о-го-го какие друзья! Я даже твои трусики видел...

— Блин! — она снова ударила меня кулачком в плечо.

Я потер занывшее место.

— Да шучу я. Ни слова твоей бабуле об этом не скажу. Мы вообще случайно познакомились, когда прогуливались в парке Горького и нюхали фиалки.

— Блин! — на этот раз я увернулся. — Да не надо врать, она ложь за сто километров чует. И она всё знает... ну, почти всё. Про трусики не знает. И про то, что я башкой треснула — тоже. Я не стала ей говорить.

— О, кстати, а ты хоть к врачам-то ходила? А то...

— Да помню я, помню, — отмахнулась Алла. — Сходила, конечно. Но они ничего не нашли. Сказали таблеток попить и покой соблюдать. Ну я честно попила и соблюдала...

— Часа два продержалась?

— Три... блин, ты такой заботливый. Чую, вы с бабулей споётесь... на почве беспокойства обо мне.

— Это добавляет мне оптимизма! — бодро сказал я. — Ну что ж, пойдём.

И я легонько подтолкнул её в попку.

А она никак не отреагировала на это.

И отсутствие реакции почему-то сделало меня чуть счастливее.

Бабушка Аллы оказалась весьма бодрой старушкой, с возрастом которой я поначалу попал впросак — был уверен, что ей хорошо за восемьдесят. Но потом всё стало на свои места. Елизавета Петровна отмечала семьдесят второй день рождения и охотно рассказывала

о своём славном прошлом — особенно после того, как мы с Аллой не отказались выпить за её здоровье. Пили советского шампанского в хорошо знакомой мне бутылке с черной этикеткой, которую я привычно открыл без струи пены и полетов пробки по квартире. Мои навыки пришлись бабуле по душе, да и Алла одарила благосклонным взглядом.

Шампанское бабуля пила залпом, как водку, и немного, на мой вкус, гнала лошадей, требуя новых тостов. А также дымила как паровоз — сходство добавляло то, что курила она «Беломорканал». Против того, чтобы и мы с Аллой причастились к этой вредной привычке, Елизавета Петровна не возражала.

— Да всякое в жизни бывало, — махнула рукой старушка на мой почти прямой вопрос о её службе в «органах». — Ещё до войны нас, комсомолок, в милицию направили, на усиление. Но что там за усиление? Сидели мы по архивам да секретариатам, у граждан заявления принимали. Бандитов ловить нас не брали — говорили, что берегли, но мы-то понимали, что для бандитов особая сноровка нужна, мужицкая. Тренировались, конечно, стрелять учились, самбо занимались. Ну а как война началась да мужики на фронт ушли, тут уж пришлось и в патрулях походить, и бандитов ловить... хотя какие там бандиты?! Так, рвань подзаборная, ворьё и спекулянты. Ножички свои достанут да на нас, девчонок, наставят — не подходи, мол, шалавы, порешу.

— И как вы справлялись? — заинтересовался я.

Алла, видимо, слышала всё это уже не раз и откровенно скучала.

— Да как-как... молча! Старшая приказывает бросить оружие и сдаться, а мы за её спиной уже и затворами клацаем. Так что сдавались большей частью, чай, не дураки были — против трехлинейки с примкнутым штыком ножичками воевать. Ну а кто не сдавался, тех в расход, ясное дело. Что с ними ещё делать? Потом вообще красота началась, как ППШ дали.

Бабушка действительно оказалась боевой и с целым кладбищем за плечами. Конечно, на это кладбище попадали в основном те, кто этого заслуживал, но всё равно — я, например, не был уверен, что на её месте смог бы клацнуть затвором и выпустить пулю в живого человека, каким бы подонком тот ни был. Впрочем, судьба пока что меня щадила и не заставляла делать однозначный выбор в подобной ситуации. Насколько я помнил, в сороковых очень легко было перейти из стана «своих» в стан «чужих» — достаточно чуть засомневаться в том, правильно ли та самая старшая отдает команду «пли!». Но я мог и ошибаться.

Но с милицией бабушка Аллы покончила быстро. Не знаю, разбиралась её внучка в этих тонкостях, но после войны Елизавета Петровна честно тянула лямку в ВОХРе, хотя она об этом прямо не говорила — видимо, немного стеснялась. Но в этой охране тоже подразумевалось оружие, да и, наверное, у сотрудников имелось разрешение на его применение в определенных ситуациях. Ей и квартира в этом доме досталась не по причине принадлежности к правоохранительным органам, а от щедрот начальства последнего места службы, с которого она благополучно ушла на пенсию семнадцать лет назад. Новоалексеевская тогда как раз застраивалась — и была почти что окраиной Москвы.

Впрочем, довоенная и военная служба бабушки также была связана с милицией очень слабо. Но я не хотел влезать в этот устоявшийся мир, что-то уточнять и поражать всех моими познаниями. Милиция так милиция. Подозреваю, подружки бабули тоже проходили по вохровскому ведомству, где и научились бдительному наблюдению за окрестными злодеями.

Меня немного отпустило. Вряд ли Елизавета Петровна способна сподвигнуть наш первый отдел на пристальное изучение моего персонального дела. Ну а все остальные неприятности я переживу.

Вообще бабуля оказалась интересной собеседницей, живым свидетелем достаточно судьбоносных событий в истории страны. Вместе со всеми, стоя у репродукторов, она слушала Молотова 22 июня 1941 года. Читала сводки и, наверное, отмечала на мысленной карте продвижение немцев по Советскому Союзу — сначала к Москве, а потом — обратно. 9 мая 1945-го она вместе со всеми праздновала Победу. А в марте 1953-го, тоже вместе с ещё кучей народа, хоронила Сталина — она рассказала, что сумела попасть в Колонный зал Дома Союзов и прошла мимо гроба с телом этого грузина, прямо рядом с застывшими в почетном карауле Маленковым, Берией и Хрущевым.

Алла от этих воспоминаний морщилась; подозреваю, большинство фамилий она даже не знала — для неё это были какие-то большевики из далекого прошлого. Я ехидно думал, что если события будут идти своим чередом, хотя бы примерно так, как в моём прошлом, Алле и многим другим её ровесникам через несколько лет придется хорошенько познакомиться не только с фамилиями, но и сексуальными привычками этих людей. Ну а Коротич из «Огонька» постарается, чтобы все читатели выучили наизусть новые и совершенно секретные данные из самых тайных архивов.

А вот я уже был с ними хорошо знаком, и впитывал свидетельства очевидца как губка. Но думал я при этом о своем. О том, что мне надо бы чуть пристальнее посмотреть на то время, когда в Политбюро не было ни Брежнева, ни Андропова, ни Черненко, ни тем более Горбачева. Расширить свои изыскания вглубь истории, так сказать. В моем мозгу почему-то свербила мысль, что всё началось ещё тогда, при Сталине, и 1991 год стал лишь следствием процессов, которые запустила смерть лучшего друга физкультурников.

Бабушка, кстати, о чём-то умалчивала, а о чем-то говорила так, что и не поймешь, что она имеет в виду. Это для меня её недомолвки были открытой книгой — всё-таки за следующие сорок лет многое стало достоянием гласности, а про что-то телевизор вопил чуть ли не двадцать четыре часа в сутки. Сейчас — да, её хитрости работали. Просто они не были рассчитаны на попаданцев.

Вообще жили Алла с бабушкой достаточно неплохо. Просторная трехкомнатная квартира с длинным узким коридором в третью комнату и с большой — по меркам советских строительных нормативов — кухней, на которой мы и сидели. Конечно, никаких гостиных в квартире не было — этот пережиток мещанства царской России нынешние функционеры приберегали для себя. Но, например, та квартира, которой очень гордились мои родители, была обычной хрущевкой, хотя и построенной уже при Брежневе — крошечные комнаты, крошечная кухонька, узкие коридорчики и отдельный санузел — тоже крошечный. Я помнил, как в десятом классе во время сидения в туалете упирался коленками в дверь. Тогда меня это забавляло, но уже потом, познакомившись с хоромами семьи моей первой жены, я старался подходить к выбору собственного жилья с определенными стандартами. Поэтому и поехал после завершения третьего брака в Новую Москву — именно там нашлась удовлетворившая меня жилплощадь.

А вот тут всё было относительно просторно. Даже коридор в дальнюю комнату позволял спокойно разойтись двум не слишком крупным людям — если бы, конечно, вдоль одной стены хозяева не сгородили полки, забитые книгами по самый потолок. Рассматривать я это богатство не стал, но отметку себе сделал.

— Елизавета Петровна, а это вы книги собираете? — решил я отойти от изучения новейшей истории Страны Советов.

Впрочем, интересовали меня не столько книги. Но напрямую вопрос о родителях Аллы

я задавать почему-то стеснялся.

— О, что ты! — бабушка отмахнулась рукой от такого нелепого предположения. — Это всё муж... царствие ему небесное... да сын с дочкой, а потом и сноха...

Я успел заметить, как в углу глаз у Аллы блеснула слезинка, и поспешил вмешаться.

— Просто я столько книг ещё не видел. У родителей было немного классики, Бунин, Куприн. Мне про детские приключения покупали, но я их быстро заигрывал. Как-то удалось по шахматам купить учебник Кереса... и всё, пожалуй. И у одноклассников из родителей никто не собирал, но у нас там и тяжело было что-то приличное собрать.

— В Москве легче, — согласилась бабушка. — Тут что-то по подписке покупали, что-то за макулатуру... муж мой много газет выписывал, а куда их девать? Вот и относили в пункты сбора, а там талончики давали специальные. Для детей вон всю библиотеку приключений собрали... сейчас она не полная, Аленька куда-то два тома задевала...

Мне нравилось, как эта женщина называла свою внучку. Я собирался обязательно использовать слово «Аленька», если судьба ещё раз сведет нас с Аллой вне стен этой квартиры.

— Бабуль! Я же говорила — в школе забыла, а потом не смогла найти! — взмолилась Алла.

— Как же! В школе забыла! Скажи лучше — своим ухажерам раздала, — жесткий жест оборвал возмущенный писк девушки. — Она у нас школьницей такая вертихвостка была, куда деваться! Сегодня с этим, завтра с тем, послезавтра вообще одна. И книги раздавала направо и налево!

Серию, про которую упомянула старушка, я помнил. Во времена интернета многие писатели-фантасты хвастались тем, как познакомились с фантастикой именно с помощью этих книг, оформленных характерной «рамкой». Вероятно, это считалось знаком принадлежности к некоему ордену, но мне всегда казалось обычным выпендрежем. В моём пионерско-комсомольском детстве я читал всё, до чего мог дотянуться, был записан в городскую библиотеку и часто проводил драгоценные часы в тамошнем читальном зале — если удавалось дожидаться очереди на какой-то востребованный том. Среди этих томов попадались и «рамки», но ничего сверхъестественного внутри их переплетов я не обнаружил — за исключением, наверное, «Обитаемого острова». А так это были стандартные Жюль Верн и Фенимор Купер плюс другие фамилии, которые мне-школьнику ни о чем не говорили. Всё-таки такие увлечения очень сильно зависят от окружения.

И если Алла действительно подарила пару томов кому-то из «ухажеров», то я не мог её винить. Вряд ли у неё тогда было понимание того, какая ценность — полностью собранная серия. Ну и следовало учитывать, что буквально через десяток лет жителей Советского Союза завалят научной и ненаучной фантастикой так, что им и вздохнуть некогда будет, а эта «Библиотека приключений» превратится из предмета культа в обычный фетиш, да и то для очень небольшого числа гиков.

Да и сколько там было издано — томов двести? Среди них точно была пара, от отсутствия которых серия только выиграла.

— Но она и сама читала, наверное? — пришел я на помощь Алле.

Та сидела с пунцовым лицом и выглядела очень злой.

— Ой, да если бы. Пролистает что-то — и то хорошо. Читать её было не заставить. Всё наряды на уме да прически. Не то, что у нас...

Я не стал напоминать, что детство бабушки пришлось на суровые двадцатые и

тридцатые годы, когда с нарядами было очень непросто. Хотя некоторые и тогда умудрялись следить за модой.

— Но потом-то она за ум взялась? — я незаметно подмигнул девушке. — В институт поступила, учится...

Лицо бабушки стало чуть более теплым.

— Да, она у нас ученая, — кивнула она. — Только не понимаю я этих иностранных языков... ну что это за профессия? Нет на инженера выучиться, как её отец, дороги строить — полезное и нужное дело!

— Тетя Люба... — жалобно попыталась прервать бабушку Алла.

— Любка тоже инженер! — приложила Елизавета Петровна. — А языки знает — это ей в плюс, оттого и сидит в своих заграницах!

Алла тяжело вздохнула, а я ей даже посочувствовал. У этих москвичей в неясно каком поколении очень странное отношение к образованию младшего поколения своей семьи. Михаил Сергеевич прямо-таки поедом ел своего внука-журналиста, эта — внучку за иностранный язык, если я правильно понял их перепалку. Я подозревал, что стал свидетелем не первого спора на эту тему. И, скорее всего, не последнего.

Но вообще я был доволен — немного прояснилась биография Аллы. Её страсть к тайнам меня немного нервировала. Хотя чего ей скрывать? Иностранный язык вполне нормально даже по нынешним меркам, особенно если это тот самый иняз имени революционного товарища Мориса Тореза. Да и в не таком далеком капиталистическом будущем знание языков всяко полезнее умения строить заборы или даже дороги. А уж с тетей Любой, обитающей в волшебной загранице, у Аллы есть все шансы спокойно перенести смену общественного строя, которая ждет обширные территории СССР.

— Кстати, — вспомнил я о своем обещании Казаху, — а у вас случайно нет братьев Стругацких? «Понедельник начинается в субботу»? Хотел перечитать, но у нас в библиотеке нет, а в читальный зал районной пока не добрался. Я верну, честно!

Я посмотрел на бабушку и прижал руки к груди.

— А не знаю я, что там есть, — отмахнулась от меня старушка. — Это вон Аленька пусть говорит. Так-то ты парень вроде обязательный.

Ага, парень-то он неплохой, только ссытся да глухой.

Алла на секунду задумалась.

— А есть! — воскликнула она. — Я сейчас.

Она вылетела из комнаты и вскоре вернулась с томиком, на черной обложке которого разноцветными мультяшными буквами было написано знакомое название. И рисунок был очень знакомый.

Я бережно принял книгу и раскрыл её где-то посередине.

— С иллюстрациями Мигунова, — присвистнул я. — Круто.

Я ещё немного полистал, увидел год издания и снова присвистнул, но оставил эту подробность без комментариев. Надо же, 1965 год. И куплена была, наверное, тогда же, а выглядит, как новенькая.

Я выпросил у Аллы ещё и газету и сделал книге обложку. В то, что Жасым не будет лапать эту прелесть жирными руками, я не верил абсолютно. Но хотя бы видимость бережного отношения к раритетам я должен был показать.

— Вот ты, Егор, молодец, — похвалила меня бабушка. — Аленька рассказывала, что ты в институте на инженера учишься?

— Да, но у нас секретная специальность, — скупое ответил я, отсекая попытки дальнейших расспросов.

Суперсекретная, ага. Тактические и стратегические заборы малой и средней дальности.

— Вот, Аленька, человек делом будет заниматься. А ты?

— А я буду изучать средневековые романы, — твердо сказала Алла. — И это не менее важно, чем его заборы!

— Елизавета Петровна, это так, — поддержал и я. — Не должны все строить заборы или дороги. Кто-то и романы должен изучать, и в газеты писать. И на радио работать, — я вспомнил сумрачного Виталика. — Каждому дело найдется. Романы как бы не сложнее заборов будут, я думаю.

Алла согласно тряхнула прической.

— Сложнее!

— Для меня точно, — улыбнулся я.

Бабушка на наше единодушие никак не отреагировала. Она какое-то время молчала, и её молчание мне очень не нравилось. Елизавета Петровна выглядела как человек, который всё исчислил, взвесил и пришел к однозначному решению, которое как-то касалось и меня, и Аллы. Я ответил ей вопросительным взглядом.

И она решилась.

— А вы спелись, голубки, — и снова жест, пресекающий в зародыше протест Аллы, — прямо как муж и жена, одна... одна, в общем.

— Бабуль! — Алла онемела на мгновение, но всё-таки сумела подать голос.

— А что — бабуль? Что — бабуль? Вот посмотришь на вас, и всё сразу ясно становится, — отрезала бабушка.

Что ей там ясно стало, господи?

— Елизавета Петровна, — миролюбиво начал я. — Так бывает, что люди похожи. Но если вы про создание семьи и прочее, — тут уж я был вынужден остановить протестующий порыв Аллы, взяв её за плечо, — то об этом, думаю, слишком рано говорить. Мы с Аллой почти не знакомы. Два раза виделись, сегодня третий. Говорили мало и ни о чем. Я даже не знаю, что она любит на завтрак.

Картошку она любит, с сосисками. Особенно если завтрак поздний и с похмелья.

Елизавета Петровна несколько мгновений смотрела на меня, как на чудо дивное, а потом вдруг рассмеялась.

— Всё, поняла, поняла, — отмахнулась она ладонью, отсмеявшись. — Живите сами, как вам угодно. Только попомните мои слова...

Что там были за слова, мы не узнали. Речь бабушки прервал громкий и противный звонок телефона из того места в квартире, которое здесь называли прихожей — небольшого закутка, куда влез шкаф для одежды и подставка под обувь. Елизавета Петровна поднялась и вышла из кухни.

— Что это было? — прошипела Алла. — Какие завтраки? Ты совсем с дубу рухнул?

— Тихо, тихо, — прошептал я, погладив её по предплечью, — не кипиши, всё нормально... ты что, не поняла, что она нас уже свела вместе и свадьбу запланировала?

— К-какую свадьбу?

— Обычную. В ЗАГСе и со свидетелями... Алла, не тормози, сникер... не тормози короче. Всё нормально, пока я отбился. А вот что потом будет...

— Не будет никакого потом...

Наше перешептывание прервала бабушка. Она заглянула на кухню и одобрительно посмотрела на то, что мы с Аллой сидели почти вплотную и едва не соприкасались лбами. А потом громко кашлянула — Алла аж подпрыгнула.

— Аленька, это тебя. Димочка! — она заговорщически подмигнула — почему-то мне.

Алла вспыхнула, но сумела встать и пройти к телефону. А бабушка заняла её место.

— Дима — это её друг, художник, хороший мальчик, но не расположен к созданию семьи, — с легким неодобрением прошептала она. — У него уже есть жена и даже дети!

Меня совершенно не волновала личная жизнь господина Врубеля, а на противоречие в словах старушки я благородной указывать не стал.

— Я его знаю, — кивнул я. — Встречались пару раз.

Ага, до и после концерта ленинградской группы «Кино».

Елизавета Петровна сразу сделалась несколько поникшей — судя по всему, моя реакция на её откровения про «Диму» оказалась не совсем такой, как она ожидала. Возможно, она надеялась на какое-то проявление ревности или ещё чего, но в этом вопросе я был рад её разочарованию.

Судя по всему, главной проблемой в отношениях Аллы и бабушки было стремление старушки выдать любимую внучку замуж. Как можно скорее и за кого угодно — во всяком случае, я-то точно попадал в категорию «кого угодно», в отличие от художника Врубеля. Алла же, видимо, активно сопротивлялась матримониальным устремлениям старшего поколения, и достаточно успешно, успев своим противодействием пробудить у бабули серьезный спортивный азарт. И я бы не стал исключать, что в их старушечьей мафии ветеранов ВОХРы кто-то принимает ставки на то, когда Елизавете Петровне всё-таки удастся закольцевать Аллу. Впрочем, они всё же были сотрудниками правоохранительных органов, а азартные игры в СССР находились под запретом. Но, возможно, подпольный тотализатор у них был организован как-то иначе — чтобы не нарушать уголовное законодательство.

Алла проговорила со своим Димой очень долго — или мне так показалось, потому что минуты молчания наедине с бабушкой тянулись как часы. Но вот я услышал, как она крикнула «пока» и щелкнула трубкой по аппарату.

— А Дима звонил по твою душу, — обрадовала она меня, когда вернулась. — Ему позвонил Виталик... ты же помнишь Виталика?

— Ну ещё бы... его снова надо куда-то отвезти?

— Не знаю. Но вроде его дед захотел с тобой пообщаться. Мне не сказали, зачем, — поспешила она упредить мой вопрос и протянула мне листок бумаги. — Но вот номер телефона. И Дима сказал, что ему сказали... в общем, лучше позвонить как можно скорее.

Мне эта простая просьба, переданная столь кружным путем, очень не понравилось. Впрочем, мне сегодня вообще мало что нравилось. Кроме Аллы. Временами она была вполне сносным созданием.

— Я могу?..

— Да, Егор, конечно, — ответила бабушка.

Я вышел в коридор. Телефон был красный, очень знакомого дизайна — угловатый, модный и с диском набора номера. Впрочем, меня это не испугало — некоторые навыки никогда не забываются. А вот на тему отсутствия восьмерок и кода на листке я тупил с минуту — и лишь потом вспомнил, что до десятых годов следующего века никаких кодов в Москве не было. Вернее, был, но лишь для тех, кто звонил сюда по междугородке. Внутри

города можно было общаться свободно.

Я набрал семь цифр, которые ничего мне не говорили. Когда-то мы по номеру телефона могли угадать район, но вот этот навык я потерял напрочь. В моей Москве он был не нужен уже лет двадцать как.

Три длинных гудка. Трубку взял Виталик.

— Добрый день, — голос у него сегодня звучал потверже.

— Привет. Это Егор, помнишь меня?

— Да, точно! Дед просил тебя найти, а если он просит...

— Понятно. А что за дело у него?

— Не знаю. Он не любит, когда его спрашивают... Сейчас я его позову.

Пару минут я ждал у молчащей трубки и нервничал. Сорок лет тому вперед подобные ожидания были почти невыносимы. К хорошему быстро привыкаешь.

— Егор?

— Да, Михаил Сергеевич. Вы просили набрать...

— Набрать? А, да, просил. И рад, что ты откликнулся на мою просьбу.

Интересно, а что было, если бы я не откликнулся?

— Егор, у меня к тебе есть ещё одна небольшая просьба, но мне хотелось бы изложить её лично. По телефону можно решить, но это будет неправильно. Ты не мог бы приехать ко мне? Сегодня, если тебе удобно.

Я с секунду обдумывал это неожиданное приглашение. Оно окончательно ставило крест на любых моих планах на вечер, которые я составлял, но зато я мог с достоинством оказаться подальше от Елизаветы Петровны и её намеков на обустройство моей личной жизни.

— Да, сегодня вполне удобно. Адрес тот же? На Соколе?

— Нет-нет, Егор, я сейчас у себя дома. Запиши или запомни — улица Хользунова, дом шесть, квартира... Это у...

— Я знаю, у Фрунзенской, — несколько невежливо перебил я и стушевался: — Извините. Я часто бывал в том районе.

Не сейчас, конечно, а в будущем, но кому какое дело до таких мелочей?

В коридор вышла Алла. Она прислонилась к стене и всем видом давала понять, что ей ни капельки не интересен мой разговор с дедом Виталика.

— Ничего, понимаю твоё юношеское нетерпение, — мне показалось, что Михаил Сергеевич усмехнулся. — Во сколько тебя ждать?

Я прикинул.

— Примерно с час... чуть больше... думаю, успею.

— Вот и хорошо. Жду тебя через час...

И тут мне в голову пришла гениальная идея.

— Михаил Сергеевич! — я почти крикнул в трубку.

— Да, Егор?

— А если я приеду не один? — я взглянул в сторону Аллы и тут же отвел взгляд.

— С девушкой? С той, с которой вы тогда гуляли? — я смущенно промолчал. — Не страшно. Я же говорил, что всегда рад гостям.

— Спасибо! — искренне ответил я.

Ну что ж, Аллочка. Моя мстя будет страшна. Я поехал к твоей бабушке — и только попробуй отказаться от моего дедушки.

— До встречи!

На той стороне линии слышались короткие гудки. Я положил трубку на аппарат и снова посмотрел на Аллу.

— Нас приглашают в гости, — важно сказал я. — Так что собирайся. Надеюсь, Елизавета Петровна не будет возражать, если мы убежим?

— Какие...

— Не буду! — крикнула бабушка с кухни. — Праздник мы уже отметили, всё выпили и съели, так чего сидеть? Сходите уже, погуляйте.

— Спасибо! — откликнулся я. — Алла, меня зачем-то зовет к себе дед Виталика. Для какого-то разговора, который нельзя обсуждать по телефону. Честно говоря, я его немного робею. И я был бы признателен тебе, если бы ты оказала мне небольшую психическую помощь.

Я улыбнулся во все тридцать два зуба. А заодно сделал глаза, как у кота из ещё не снятого здесь «Шрэка».

И Алла сдалась.

Глава 10. Предложение, от которого не отказываются

Разумеется, сдалась Алла не сразу, а лишь после того, как я получил полную и безусловную поддержку бабушки. Елизавете Петровне я, видимо, очень понравился, и она уже мысленно считала меня «женихом» — а то и «мужем» — своей внучки. Ну а совместная поездка по каким-то неведомым делам, да ещё вечером, да ещё после двух выпитых бутылок «Шампанского» и одной красного «Крымского», в её глазах виделась чуть ли не свадебным путешествием. Перед нашим совместным напором Алла сдалась, но попросила чуть подождать — переодеться.

Она и так сегодня была в достаточно скромном наряде, но для поездки к Михаилу Сергеевичу выбрала серую юбку пониже колен и сиреневую блузку с рюшами. Её красная кожаная курточка вписалась почти идеально, хотя и придавала Алле несколько вызывающий вид.

Я тоже был при определенном параде — если так можно назвать то, что на мне были только новые вещи. Я всё-таки решился и в один из вечеров завернул в пару промтоварных магазинов недалеко от института. Ничего модного я не искал. Джинсы в этот период советской власти можно было достать, насколько я помнил, за сотню рэ, а таких денег у меня не было. Поэтому я прикупил себе нормального фасона брюки — простые черные и хлопчатобумажные, но сидевшие относительно хорошо; я отдал за них всего девять рублей. Добавил пару рубашек — по три рубля каждая, не забыл про носки и трусы. Ботинки оставил старые, потому что не нашел ничего по душе в обувном магазине, и не стал зазря тратить деньги. Их и так оставалось совсем немного.

Так что я не слишком стеснялся своего вида, хотя, конечно, Алла рядом со мной смотрелась настоящей модницей и очень продвинутой девицей. Я видел, какие взгляды на неё бросали проходящие мимо девушки в простых платьях и ширпотребских пальто.

— Как думаешь, зачем он тебя пригласил?

— Не представляю, честно, — ответил я. — Даже гадать не буду. Мы с ним и говорили-то тогда ни о чем, перескакивая с темы на тему. Как плохо быть журналистом... Виталик — журналист, поэтому разговор зашел... что я делаю, буду ли возвращаться домой после учебы...

— А ты будешь?

— Не знаю ещё, мне до этого почти четыре года. Может, у меня страсть к наукам проснется, и я в аспирантуру документы подам. Ну а там НИИ какой-нибудь меня примет с распростертыми объятиями или ещё где таланты мои пригодятся.

Вернее, требования к поступающим в аспирантуру снизятся настолько, что и мне удастся туда проскочить.

— Таланты! — фыркнула Алла. — А ты от скромности не помрешь...

— А чего от неё помирать? А ты в Тореза учишься, да? Я угадал? Иностранцы вроде ещё где-то преподают... но не помню, где.

— Нет, какой Тореза! В педагогическом я учусь... не хотела говорить, но бабуля выдала...

— А ты что, стесняешься? Нормальный институт. У нас в городе тоже есть пед, туда все девчонки из нашего класса пошли.

— Вот в том-то и дело, — как-то грустно бросила Алла. — Я тоже туда пошла, потому что все девчонки из класса. Ну и потому, что туда проще, чем куда ещё. Да и не знала я тогда, что делать. Мне просто нравилось, как тетя Люба на немецком шпыхает. Вот и пошла на иностранный факультет и немецкий как дополнительный выбрала. А там такая нудятина, я бы уже сто раз бросила, но бабуля запилит, да и отец не поймет. Не хочу их огорчать. Получу диплом, а там видно будет.

Мне стало понятно, что Алла не рвется изучать германские романы и лишь выдвигалась — то ли передо мной, то ли перед бабушкой. А, может, и перед нами обоими сразу.

Я где-то читал, что к восьмидесятым высшее образование в СССР превратилось в профанацию. В принципе, о чем-то подобном говорил и мой знакомый Михаил Сергеевич, а что-то я познал на собственном опыте. Для многих вчерашних школьников учеба в институтах и университетах стала чем-то вроде нескольких дополнительных лет школы, которая позволяла отложить взрослую жизнь, ну а потом, после диплома, устроиться в какое-нибудь учреждение, чтобы заниматься непыльной работенкой, не слишком утруждая свои мозги. Билет в вечное детство, так сказать.

— Мы с тобой какие-то фаталисты, — хмыкнул я. — Доживем — увидим, вот это всё. Но книги учат нас другому.

— Пусть учат, — беспечно отмахнулась Алла. — Должны они быть зачем-то нужны?

— Это да. Алла, а твой отец — он кто? — задал я мучивший меня вопрос.

Хотя Елизавета Петровна приоткрыла занавес тайны над семьей Аллы, мне всё равно не хватало информации, чтобы окончательно сформировать своё представление о том, чем живет и дышит эта девушка. У меня плохо увязывались в один узел бабушка-милиционерша, тетя за границей, педагогический институт и походы на подпольные концерты.

— А зачем тебе?

— Интересно.

— Интересно ему... дороги он строит, по отцовским стопам пошел. Дед мой тоже дороги строил, у него одних орденов с войны на всю грудь было. Ну а папуля институт окончил и поехал по стране. То там, то там. Сейчас вот БАМ строит, рассказывал зимой, когда в отпуск приезжал.

— Папуля?

— Не смейся! Я его так называю...

— Да чего смеяться, хорошо называешь, — я не врал, это слово у Аллы выходило каким-то милым. — Значит, инженер-железнодорожник? Хорошая профессия, да ещё и БАМ. — эта стройка века пока ещё была на слуху, это в моём будущем вскрылись какие-то проблемы, которые мешали её полноценно эксплуатировать. — Слушай, а мама? Вы про неё один раз упомянули и всё... извини, если это больная тема.

Алла поморщилась, но быстро с собой справилась.

— Больная... но уже старая, — ответила она почти спокойно. — Мама умерла, когда я в школе училась. Рак.

— Ох, сочувствую... — я погладил её по плечу.

Ну а что тут ещё сказать? Семья как семья, жила как все, вместе со страной, со всеми её бедами, несчастьями и свершениями. Рак и в моем будущем лечить не умели, врачи так и не изобрели волшебную таблетку, лишь иногда кричали о том, что ещё на полшишечки продвинулись в нужном направлении. Я им не верил, да и они сами себе, кажется, не

верили. Конечно, рак не всегда был приговором, но чаще всего всё заканчивалось трагедией. Для родных и близких — уж точно.

Окрестности «Фрунзенской» я поначалу не узнал — и даже подумал, что мы вылезли из метро не там. Всё пространство вокруг станции было перекопано и огорожено заборами, а люди проходили по заботливо разложенным прямо в грязи досочкам. Но потом я вспомнил о Дворце молодежи, который строили как раз в это время; именно в нём мы с первой женой смотрели одно из продолжений «Ассы». Потом тут надолго заведут шарманку КВН-а, а совсем через много лет будут показывать мюзиклы и ещё что-то. Так что я смог сориентироваться и найти нужный путь, но время мы потеряли и к нужному дому подошли с небольшим опозданием.

Советские элиты очень любили Хамовники. Насколько я знал, тут были целые номенклатурные кварталы, где простые люди бывали только в качестве уборщиц или сантехников. Ну а переулочек Хользунова был, наверное, одним из самых престижных мест. Сам переулочек был тихим и малопроезжим — что, впрочем, неудивительно для восьмидесятых. Через улицу на дома смотрел парк — наследие царских сатрапов, которое пролетариат приспособил под собственные нужды. В бытность таксистом я иногда приезжал сюда по ошибке — подвыпившие клиенты путали парки, которые появились на месте бывших поместий Воронцовых и Трубецких. Первые жили в современных Черемушках, а вторые — в Хамовниках, но я на память клиентов не обижался. Всё равно платили мне за километраж.

Покой нынешних сановников охраняли — хотя и не так строго, как в моем будущем. Никаких кодовых замков тут ещё не знали, систем видеонаблюдения не понатыкали, и охранники в тактическом камуфляже и с шокерами на поясе не обходили вверенную территорию с рвущимися с поводка овчарками. Лишь на входе в подъезд сидела пожилая женщина, которая записала нас с Аллой в обычную разлинованную тетрадку и заставила расписаться. Мы могли назвать любые имена — паспортов у нас не спросили; впрочем, в это время и для полетов на самолетах паспорта не требовались. Край непуганых идиотов, а не страна победившего ГУЛАГа.

Зато я узнал фамилию Михаила Сергеевича — Смиртюков. Мне она ничего не говорила, но я давно уже понял, что функционеры позднесоветского времени куда-то потерялись из новейшей истории, которую я изучал. Их словно целенаправленно вымарали, заменив в сознании людей невнятными гайдарями, чубайсами и прочими бурбулисами. Лишь у подобных мне динозавров остались в памяти все эти безликие Долгих, Капитонов и Демичев, днями и ночами встречавшие и провожавшие делегации в аэропортах. Ну а фамилии тех, кто был хоть на ступеньку ниже рангом, не помнили и мы, ископаемые.

Дверь нам открыл Виталик, который весьма радушно поприветствовал меня, но как-то хмуро взглянул на Аллу. Я не стал заикливаться на настроении этого великовозрастного дитяти, но вот Алла, кажется, всё заметила — и нехорошо оцетинилась. Но до прямого конфликта дело не дошло. Виталик проводил нас в большую комнату, где за круглым столом сидел Михаил Сергеевич, и благоразумно исчез.

— О, Егор, вы чуть запоздали, — с легкой укоризной сказал старик.

Встать он не стал, но почти вежливо предложил нам с Аллой присоединиться к нему. Стулья были, правда, не гамбсовы, но тоже с легкой вычурностью, выдававшей индивидуальный заказ.

Я помог сесте Алле и уселся сам. И, кажется, заработал пару дополнительных очков в

глазах Михаила Сергеевича.

— Стройка у метро, — объяснил я. — Пришлось искать, как лучше пройти. И, Михаил Сергеевич, ко мне можно на «ты». Когда вы меня на «вы» величаете, я смущаюсь.

— Хорошо, как скажешь, — старик перешел на «ты» очень непринужденно. — Стройка... да, от неё столько суеты и шума, да ещё и часть парка отъели. Но деваться некуда — молодежи нужен дворец. Егор, представь мне свою спутницу.

— Это Алла, она тоже студентка, изучает немецкий. Алла, это Михаил Сергеевич дедушка нашего знакомого Виталия.

— Очень приятно, — Алла, похоже, оказалась где-то в окрестностях привычной для неё атмосферы и теряться не стала.

— И мне, и мне, — откликнулся старик. — Видеть новые лица всегда радость. Выпьете чего-нибудь? Коньяк, водка, вино?

Я всерьёз задумался, но потом отказался.

— Прощу прощения, но я пас. Мы только что с дня рождения, там уже выпили немного, так что, думаю, не стоит усугублять.

— О, редко можно увидеть такую разумность в употреблении... были бы все такие, наверное, и не пришлось бы думать о... неважно, — оборвал сам себя старик. — А ты, Алла? Составишь мне компанию? На Виталия надежды нет никакой, он и со мной тут сидит по обязанности. Иначе давно уже усвистал бы к своим друзьям.

Алла благосклонно составила компанию Михаилу Сергеевичу, но ограничилась бокалом белого вина, привезенного, по словам хозяина, из самой Грузии «буквально вчера».

А вот я задумался над его оговоркой. Прихлебывая горячий чай, который налил себе из электрического самоварчика — это был всё тот же чайник, только необычной формы, — я вспоминал, как трудно будет с алкоголем буквально через год. Многие магазины и отделы, торговавшие спиртным, были закрыты, оставшиеся работали считанные часы, а цены ползли вверх прямо на глазах. Я уже не помнил подробностей, но, кажется, Горбачев объявил свой «сухой закон» буквально сразу после прихода к власти. Уже потом, через много лет, мне приходилось читать про уничтожение виноградников в Крыму, Молдавии и Грузии, о том, что государство своей собственной рукой лишилось чуть ли не пятой части доходов бюджета, как взлетело производство разных суррогатов.

Мы в общаге тоже с этим столкнулись — стипендии и присылаемых родителями денег стало резко не хватать на наши запросы; приходилось экономить на других, менее важных с нашей точки зрения, вещах — вроде закуски.

Я, правда, захватил всё это только краем, в самом конце второго курса. Случившаяся женитьба заставила меня вести трезвый образ жизни, ну а после рождения ребенка я окончательно завязал с зеленым змием. Предпочитал пиво — если удавалось его достать; иногда мог позволить себе рюмку водки или бокал вина. И всё. После приобщения к братству автомобилистов у меня появилась хорошая и почти всё объясняющая отмазка — я ссылался на то, что был за рулём. Но сам-то я знал, что просто не хочу. Это «не хочу», видимо, было в мозгах. И когда мои мозги — вернее, населяющие их мысли — оказались в прошлом и в моём же теле, они быстро перестроили организм под себя. Я вспомнил, что не взял ни капли алкоголя, когда убегал от спящей Аллы в магазин. Потом лишь общий настрой заполненного музыкой зала примирил меня с бутылкой пива, а остатки наших запасов я прикончил под впечатлением от знакомства с Михаилом Сергеевичем.

Но, возможно, где-то в верхах прямо сейчас ведется активная работа по организации

будущей войны с алкоголем и алкоголиками. Войны, которая будет проиграна властью, как были проиграны все предыдущие подобные войны.

От грузинского вина Алла чуть поплыла. Я плохо её знал, но она читалась как открытая книга — в глазах девушки появился озорной блеск, она охотно болтала с Михаилом Сергеевичем о нравах современной молодежи и о том, как с этим стоит бороться — и стоит ли вообще. Меня удивила, что старик бороться не хотел, а вот Алла требовала всё студенчество построить в ровные колонны и загнать в светлое будущее хоть бы и под угрозой смерти.

Последняя сентенция вызвала у Михаила Сергеевича приступ смеха, который он посчитал за повод прекратить этот бесплодный диспут.

— Егор, а я вот почему просил тебя приехать, — обратился он ко мне, отсмеявшись. — Мне нужна одна услуга, а ты, я думаю, можешь мне её оказать.

«Кого-то нужно убить?»

Вслух я этого, разумеется, не сказал, но мне очень хотелось — просто для того, чтобы посмотреть, как изменятся лица старика и Аллы. Но начало разговора меня немного насторожило. Михаил Сергеевич пил водку, приговорил, по моим прикидкам, уже штук шесть пятидесятиграммовых рюмок, но спиртное не оказывало на него никакого заметного действия. Возможно, сказывалась долгая практика. Ну и хорошая закуска — на столе стояли нарезки разных колбас, сыра и очень соблазнительно выглядящего сала, миска с квашенной капустой и маринованными огурчиками, вазочка с шоколадными конфетами «Мишка на севере» и тарелка с зелеными стрелками лука. Я всем этим богатством не брезговал, и мне нравился выбор хозяев.

— Что нужно сделать? — деловито спросил я.

— Помнишь автомобиль, на котором ты катал моего Виталика? — я кивнул. — Мне нужно перегнать его на дачу к... одному моему хорошему знакомому. Знаешь, Егор, после того нашего разговора я попросил Виталия продемонстрировать мне навыки... — Михаил Сергеевич неопределенно покрутил кистью в воздухе, — ...его езды. И они мне категорически не понравились. Да, Виталий! — сказал он громко, чтобы слышал внук в другой комнате. — Они мне не понравились!

Ну да, водителем Виталика можно было назвать только в шутку.

— А как это связано с перегоном? — спросил я.

— А я продал машину, — радостно сказал старик. — На следующий же день и продал, чтобы ни у кого не было соблазнов ещё раз на ней покататься. Но появилась новая проблема. Покупатель хочет, чтобы машину доставили к нему. А ни я, ни, как ты понимаешь, Виталий этого сделать не можем. И по ряду причин я не могу воспользоваться своими... полномочиями, — мне показалось, что он собирался упомянуть «привилегии», но сдержался. — Вот и пришлось действовать через Виталия и его знакомых.

Я с секунду обдумал это предложение. Оно было очень заманчивым и, скорее всего, принесло бы мне немного столь желанных денежных знаков. Я не хотел снова подменять Виталика бесплатно, большевики так и не построили коммунизм в восьмидесятом, хотя и обещали. Но было одно большое «но».

— Рад, что вы, Михаил Сергеевич, обратились ко мне, но я должен отказаться, — они оба — старик и Алла — удивленно посмотрели на меня. — Дело в том, что у меня нет водительских прав. В тот раз я выручал попавшего в беду человека и надеялся, что сумею избежать знакомства с инспекторами ГАИ. Но снова терять судьбу за хвост я не готов. Вот

осенью я буду полностью к вашим услугам.

— Почему осенью? — недоуменно спросил Михаил Сергеевич.

— Я на каникулы вернусь домой, досдам практику и получу заветное удостоверение. После школы я сразу после экзаменов в школе уехал поступать в институт, в Москву, и успел сдать только теорию. Правда, у меня будет категория «Цэ». Грузовики. Но я попробую сдать вождение и на легковые автомобили — тогда мне сразу две категории пробьют.

Михаил Сергеевич мгновение смотрел на меня, а потом снова рассмеялся. Смеялся он долго, периодически почти успокаивался — но стоило ему снова взглянуть на меня, как он опять заходился в приступе хохота. Глядя на этот приступ веселья, Алла тоже заулыбалась. Только я сидел с серьезным лицом, хотя мне приходилось прикладывать серьезные усилия, чтобы мой рот не растянулся до ушей.

Старик оборвал смех резко, словно повернул невидимый мне выключатель.

— Егор, поправь меня, если я ошибаюсь. Ты сел за руль машины, не имея водительских прав, и спокойно проехал через всю Москву? — я кивнул. — Внук рассказал мне про ваш маршрут. Из общежития на Каширской до Ленинградского вокзала, потом на Алексеевскую, к дому этой чудесной девушки, а потом — к нам, на Сокол. И всё достаточно быстро, я бы даже сказал — мгновенно. Третьего дня мой водитель вёз меня из центра до этого дома почти час. Ты же справился с тем сложным маршрутом едва ли не с закрытыми глазами. И за какие-то два часа.

— Да, всё верно, — ответил я.

У меня опять пробежал холодок внизу живота, но я буквально приказал себе не пускаться в оправдания. Мои навыки — это мои навыки. И раскрывать, где я их получил, я не собирался.

— Это всё, что ты хочешь сказать?

— А что тут скажешь? — огрызнулся я. — Я не знаю, в какое время ехали вы, но, думаю, это было в будний день и после работы. А это самое нагруженное время на улицах Москвы. Мы же крутились вечером в субботу, по пустым улицам. Вон, Виталий подтвердит, что по Ленинградке мы вообще одни катились.

Это было не совсем так, но «Яндекс» поставил бы тогдашней дорожной обстановке твердый ноль.

— Всё так, — чуть смягчился Михаил Сергеевич. — Но это не отменяет твоего мастерства.

Я потупил глаза. Скромность — она украшает.

— Я же сказал — если бы не экзамены в институт, права у меня были бы. Но не сложилось. Так что ездить я умею и Москву знаю неплохо.

Не совсем эту Москву, конечно, но этого старику знать не следует.

— М-да, проблема... — Михаил Сергеевич побарабанил пальцами по столу, а потом резко допил то, что у него ещё плескалось в рюмке. — Так, молодежь, простите меня, я вас оставлю ненадолго.

Он встал и вышел из гостиной.

Алла посмотрела на меня, я посмотрел на неё. Её глаза поблескивали, и я, честно говоря, опасался, что она переберет с вином — виноделы Грузии были очень коварны, — и мне придется её тащить обратно на Новоалексеевскую, к бабуле, которая может и не оценить мою заботу о её любимой внучке. Или наоборот, оценить слишком высоко.

— Что? — спросил я — просто для того, чтобы нарушить неловкое молчание.

— Да ничего, — она мотнула головой и приложилась к своему бокалу. — Просто забавно всё получилось. Несколько часов назад я прямо вся не своя была, когда тебя ждала с занятий... всё думала, как бы лучше тебя позвать к бабуле и случайно не наобещать лишнего. И вот мы уже сидим тут, у этого твоего...

— ...Михаила Сергеевича, — подсказал я. — И он не мой.

— ...у Михаила Сергеевича, и обсуждаем, как лучше перегнать машину от покупателя к продавцу. И меня такое чувство, что мы с тобой знакомы лет пять минимум. А у тебя?

— Что у меня?

— У тебя нет такого чувства?

— Не знаю, — я отхлебнул остывший чай и сделал себе бутерброд с салом, чтобы выиграть немного времени. — Вроде что-то такое есть, но если я начинаю об этом задумываться, то понимаю, что мы знакомы чуть больше недели. Хотя знакомство наше вышло странным.

— Это ты хорошее слово подобрал — странное знакомство...

— Наворковались, голубки?

Михаил Сергеевич появился в гостиной как-то резко — впрочем, я совсем не следил за перемещениями хозяев дома. Не исключено, что к нам заглядывал и Виталик, но тот не решился нас беспокоить. К тому же сало было очень вкусным — в меру соленным, нежным и с прожилками мяса. Шкурка, кстати, отсутствовала.

— Да мы...

Я тронул Аллу за руку, прерывая её возмущение.

— У вас вкусное сало, — похвалил я. — Сами делали?

Старику, похоже, мои слова пришлись по душе.

— Ну что ты, — отмахнулся он, — где мне. Знакомые привезли, из Киева. У них там много видов можно приобрести, если нужные места знать. Мне копченое нравится, но оно, увы, уже закончилось. А ты не стесняйся, ешь. Виталий от него нос воротит, а мне всю эту прорву не осилить.

«Можете нам с собой завернуть», — ехидно подумал я.

Михаил Сергеевич всё больше выглядел очень непростым товарищем. Он и жил в непростом месте, и знакомые везли ему снесь со всего Союза. Не удивлюсь, если уже в июле на столе обнаружили бы астраханские арбузы и дыни из Средней Азии. А рыбу для его стола, наверное, сразу после вылова передают летчикам почтового ведомства для скорейшей доставки. Я уже не был уверен, что старик относился к каким-то тайным спецслужбам. А вот советская мафия, которую чуть позже популяризуют под названием воров в законе, могла хорошо подойти ему в качестве, так сказать, места работы. Но о таком варианте думать как-то не хотелось. Впрочем, Виталик совсем не тянул на члена семьи главы крупного и организованного преступного сообщества.

— Я тут поговорил с одним своим знакомым, — сказал Михаил Сергеевич. — Он помогал Виталию с правами, но этот блин, как ты понимаешь, вышел комом. Но с тобой, думаю, этого не произойдет — мы просто зафиксируем истинное положение вещей.

«Ого».

— Да, он пообещал поспособствовать, — продолжил старик. — И у всех будет то, к чему они стремятся. Ты поможешь мне перегнать машину покупателю, покупатель будет доволен, что его покупка доставлена в целостности и сохранности, а ты будешь избавлен от необходимости летом, на каникулах, тратить время на какие-то экзамены.

Было видно, что он очень горд собой. Вернее, тем, что смог всё организовать буквально с одного звонка.

— А куда ехать-то надо? — вдруг вмешалась в наш разговор Алла.

Я мысленно поблагодарил её — самому мне застила глаза и мозги возможность на халяву получить права и ещё раз оказаться за рулем автомобиля.

— А я не сказал? Простите старика! Память уже ни к черту... В Анапу, адрес я позже скажу.

«В Анапу?»

— В Анапу? — Алле снова удалось опередить меня.

— Да, там хороший пляж, жаль, на майские будет ещё холодно купаться. Но позагорать на южном солнце ты сможешь, — Михаил Сергеевич победно глянул на меня.

В его представлении он меня переиграл и уничтожил. Я уже не мог отказаться — не после того, как неведомый знакомый старика пообещал помочь с моими правами. Ну а возможность оказаться в Анапе, по его мнению, видимо, была таким приятным бонусом, на которое должен был клюнуть любой обитатель одной шестой суши. Я же не торопился прыгать от счастья, хотя видел загоревшиеся глаза Аллы — правда, я не мог понять, каким образом это предложение касалось её.

Дело в том, что данная поездка очень сильно совпадала с моими собственными планами. Я уже выяснил в библиотеке почти всё, что собирался — вернее, не выяснил ничего, но считал, что и отрицательный результат является результатом. И передо мной в полный рост встал вопрос — что делать дальше? Сидеть в душном зале Ленинки до победного, пока в одной из газет не найду нужный ответ? Я мог просидеть до морковкиного заговения и ничего не дожидаться. Напрячь свою память и попробовать восстановить хронологию событий вплоть до распада Советского Союза, чтобы понять критические точки и способы их ликвидации? Я уже пытался задействовать свой межусный ганглий и ничего не родил; к тому же я не был уверен, что сохранение СССР в моих интересах, а это было серьезным демотивирующим фактором.

Ещё у меня была память о катастрофе в Чернобыле — но для её предотвращения нужно было каким-то образом выйти на тех, кто способен принимать соответствующие решения и в состоянии добиться их выполнения. Были воспоминания о Спитаке — но если я сейчас напишу первому секретарю Армении о том, что его подчиненные воруют и не выполняют строительные нормы для сейсмоопасных районов, меня, скорее всего, ждет визит серьезных мужчин из бывшего ведомства товарища Андропова. И спрашивать они будут не о том, из каких материалов и по каким проектам строили дома в армянском городке, а о том, кто надоумил меня клеветать на настоящих коммунистов и примкнувших к ним беспартийных товарищей. То же самое касалось любой другой катастрофы этого времени, про которую я мог сказать хотя бы пару слов — вроде какой-то «Нахимов» когда-то затонул, где-то два поезда взорвались, ещё что-то было... Для меня-нынешнего всё это было очень давно и поросло настоящим быльем. Я не мог бы вспомнить подробности всего этого смутного времени, даже если бы меня пытали на дыбе.

Фактически я мог приложить свои руки только к одному делу. К устранению Чикатилы. К этому ублюдку я чувствовал непередаваемое личное отвращение.

Несколько лет назад — по моему субъективному времени, то есть в далеком будущем — я вёз одного вполне обычного на вид и вроде бы не проблемного пассажира. Он сел спереди, буркнул «здравствуйте», угумкнул на мои вопросы о конечной точке маршрута и цене, а

потом погрузился в свой телефон. Против радио не возражал и, кажется, даже не обращал внимания, что там играет, но восторженно, когда ведущие начали рекламировать очередной сериал про очередного серийного убийцу.

— Это мы его делали, — с неприкрытой гордостью сообщил он. — Я там сценарий писал. Я сценарист.

— Да? И как работа? — вежливо поинтересовался я.

— Да нормально, не хуже многих, — он говорил небрежно, но чувствовалось, что очень горд собой и своей профессией. — Но обычно всякую муру предлагают писать, из пальца высасывать. А тут по реальным событиям, это гораздо интереснее. В архивы ходил, выписки делал, всякие книжки читал, дела уголовные. В командировки ездил, с людьми общался.

— А зачем? — не удержался я от вопроса.

— Ну как же? — удивился он. — Чтобы всё по правде было, как тогда. Это же сам Чикатило!

Я слышал про этого убийцу и раньше. Про него изредка писали в газетах — и не только в желтых листках, выходивших под девизом «власти скрывают»; про него снимали документальные расследования, которые показывали по центральным каналам. Разумеется, всё это проходило под маской осуждения, но у меня уже тогда было чувство, что авторы подобных материалов прямо-таки наслаждаются своим героем.

— В каком смысле — сам Чикатило? — сухо уточнил я. — Он же убийца, чего в нем «самого».

— Не просто убийца, а легендарный! — возбужденно объяснил мне сценарист. — Поймите, он же почти наш отечественный Ганнибал Лектор. Его все знают, такого героя грех упускать. А наши... — он на секунду сбился, — ...раньше не хотели про него делать — мол, как это так, зачем нам снова вытаскивать его на свет, и так проблем много, пусть Каневский им занимается. Они не понимают, что Каневский это документалистика, а нужен художественный образ!

Помнится, наш разговор тогда закончился ничем — мы уже подъехали к нужному месту, — так что я отделался чем-то неопределенным, типа «ну, наверное». Зато потом я прочитал буквально всё, что нашел про этого самого Чикатило. До самих уголовных дел я, понятное дело, не добрался, всё же не сценарист какой, но то, что находилось в открытом доступе, купил или скачал — и прочитал от корки до корки.

Сериал, кстати, тоже посмотрел — он оказался очень дерьмовым, несмотря на участие нескольких известных актеров.

И вот после внимательного ознакомления с личностью и деяниями ныне не покойного маньяка меня просто-напросто взбесил культ, который сформировался вокруг этого существа в моем будущем. Фактически его слава затмила и его жертв, и имена тех, кто многие годы пытался его поймать. Разумеется, ничего необычного в этом не было — в конце концов, кто помнит имена тех, кто поймал и осудил на забвение Герострата?

Но сейчас Андрей Чикатило никто и звать его никак. Живет в городе Шахты, скоро должен переехать в Ростов, где-то там работает или уже уволился, ходит в магазины и пристает к одиноким прохожим, если они подходят под его простые требования. Кажется, именно в 1984-м — только осенью — его поймали в первый раз, но достаточно быстро отпустили по неизвестным причинам. А я помнил один адресок, который мелькал в тех самых документалках. Память человеческая всё же непостижима.

В общем, моё шило в заднице требовало хоть каких-то действий. Сдать Чикатило

милиции, пришить его самому — я ещё не знал, что сделаю, когда и если найду его. Говорят, что убивать в первый раз очень тяжело, и я не был уверен, что хочу начинать.

Но проблема была не только в выборе способа избавления человечества от Чикатилы. Эта операция требовала серьезных по студенческим меркам затрат, причем единовременно; по моим прикидкам, бюджет мероприятия был равен половине моей месячной стипендии — и то в том случае, если я рискну взять билет в непредсказуемый плацкартный вагон, от которых отвык напрочь. За последние лет двадцать своей прошлой жизни я лишь однажды воспользовался железнодорожным транспортом, да и то это был сидячий экспресс до Питера.

В студенческие годы я, разумеется, ездил относительно много — как минимум, на каникулах до родного города и обратно. Этот путь занимал чуть больше суток в одну сторону и стоил около червонца по студенческому билету — впрочем, дорога домой и обратно в Москву полностью спонсировалась родителями. Тогда меня не напрягала суета плацкарта, я лишь однажды проехался в купе и особых отличий не обнаружил. По моим воспоминаниям, в плацкарте было лишь одно правило — не брать боковые места рядом с туалетом, выспаться там было нереально. Всё остальное считалось терпимым.

Мои финансы слегка оскудели — особенно после похода за новой одеждой. Новые поступления ожидалось лишь к концу месяца, когда должны были выдать стипендию; тогда же родители собирались прислать очередной транш своей помощи бедному студенту — насколько я помнил, они тоже были привязаны к выдаче зарплаты. С Дёмой я пообщался, но тот уже был на мели и ждал перевода с родины; на стипендию он, понятное дело, рассчитывать не мог, потому что с трудом вытягивал экзамены на тройки, да и то не с первого раза. Впрочем, он поделился со мной десяткой, которую я с благодарностью принял — это позволило мне немного заткнуть финансовую дыру в своем кармане. Жасым уже жаловался на пустые карманы, и я подозревал, что и он сможет что-то выделить на победу над Чикатиллой только ближе к майским. А это было поздновато.

В СССР во многом отношении было неплохо жить — во всяком случае, до тех пор, пока Горбачев не начал свои эксперименты над страной. Та же стипендия — если ты нормальный студент, конечно — позволяла почти безбедно протянуть ноги на целый месяц; кто-то из моих сокурсников обходился только ею, ничего не получая от родителей. У меня же родители работали на средних командных должностях и получали весьма неплохое жалованье. Отца ещё и повысили с год назад, так что мои родоки даже начали откладывать на машину и присматриваться к кооперативному жилью. Наверное, им было сложно купить югославскую стенку или железную дорогу из ГДР, у них, разумеется, не было новейшей акустической системы фирмы «Панасоник», и они не покупали у подпольных спекулянтов альбомы западных звезд. Джинсов у нас тоже не было, как и многого другого. Но было, что поесть и во что одеться — если, конечно, не придирается к качеству.

Но вот с мобильностью граждан в СССР дела обстояли просто тоскливо. Правда, в мои воспоминаниях 1984 год, где было относительно неплохо, путался с 1990-м, когда всё стало совсем поганно. Но и в 84-м билеты на поезда «доставали», а не «покупали». Вернее, купить эти билеты мог любой, но только теоретически, поэтому все их как раз «доставали», а для этого нужно было приложить определенные и весьма серьезные усилия. И чем ближе к дате отъезда, тем сложнее было «достать» билет.

Я и так попал в прошлое слишком поздно. Зимой, например, я мог бы отказаться от поездки на родину и использовать две недели каникул на общественно полезные дела; к

тому же в январе народ почему-то ездил меньше, и купить билеты можно было сравнительно легко. Но я оказался в прошлом в середине апреля; в скором времени меня ждали экзамены за первый курс и обязательный визит в родной город. Если я вдруг вместо этого начну кататься по Союзу, родителя меня просто не поймут. Кроме того, всё придется делать через Москву — были, наверное, какие-то другие способы попасть из Ростовской области на Урал, но я про них ничего не знал. А это в любом случае трата времени и денег. И мне не хотелось отвечать на неудобные вопросы отца.

В итоге я решил воспользоваться чехардой праздников в начале мая. Привычной мне системы переноса выходных тут ещё не было, но в этом году красные дни календаря расположились достаточно удачно. Если я забью на учебу всего на пять дней, то получу в своё распоряжение почти две недели — с 28 апреля по 9 мая. Причем был стопроцентный шанс даже не попасть на заметку в деканате — просто прийти туда и написать заявление, что хочу прогулять такие-то и такие дни в связи с отъездом в родные края. Проверять, куда я еду на самом деле, они не будут, я могу провести свободные дни где угодно, а в таблице мне поставят отметку «отпросился».

И вот тут-то передо мной в полный рост вставала проблема с билетами. Денег на их покупку у меня пока не было, а до задуманной мною даты отъезда — 28 апреля — оставалась всего лишь неделя. Это означало, что мне придется тратить вечера следующих семи дней на то, чтобы околачиваться у железнодорожных касс и надеяться на то, что кто-то снимет бронь. Надежда была слабой, и я всерьез обдумывал поездку в направлении Ростова-на-Дону на «собаках»; я слышал, что какие-то футбольные болельщики так добирались аж до Владивостока. Впрочем, я не был настолько целеустремленным, и у меня не было ярко выраженной цели посмотреть матч любимой команды. Короче, я сомневался в своих способностях добраться за тысячу верст, не имея возможности изучить в интернете расписание нужных электричек.

Ещё вроде туда можно было доехать на автобусе, и я собирался всерьез изучить эту опцию. Но пока что я не знал даже, откуда эти автобусы могут оправляться и ходят ли они сейчас или это воспоминания из будущего.

В общем, я ещё не до конца отчаялся, но уже был близок к тому. И тут малознакомый мне Михаил Сергеевич делает мне поистине царский подарок — возможность добраться до нужного места в привычной стихии. То есть за рулем автомобиля, пусть это всего лишь вазовская «двушка», а не почти родной мне «соларис». Разумеется, этот Михаил Сергеевич не предполагал, что я сделаю привал на пути к загадочному покупателю, но ему и незачем это знать.

Весь этот план оформился у меня в голове очень быстро — буквально за те мгновения, что я слушал ответ Михаила Сергеевича на вопрос Аллы. И да, я уже принял это предложение, пусть и мысленно. Нельзя отвергать подарки небес.

— Вы хотите доверить почти незнакомому человеку очень ценную вещь? Машина же стоит целое состояние, — с легким скепсисом сказал я.

Михаил Сергеевич пожевал губы.

— Определенный риск есть, — нехотя признал он. — Но он всегда будет, при любых наших действиях. По моей информации, ты не замечен в склонности к преступной деятельности. Напротив, ты ведешь очень достойный образ жизни... возможно, это лишь пока, но те люди, которых я спрашивал, оценивали тебя одинаково.

«Кого же он, интересно, спрашивал?»

— Искушение может быть слишком велико, — выдавил я, стараясь не показать своё волнение. — Люди шли на преступления и по меньшим поводам.

— Знаешь, Егор, я работаю с людьми более пятидесяти лет и видел их при разных обстоятельствах — и в нужде, и в достатке, и в голоде, и в богатстве. И всегда они вели себя, скажем так, предсказуемо. Есть в человеке внутренний стержень — он будет идти прямо, как бы его не соблазняли свернуть на кривую дорожку. А вот если у человека внутри гнильца, то её заранее видно. Но опыт нужен, что есть, то есть. Иначе и проморгать ту гнильцу — легче легкого.

— И во мне вы её не видите?

— Нет, — старик покачал головой и вдруг повернулся к молчаливо слушавшей этот обмен мнениями девушке: — Ты, Алла, присмотришься к этому перспективному молодому человеку. Он может скрасить жизнь любой женщины — если она будет способна приручить его.

Алла вспыхнула, а я чуть улыбнулся. Старшее поколение, похоже, прямо-таки задалось целью свести нас с нею вместе. Интересно, что такого углядел в нашей паре этот знаток человеческих душ с полувековым стажем? Ведь не магическую же связь душ, про которую я как-то читал в одной фэнтезийной книге? А вообще было бы интересно познакомиться Михаила Сергеевича с Елизаветой Петровной, это могло стать началом прекрасной дружбы.

— Михаил Сергеевич, не смущайте её, — попросил я. — Мы всего лишь друзья, а куда эта дружба выведет, пока непонятно.

Алла снова вспыхнула, но сумела презрительно фыркнуть.

— Друзья? Ну хорошо, пусть будет друзья... хотя как по мне — хорошей дружбой семью не испортишь.

— Ну вот как дойдем до хороших друзей, тогда и будем думать, — пообещал я. — Михаил Сергеевич, вы что-то говорили про майские праздники?

— Я? Ах да, говорил. Я подумал, что тебе будет удобнее ехать на выходные перед первым мая... ты сможешь отпроситься в институте на тридцатое апреля?

— Смогу, думаю. У меня нормальные отношения с деканатом.

— Вот и хорошо. Тогда получается, что у тебя будет целых шесть дней выходных. Думаю, этого хватит, чтобы доехать до Анапы и вернуться обратно? Как считаешь?

— Вполне возможно, — я немного обдумал слова старика. — Полтора дня туда, день обратно... ещё и на всякие непредвиденные ситуации запас есть.

— Полтора дня? Я слышал, что туда доезжают дня за три... Врут?

В моём будущем планировать маршрут из любой точки возрождающейся Российской империи до Черноморского побережья Кавказа было легко и приятно. Трасса М-4 на всём протяжении была четырехполосной и с кучей разноуровневых развязок, пробки на ней случались, конечно, но если поиграть со временем выезда и продумать объезд самых проблемных точек, то до той же Анапы можно было долететь буквально часов за двадцать в самом худшем случае.

Но сейчас этой трассы тупо не существовало. Был некий «маршрут номер пять», который вёл до Ростова-на-Дону и проходил буквально через все города и сёла по дороге. А это — светофоры, пробки и непредсказуемые задержки. Правда, сейчас уровень автомобилизации был всё-таки очень низким, но всё равно — ещё не существовало никаких ограничений в 110 км/ч с возможностью безнаказанно приплюсовать ещё двадцать. Да и двухполоска, в виде которой и пребывала сейчас будущая М-4, не предполагала никаких

гонок. Грузовики по ней наверняка еле плелись, и было их ровно столько, чтобы довести бедных обладателей легковых автомобилей до белого каления.

До самой Анапы было полторы тысячи километров. Со средней скоростью в полтинник я без остановок доберусь туда часов за тридцать. Правда, потом мне придется сутки отсыпаться и бежать за билетами на поезд, чтобы вовремя вернуться в Москву. Может быть, с заездом в Шахты, конечно, если не получится решить проблему с Чикатилой по дороге туда, но об этом Михаилу Сергеевичу знать было незачем. Приехал, отдал машину — с глаз долой, из сердца вон — и занимайся своими делами. Такой план тоже мог быть реализован, но только в самом крайнем случае. Мне совсем не улыбалось сначала доставать билеты от Анапы до Шахт, а потом из Шахт до Москвы. Мои шансы на благополучное возвращение в столицу эта промежуточная остановка понижала очень заметно. Не исключено, что если я всё-таки решусь на убийство, то в первую очередь милиция будет проверять застрывших в небольшом городишке заезжих туристов.

В моих планах было долететь до Анапы за сутки — и оставить двенадцать часов на разбирательства с Чикатилой. Или даже больше, если ситуация на месте покажется мне сложной. Несколько часов задержки погоды не сыграют. Всегда можно сослаться на отягчающие обстоятельства. Продукция отечественного автопрома очень легко выходит из строя, если знать, как она устроена. Я — знал. И мне ничего не стоило организовать небольшую «поломку» рядом с Шахтами, договориться с местными слесарями и попросить их не искать неисправность, а просто протянуть все гайки и болты по кругу. Не бесплатно, разумеется, а за бутылку водки. Хуже от этой протяжки машине не будет, а у меня появится чек из автосервиса, подтверждающий мои мучения.

— Врут, — честно сказал я. — Это если совсем не торопясь, с кучей остановок и ночевками. Если не расслабляться, то полтора дня плюс минус несколько часов.

— Ты будто прикидывал, — Михаил Сергеевич посмотрел на меня очень хитрым взглядом.

— Да это легко, гораздо легче дифференциальных уравнений второго порядка.

Старик хмыкнул.

— Ну что ж, я вижу, что ты согласен?

Я сделал вид, что задумался.

— Михаил Сергеевич, а не покажете, где у вас тут туалет?

Он снова посмотрел на меня так, что я сразу понял — моя уловка его не провела. Тем не менее, он встал.

— Конечно. Пойдем, это недалеко.

Искомый закуток располагался совсем недалеко от гостиной, но старик взял меня за локоть и буквально протащил чуть дальше — до просторной кухни, окна которой выходили на парк.

— И что ты хотел мне сказать? — тихим голосом спросил он.

— Вознаграждение будет? — также шепотом уточнил я.

— О, про это мог бы и не волноваться. Разумеется, будет.

Я немного поколебался. Меня подмывало спросить про размер этого вознаграждения или даже попросить аванс, но не хотелось показаться Михаилу Сергеевичу алчным человеком. Тот Егор, о котором он навёл справки — то есть я сам в бытность первокурсником — действительно был человеком с некими неясными идеалами, который точно не повелся бы на блеск золотого тельца. Но пару вопросом всё равно стоило уточнить.

— Мне нужны будут талоны на бензин, на 150 литров. Чеки с заправок принесу. И было бы неплохо какую-то бронь на поезд из Анапы. Не знаю, как это действует, но вряд ли там легко можно будет купить билет.

— Да, пожалуй, ты прав... Я подумаю, что можно сделать, — сказал старик. — Насчет талонов тоже согласен — это разумно. Но это не всё. Мне хотелось бы, чтобы ты прикинул, что может быть нужно, чтобы твоё путешествие прошло успешно, а я помогу это организовать. Набери мне завтра... в семь вечера, на этот же номер.

— Хорошо.

Талоны на бензин были ещё одним изобретением социалистических мудрецов, каким-то образом мешающим обращению наличных денег в стране. Купить эти талоны можно было легко, но не везде; заправиться за наличные хрустящие купюры тоже можно было далеко не везде. И мне совсем не улыбалось метаться по окрестностям будущей трассы «Дон» в поисках заветных разноцветных бумажек, дающих право на целых десять литров топлива. «Двушка» ела около десятки на сотню, и — с учетом расстояния — мне нужно было как раз пятнадцать талончиков. Каждый, кстати, стоил три рубля, что в итоге составляло всю мою стипендию.

Я пока не знал, что ещё могу попросить у всемогущего старика, но собирался до завтра определиться с этим. Подходить к путешествию на юг необъятной родины следовало с умом.

Мы вернулись к немного надутой Алле, но разговор как-то сам собой перестал клеиться. И уже минут через десять мы с девушкой стояли на тротуаре переулка Хользунова.

— Всё тайны и тайны, — буркнула Алла. — Зачем ты так?

— Ну, у тебя тоже есть от меня секреты... или были — до дня рождения твоей бабушки. Поверь, там был очень деликатный вопрос, мне не хотелось ставить старика в неловкую ситуацию.

— Это его-то? — Алла чуть оттаяла. — Да он сам кого хочешь поставит в неловкую ситуацию и глазом не моргнет. Там опыт за километр чувствуется.

Разумеется, я был с ней согласен. Михаил Сергеевич был товарищем прожженным, хотя я уже не был уверен, что его деятельность хоть как-то связана с правоохранительными органами. Ведь в силу возраста он должен был иметь звание не ниже генеральского, а у них русский командный становится основным языком общения — и не только с подчиненными.

— Я не стал проверять его скиллы... умения. Речь шла о деньгах. Мне не хочется отпраиваться в такую даль за свои. А если они продали машину, то и деньги у них есть. Ну или будут в скором времени. Думаю, я вполне могу рассчитывать на небольшую долю с этой сделки — учитывая моё участие в её завершении.

Алла пару мгновений смотрела мне прямо в глаза.

— Слушай, а тебе совсем не страшно? — вдруг спросила она. — Всё-таки чужая машина это серьезная ответственность... да и дорога...

— Не-а. Нет там ничего страшного. Если только из этого тазика двигатель вывалится, но я на ней ездил уже, она совсем новая. Так что домчусь в лучшем виде. Вот обратно на поезде — это брр.

Я сделал вид, что меня передергивает от отвращения, и Алла невольно улыбнулась.

— А мне поезда нравятся, забрался на полку и сидишь. Но я редко куда езжу... И на юге была ещё в школе... мама жива была, ей путевку в пансионат дали, для лечения.

Я не стал уточнять, помогло или нет то лечение, и так было понятно, что нет. Хотя врачи немного и облегчили страдания, в СССР умели творить чудеса. Одно из таких чудес

сейчас страной руководит, а ещё парочку недавно закопали.

— Слушай, Егор! — воскликнула Алла и перешла на очень громкий шепот. — Что я придумала! Это так круто, Ирка от зависти позеленеет!

— Ты о чем?

— Вот ты тормоз! — Алла притопнула ножкой. — Не понял? — я помотал головой. — Я поеду с тобой!

Опаньки, два рубля по двести.

— Это как?

— Да очень просто. Мы с тобой подведем к даче, но я спрячусь. Ты возьмешь машину — и я к тебе подсяду. А в Анапе наоборот — вылезу чуть раньше и подожду тебя.

Я открыл рот и не нашел, что возразить. Сказать, что не могу её взять с собой, потому что по дороге мне нужно разобраться с одним серийным убийцей? Или просто нагрубить, чтобы она сама отказалась от соблазнительной мысли провести со мной чудесные каникулы на северном берегу Черного моря? Или забить и просто насладиться поездкой к морю с симпатичной девчонкой?

Мой предатель-язык проголосовал за третий вариант.

— Крутая идея. За время в пути мы узнаем друг друга настолько хорошо, что, возможно, воплотим в жизнь идею твоей бабушки.

Алла хотела что-то сказать, но осеклась и покраснела. Но надо отдать ей должное — с духом она собралась очень быстро.

— Или наоборот! — выпалила она.

— Или наоборот, — покладисто согласился я. — Вдруг тебе не понравится, как я храплю?

— А ты храпишь? — она вдруг стала очень серьезной.

Этого я не знал. Вторая жена уверяла, что да, а третья — что нет. Мнения любовниц тоже разделились. Но в этом возрасте я вроде не слышал никаких жалоб на то, что издаю по ночам какие-то посторонние звуки, хотя Дёме, например, мы с Казахом регулярно припоминали его богатырское похрапывание.

— Понятия не имею, Алла. Просто не имею понятия. Но, возможно, мы проясним и этот вопрос.

Глава 11. Путь в тысячу ли

— Да, брат, ты серьезно попал. Не удивлюсь, если уже в сентябре мы будем гулять на твоей свадьбе, а к концу второго курса и нянчить твоего первенца. Запомни — это должен быть мальчик!

Веселье Жасыма было мне понятно. Я бы и сам так отреагировал на рассказ моего приятеля, что его зазвала к себе домой какая-нибудь московская барышня — и не просто так, а на день рождения любимой бабушки.

Мы с ним всё-таки попали в «Ромашку», хоть и на неделю позже, чем намечали. Казах знал про мои отношения с Аллой почти всё — я рассказал ему и про концерт, и про винопитие у бабушки. Правда, про наш с Аллой визит к старику говорить не стал, да и про самого старика промолчал; про покатушки на машине с «Кино» тоже. Я не смог бы внятно объяснить, почему утаил именно эту часть приключений, но мне казалось, что про неё Жасыму знать не нужно. Как и про поездку в Анапу на майские — но об этом я мог вообще ничего никому не говорить. Сам Казах никуда не собирался — до его Актюбинска на поезде нужно было ехать те же сутки с большим гаком, а самолетом — дорого. Всё же наша страна очень большая.

— Я надеюсь отползти, — ответил я, отхлебывая пиво. — Не похоже это всё на любовь с первого взгляда. Да и она слегка постарше, а это пока что важно.

— В смысле? — спросил Жасым, примериваясь к куриной ноге.

С меню в «Ромашке» мы особо не мудрили. Взяли пару выставленных в витрине салатов «Столичный», по паре кружек пива и заказали жареных кур — это блюдо надо было ждать, и именно оно отвечало за очень вкусные ароматы, переполнявшие кафе и добивавшие до станции метрополитена. Всё это обошлось нам в смешные — по моим меркам — три рубля с носа, большая часть из которых ушла на пиво. В магазине было бы дешевле, но если взялся шиковать, остановиться трудно.

— Ну мне восемнадцать, ей двадцать два что ли... не спросил даже. Четыре года разницы. Вспомни, как на нас старшекурсницы смотрят?

Я немного лукавил. Старшекурсницы старшекурсницам рознь. Среди них были и вконец испорченные общагским бытом оторвы, готовые на многое и лишь немного не дотягивавшие до гордого звания шлюх; эти смотрели на перваков с плохо скрываемым презрением. Кто-то уже был замужем и даже обзавелся детьми; они считали всех остальных студентов пылью под ногами. А были и совершенно обычные девчонки, которые спокойно учились, дружили с однокурсниками и ходили на все лекции. Последнее, конечно, было совсем не обязательно, но встречалось часто.

Я был уверен, что и в институте у Аллы было то же самое деление. Она точно не была обычной девчонкой, но я не сказал бы, что она входит в число шлюх — хотя обстоятельства, при которых мы познакомились, прямо-таки кричали, что у девушки не все дома. Меня это немного пугало, но я полагал, что с моим опытом сумею распознать очевидную ловушку — если, например, она захочет с моей помощью прикрыть случайную беременность. Слышал я и такую историю. Крепкой семьи в том случае, разумеется, не получилось, но некоторое финансовое обременение на ближайшие восемнадцать лет парень получил.

— Но она так вокруг тебя вьется, — сказал Жасым. — Это неспроста. Ты ей зачем-то нужен.

— Всё может быть. Только я не представляю, чем я мог её заинтересовать.

— Любовь зла, — Казах злобно ухмыльнулся.

Ага, а я, получается — козёл.

— Да какая там любовь, — отмахнулся я. — Любовь это что-то возвышенное, а тут словно в армию попал — поехали туда, поехали сюда... Не знаю, Жасым... посмотрим, что от этой любви останется к лету. Может, она больше и не появится, и проблема решится сама собой.

— И ты не будешь, как в книжках, искать встречи с ней?

— Сомневаюсь, зачем мне это?

— Ну, например, брат, чтобы ещё раз сходить в тот клуб.

О концерте «Кино» Жасым напоминал мне постоянно, и в его словах чувствовался некий упрек. Он не был фанатом музыки, да у нас в комнате её и слушать было не на чем. Радиоточку с тремя кнопками мы включали считанное число раз, но хватало нас ненадолго, хотя по одной из кнопок иногда передавали нечто приятное и зарубежное. Впрочем, о модных музыкальных тенденциях мы всё-таки имели некоторое представление. На Новый год студсовет организовал дискотеку с обязательными АВВА и Boney M. За давностью лет по субъективному времени я не помнил, что там звучало ещё, но, кажется, были и «Поворот», и «Трава у дома», и даже что-то хард-роковое, под которое какой-то пятикурсник пытался трясти длинным хаером.

Мы про это знали и, наверное, слушали бы — будь у нас аппаратура. Но меломанами мы не были, у нас ещё не сформировались музыкальные вкусы — впрочем, у меня они так и остались в зачаточном состоянии до самой старости. Я был всеядным и не видел причин, по которым сейчас должен был вести себя иначе.

Жасым был примерно таким же. Русский рок, к которому мы причастились чуть позже, его не восхитил; казахские мотивы тоже оставляли равнодушным. Какое-то время он любил метал — вернее, то, что тогда под этим понимали, — но быстро охладел. И в «Кино» он заочно не влюбился; я не стал насиловать свои музыкальные способности и не пытался напеть ничего из репертуара этой группы, а простая декламация текстов не могла передать энергетику Цоя. Упрек Казаха объяснялся просто — он тоже вдруг осознал, что хочет побывать на подпольном концерте, и обижался на меня, что я не могу организовать его визит в клуб МИФИ. Обида была иррациональной, а потому веселила меня.

Наверное, я мог бы поспособствовать сбыче мечт отдельно взятого Казаха. Нужно было ещё разок встретиться с Аллой и попросить у неё заветный билетик. Тот Дима говорил про две недели — то есть следующий концерт состоится в субботу, 28 апреля. Я уеду; Алла тоже — если не передумает. И если она достанет проходку, это будет её вкладом в наше путешествие. А она, скорее всего, достанет.

Но это будет не совсем правильно. Я становился должником Аллы и — опосредованно — Врубеля. В эту систему долгов вписывался и Казах, но он о таком исходе, думаю, даже не подозревал. И если меня когда-нибудь попросят об ответной услуге, мне придется серьезно напрячься, чтобы обосновать отказ. Пока что мы с Аллой шли вровень — она даже немного опережала меня по уровню своего долга. И мне нравилась эта ситуация. Я не хотел ничего менять. Формально мне и Дима был должен — за то, что я поработал водителем у приглашенной им группы. Но этот долг я мысленно приберегал на самый крайний случай, когда другого способа получить желаемое у меня не будет. Правда, я даже не подозревал, ради чего могу решиться напомнить о своем подвиге.

И ещё мне не хотелось делать Казаха своим должником.

— В клуб пока не получится, — ответил я, с неохотой откладывая обглоданную кость. — Я уеду, меня в Москве не будет неделю. Ну а там посмотрим. Честно говоря, мне хотелось бы, чтобы она переключилась на кого-нибудь другого и забыла обо мне.

— На меня! — ухмыльнулся Жасым.

— Ты если на неё запал, то поторопись, — посоветовал я. — А то там Дёма уже хвост петушил перед ней. Опередит.

Я отставил пустую кружку и отодвинул полную костей тарелку. Советские курицы всё же росли в нелегких условиях и не были похожи на тех птиц, что предоставляли свои тушки в распоряжение поваров всяких забегаловок далекого будущего. Наши были костлявыми, мяса на них было мало, но под пиво и они шли неплохо. Ещё из них получался наваристый бульон, но до этого блюда я пока не добрался. Супы у нас в общаге спросом не пользовались.

Впрочем, я был слегка пьян, сыт и с оптимизмом смотрел в будущее. Жасым тоже всё доел и допил, но с места не вставал — видимо, замечтался, как он подкатит к Алле и покорит её своей восточной физиономией.

— Жасым, пошли, — я помахал пятернёй перед его лицом.

В принципе, в общаге нам было делать нечего. Считалось, что в субботу студенты негласно могут с полным правом предаваться блаженному безделью. Были, конечно, и те, кто никакой индальгенции не получил, но их все — и они сами в первую очередь — считали зубрилами и ботаниками. Мы с Жасымом к их числу не относились, хотя иногда могли позволить себе полистать учебники даже в субботу вечером.

Но сегодняшняя суббота была особенной. Вечером меня ждал разговор с Михаилом Сергеевичем, и я хотел подойти к нему в твердом уме и трезвой памяти. Созвон был назначен на семь вечера; сейчас назначить точное время звонка было чуть ли не единственным гарантированным способом застать собеседника на месте и не занятым другими делами. В других случаях звонившего могли ждать только длинные гудки в тяжелой трубке. Мне же ещё надо было придумать, что просить у всемогущего старика, а также как это сделать таким образом, чтобы он просто не послал меня нафик. Наши отношения не были настолько хорошими, чтобы он не смог отказаться от моих услуг. И даже хлопоты с выдачей мне прав не помогут. Спишет на сопутствующие потери — а то и счет выставит.

Ещё мне нужно было решить для себя, хочу ли я ставить старика в известность о том, что Алла едет со мной? Вариант с признанием давал мне своего рода карт-бланш на некоторые вольности и предупреждал, например, от сумасбродства девушки. То есть ответственность за её поведение всё равно была на мне, но согласие Михаила Сергеевича помогало решить несколько сложных проблем — с той же бронью на билеты обратно. Сам я вспомнил об этом хоть и вчера, но уже в общаге. Иначе обязательно сообщил бы Алле, что вернуть её в Москву будет непросто — машину-то мы отдадим. Впрочем, десятка администратору вкупе с бронью могла волшебным образом превратить одно место в два. Интересно, сколько денег от щедрот выделит мне старик? Он не выглядел скрягой.

Автомобили в Союзе были в большой цене, и когда я говорил, что искушение будет велико, я не преувеличивал. Машины даже официально стоили как самолеты, соревнуясь в ценах с кооперативными квартирами, а на неофициальном рынке платили вдвое больше и не торговались. Понятное дело, что тон задавали кавказские кооператоры, сумевшие присосаться к госбюджетам ещё до указа Горбачева — у них почему-то считалось необходимым иметь «Волгу» как подтверждение своего статуса. Но даже им подходили и

«Жигули», и «Москвичи», и «Ижи» — а остальным так и подавно. Свои подпольные миллионеры имелись почти в каждом регионе нашей необъятной родины, и никто из них не хотел светить свои богатства, связываясь с государственными магазинами. Комиссионки давали некую уверенность в анонимности и безопасности, хотя это было совсем не так. Уже в будущем я где-то читал или слышал, что все комиссионные магазины находились под негласным приглядом сотрудников ОБХСС и КГБ. Правда, я так и не понял — или уже не помнил, — почему доблестные борцы со злом не прикрыли такую лакомую лавочку и не посадили всех плохих парней за решетку за хищение социалистической собственности и спекуляцию.

По моим прикидкам, почти новая «двушка» принесла Михаилу Сергеевичу — ну или его сыну, не знаю, как они делили прибыль — тысяч пять внезапной прибыли. Брать за свою работу водителем скромный червонец или даже пару я не хотел — хотя за три дня поездки это была нормальная зарплата, особенно для студента. Я рассчитывал минимум на сотню — а лучше на полторы. Это позволило бы мне быть чуточку более свободным в социалистическом настоящем и перестать — хотя бы на какое-то время — считать рубли до стипендии или перевода от родителей. Но ещё больше меня устроили бы триста рублей — с ними у меня появилось бы много новых степеней свободы.

Остаток дня мы с Казахом провели в комнате. Он лежал и читал Стругацких — я заставил его помыть руки после курицы, и это его заметно задело, так что мне пришлось апеллировать к ценности издания. Жасым со мной согласился, но всё равно сидел надутый.

Ну а я листал купленный у метро «Атлас автодорог СССР» и пытался понять, в какую авантюру я ввязался.

Вернее, мне это было по барабану, но я хотел к отправлению в путь быть готовым настолько, насколько это возможно. В своем будущем я слишком привык к тому, что можно в любой момент закинуть свою тушку в уютное чрево «солариса» или, например, «креты», на которой я немного поездил пару лет назад, — и отправиться в любом направлении, не задумываясь о том, что я буду делать, если посреди трассы закончится бензин. В конце первой четверти XXI века такой исход был настолько маловероятен, что никто из водителей на него не закладывался. Заправки были буквально на каждом шагу, через шаг — автосервисы на любой вкус, от официалов до гаражного кооператива имени дяди Ашота. Куча придорожных кафе и гостиниц с охраняемыми стоянками, где можно переночевать, не переживая за оставленную на улице машину. Но сейчас ничего этого не существовало. Редкие значки заправок на всей трассе были привязаны к городам и поселкам. Где-то в тех же городах предлагалось искать и СТО.

Про давно забытые талоны на бензин я вспомнил сразу. Про то, что мой любимый 92-й сейчас считается пижонским и легко заменяется 76-м — чуть погодя. Для «двушки» его вроде бы хватало, да и конструкторы «Жигулей» всегда ориентировались на самые простые сорта топлива — во всяком случае, в советское время. Про требования к экологии ещё никто не слышал, никаких буржуйских излишеств вроде антиблокировочной системы или коробки-автомата в отечественном легковом транспорте не предполагалось, не говоря уже о каких-то там кондиционерах. В той «двушке» вроде были ремни безопасности, но за их игнорирование пока ещё не спрашивали по всей строгости советских законов.

Мне не хотелось переживать из-за неизвестных опасностей, подстерегавших водителей в эпоху развитого социализма. Народ и тут как-то справлялся с огромными расстояниями между местами жительства и отдыха; про автопутешествия даже рассказывали в кино. Так

что я надеялся на вполне благополучный исход. Но легкий мандраж меня всё ещё не оставлял.

Без четверти семь я быстро собрался и вышел, бросив Казаху, что скоро вернусь. Тот уже успел погрузиться в мир НИИЧАВО, подремать и погрузиться обратно, так что лишь сопровождал мой уход неприличным кашлем.

Рабочий таксофон находился через дорогу, на нашей местной торговой площади, где были собраны три магазина — в том числе один промтоварный — и кулинария. И этот таксофон был свободен. Я набрал нужный номер, послушал длинные гудки — втайне переживая, что вчерашняя встреча со стариком происходила лишь в моем воображении — и, наконец, услышал знакомый голос.

— Михаил Сергеевич, это Егор. Звоню, как и договаривались.

— О, здравствуй Егор. Приятно, что ты так пунктуален, — старик говорил достаточно тепло, чтобы меня немного отпустило. — Ты уже придумал, что тебе нужно для поездки?

— Конечно, — я изобразил улыбку, которую мой собеседник, разумеется, не увидел. — Запишите?

— Я готов.

По большому счету, ничего сверхъестественного я не просил. Трос для буксировки и провода для прикуривания, если их ещё нет в багажнике — без этих плодов инженерной мысли я и на «солярисе» на дальние маршруты не выезжал. Напомнил Михаилу Сергеевичу о необходимости доверенности на транспортное средство, без которого меня примут при первой же проверке документов. Сейчас эта доверенность требовала нотариального заверения, но я был уверен, что старик легко с этим справится — раз уж ему по силам было сделать водительское удостоверение совершенно постороннему человеку.

И, в принципе, всё. Больше мне от Михаила Сергеевича ничего не было нужно. Доступ к машине, документы... ну и деньги, конечно.

— И талоны на бензин... — заикнулся я под конец списка своих желаний.

— Да, я помню, — мне показалось, что старика немного огорчило моё напоминание.

Видимо, он гордился своей памятью и не терпел, когда кто-то пытался поставить её под сомнение.

— Тогда всё, — выдохнул я.

Сейчас, наверное, был самый удобный момент для разговора о деньгах, но я так и не решился начать его. Зато у Михаила Сергеевича подобных проблем не было, но он сделал так, что я всё равно заговорил о презренном металле первым.

— Что ж, Егор, ты запросил, скажу прямо, немного. Я грешным делом подумал, что придется всю машину забивать вещами по твоему заказу. А тебе словно ничего и не нужно сверх... — он замялся, подыскивая нужное слово.

— ...необходимого? — помог я. — Без этого рискованно выезжать на дальний маршрут, — «особенно с советским сервисом», — а сам я вряд ли сподоблюсь купить эти вещи.

— Да, я помню — у студентов вечно нет двух вещей: времени на учебу и денег на еду, — в трубке раздался смешок. — Касательно оплаты. Я думаю, трехсот рублей будет достаточно для того, чтобы возместить расходы на дорогу и потраченное тобой время. Как ты думаешь?

Первая моя мысль была полностью нецензурной. Потом я подумал, что нам рассказывали не всё, что телепаты в КГБ были, и они не зря ели свой хлеб. Ничем другим я

не мог объяснить, каким образом этот милый старичок угадал, какую сумму я буду просить. Вот откуда он её взял? Посчитал проценты от цены «двушки»? Или это действительно тот опыт, который сложно пропить?

Для меня триста рублей были вовсе не самоцелью всего этого мероприятия, а лишь приятной добавкой к тому, что считал неплохим развлечением. Триста рублей — это месячная зарплата инженера средней руки на каком-нибудь секретном заборостроительном заводике. Или два с лишним оклада научного сотрудника младшего возраста в обычном советском НИИ. В общем, приличная сумма по нынешним временам, когда деньги измерялись бог знает в чем — айфонов ещё не было, да и индекс бигмака в страну почти победившего коммунизма не проник. Что-то из этих трех сотен придется отдать за возможность поехать в дороге; что-то может уйти на гостиницу — если мне повезет со свободным номером. Что-то я потрачу на обратную дорогу — на билеты и на еду. Но всё остальное отлично дополнит мою стипендию и позволит хоть какое-то время не экономить и купить, например, нормальные джинсы — вернее, хоть какие-нибудь, поскольку даже при покупке «фирмы» можно было с высокой долей вероятности нарваться на индпошив безвестного турецкого портного. Лет через пять-шесть с этим будет чутка попроще, но я не хотел ждать столько времени.

— Да, такая сумма подойдет, — как можно небрежнее ответил я, но всё же добавил: — Спасибо.

— Да не за что, Егор, — воскликнул Михаил Сергеевич. — Знал бы ты, как ты нас выручаешь!

Я не изучал проблему доставки легковых автомобилей из одного региона в другой во времена СССР, но предполагал, что всё можно было организовать гораздо проще. Например подсунуть эту «двушку» в автовоз, которые везет, допустим, «москвичи» в Краснодар. Хотя я не исключал, что это могло обойтись старику сильно дороже, да и товарищи по партии — а я не сомневался, что он партийный — могли не оценить его новации. Хотя вот подделка документов ему с рук, судя по всему, сходила. Или эта информация просто копилась в какой-нибудь секретной папочке, чтобы в нужный момент добавить щепотку компромата к просьбе вышестоящих начальников освободить кабинет по собственному желанию. Честно говоря, мне на все эти перипетии было наплевать.

— Рад буду помочь, — ответил я. — Вам будет удобно, если я заберу машину в субботу в шесть утра десять минут?

Я уже понял, что Михаил Сергеевич больше всего на свете ценит пунктуальность. Метро открывалось в пять сорок, ехать мне десять минут и столько же идти от ближайшей к поселку художников станции нашей ветки. Я успевал с запасом.

— Ты уверен?

— Да.

— Хорошо. Тебя Виталий встретит. Он же передаст ключи от машины и документы, а также пакет от меня. Небольшой, но весьма ценный.

Я понял это так, что в этом конвертике, скрытая от глаз внука, будет лежать и моя зарплата.

— Я буду обращаться с ним со всей осторожностью, на которую способен.

В трубке снова хмыкнули.

— Это на твоё усмотрение, — сказал Михаил Сергеевич. — Что ж, удачи тебе, Егор. И кстати, если Алла захочет к тебе присоединиться, я не буду возражать. И постараюсь сделать

так, чтобы она не стала для тебя обузой.

Короткие гудки оповестили меня о том, что разговор окончен, а я так и стоял, не отрывая трубку от уха. Вот откуда он узнал о желании Аллы? Откуда? Попросил знакомых организовать девушке экскурсию в подвалы Лубянки, где она сама во всём призналась? Да не, сейчас гебэшники так не работают... во всяком случае, не с такими, как я или Алла. Хотя, может, и работают.

Номера Аллы у меня не было, и я не мог порадовать девушку, что её присутствие в «двушке» получило высочайшее одобрение. Впрочем, я не собирался сам искать её. Если она объявится, значит, это судьба, от которой не скрыться. Если же до утра субботы никакой Аллы в моей жизни не появится — тем более. Одному мне будет проще.

Глава 12. Если долго-долго по дороге

— Ты чего это? — встрепенулась Алла, когда я углядел нужное мне место — съезд с шоссе на грунтовую дорогу, ведущую в лес, — притормозил и свернул с Каширки.

Алла оказалась человеком слова — ну или ей действительно очень понравилась идея путешествия на юг на машине вместе с малознакомым пареньком. Я не исключал и того, что она успела похвалиться перед Ирккой и отступить без потери лица уже не могла. Как бы то ни было, в пятницу вечером, накануне отъезда, Алла поймала нас с Жасымом после окончания занятий и позволила проводить её к нашей общаге. Мне удалось шепнуть ей про то, что Казах не в курсе наших приключений, и она не начала выпытывать подробности сразу при встрече. Голова у неё работала неплохо, так что я с некоторым удивлением узнал, что бабушка пригласила нас на все праздники на загородную дачу под Волоколамском, на которую Алла и повезет меня завтра утром. Жасым ещё поинтересовался, нет ли там места и для него, но нарвался на отповедь — домик маленький, спальных мест всего ничего, но к следующему разу Алла попросит бабушку подумать и о несчастном потомке кочевников из Младшего жуза.

В самой общаге Алла быстро свинтила к Ирке, попросив найти её перед выходом, если она не проснется сама — и даже выдала номер комнаты этой таинственной девицы, которая, похоже, училась на другом факультете, если судить по этажу, — но этого не потребовалось. Когда я утром вышел из нашего блока, то увидел, что Алла сидит на корточках рядом с объемной сумкой, забитой каким-то барахлом до самого верха. Скорее всего, она всё ещё не до конца доверяла мне, не собиралась ничего пускать на самотёк и давать мне шанс сбежать, бросив её одну и оставив без такого приключения.

В поселке художников ничего интересного не произошло. Сонный Виталик был хмурым, неразговорчивым и выглядел так, словно хотел убить всех человек. Кажется, он даже не удивился, когда увидел вместе со мной Аллу, буркнул что-то приветственное, отдал ключи от машины и довольно толстый конверт из плотной желтоватой бумаги. Он не был запечатан, и я сразу заглянул внутрь.

— Дед сказал, всё по твоему заказу, — сказал Виталик.

— Я думаю, он не обманул, но лучше посмотрю, — я улыбнулся. — Если что не так, потом фиг справишь.

Виталик молча пожал плечами — мол, хозяин — барин.

Конверт был полон бумаг, и на вид все они были настоящими и солидными. Там нашлась нотариальная доверенность на право владения автомобилем — далее шла марка, госномер и прочие нужные для идентификации транспортного средства реквизиты. Я не помнил, как она должна выглядеть в этом времени; у нас в таксопарке какое-то время ходили доверенности в красных корочках, но до этого ещё надо дожить. Были ещё документы на машину — техпаспорт, свидетельство о регистрации.

И был очень важный для меня документ — права на управление автомобилями, выписанные на моё имя.

Старик и его неведомый приятель расстарались не на шутку. В правах стояли две отметки, дающие мне право на вождение автомобилей категории В и С и даже на работу по найму. Ещё был талон, который злобные гаишники должны были прокомпостировать, если я нарушу какое-нибудь правило дорожного движения — хорошо забытый антиквариат, весьма

популярный в это время. И — о боги, на меня прямо пахнуло моим будущим — медицинская справка, из которой следовало, что я пригоден к вождению легковых автомобилей и грузовиков без прицепов. Как они это провернули, я не знал — и благоразумно не стал уточнять.

— Ого! — я прицокнул, — Михаилу Сергеевичу огромное спасибо! Про справку я совсем забыл...

Виталик расцвел, словно он сам, лично, добывал для меня все эти документы.

Был листок с адресом в Анапе — конечная цель моего маршрута; Анапу я совсем не знал, ни разу там не был, но надеялся, что аборигены выручат. Листок с несколькими номерами телефонов — один из них стоял в квартире старика в переулке Хользунова; видимо, по этим телефонам я должен буду звонить в случае каких-либо проблем.

Два документа поразили меня до глубины души. Они были исполнены на грозных бланках управления делами Совета министров СССР; один предписывал местным исполкомам советов всяческих депутатов помогать мне всеми доступными им силами и средствами. Второй документ позволял получить два билета на поезд — по некой «министерской» квоте. Любой билет на любой поезд.

Эти два листа были скреплены вместе обычной канцелярской скрепкой и сопровождалась запиской, на которой очень разборчивым почерком было написано: «В случае затруднений упоминай моё имя. Они меня знают. МС».

По меркам СССР это был поистине царский подгон. Бумаги были настоящими вездеходами — жаль, что одноразовыми. Я подумал, что такое было в старых для меня, но ещё не придуманных компьютерных играх — у тебя есть заклинание, которые забывается после применения. А я, получается, играю в эту игру — под руководством опытного сенсея Смиртюкова, полного тезки Горбачева...

Моя просьба о талонах на бензин тоже не была проигнорирована. В конверте имелась тоненькая пачка разноцветных бумажек, каждая из них — на десять литров драгоценного топлива. Я подумал, что продешевил, что надо было просить больше, но волевым усилием задавил жабу.

И ещё один конверт — обычный, почтовый, из тех, что продаются в киосках «Союзпечати»; в этом конверте лежала пачка десятирублевков. Пересчитывать их я не стал — вряд ли старик, уже показавший свою щедрость, будет обманывать в такой мелочи.

Деньги я убрал в карман прямо в конверте, перегнув его пополам. По нынешним временам это была солидная сумма, но я привык к другим, много большим деньгам, отношение к которым у моих современников из будущего было каким-то панибратским. В отличие от людей последнего десятилетия советской власти мы были с золотым тельцом на ты.

Напоследок я походил вокруг машины, с умным видом попинал колеса, проверил содержимое багажника — там тоже всё оказалось на месте, а вдобавок стояли полная 20-литровая канистра с бензином, емкость с маслом и ещё одна белая канистра с обычной водой. Я не забыл проверить уровни жидкостей, но все щупы показывали максимум, а сама «Двушка» была заправлена под пробку. Даже бачок омывателя был залит полностью.

Я пожал руку Виталику, мы прыгнули в машину и вырулили со двора, оставив его закрывать ворота.

Наш будущий маршрут я представлял хорошо, но лишь в общих чертах. Впрочем, особых проблем мы так и не встретили. Я вырулил из закоулков поселка на Алабяна, сумел не

запутаться в сложной развязке одного проспекта, двух шоссе и двух улиц и с первого раза попал на Волоколамку, а с неё по простому «лепестку» — на МКАД.

Я ещё помнил эту старую кольцевую, хотя и очень смутно. Когда в начале девяностых я начал «бомбить», на ней уже начались работы по расширению — тогдашние урбанисты посчитали, что трёх полос хватит всем. Многим, кстати, хватило, поскольку из-за убранного разделительного газона между встречными полосами начались страшные лобовые аварии со смертельным исходом. Меня бог миловал, но в девяностые МКАД и вполтину не был так популярен среди таксистов, как позже — хотя по ночам частенько выручал, если нужно было быстро попасть из одного московского района в другой.

Но сейчас, в 1984-м, московская кольцевая представляла собой две бетонные дороги — внутренний и внешний круги, которые были двухполосными. На них не было никаких светофоров, зато имелось целых двенадцать развязок — тех самых «лепестков», с которыми активно боролось несколько поколений столичных строителей. В эти годы кольцевая проходила буквально в чистом поле — многочисленные торговые центры на обочинах появятся лишь через полтора-два десятилетия, — и лишь в отдалении можно было увидеть корпуса новых московских районов. Город всё ещё пытался заполнить пространство внутри этих колец власти, хотя уже обзавелся Зеленоградским эксклавом и солнцевским протурберанцем и готовился создать ещё районы в Митино и Куркино.

По раннему времени МКАД был почти пустой — редкие грузовики не в счет. Так что я спокойно держал разрешенную скорость, не рискуя добавлять привычную в моё время «двадцатку» — гаишники могли и не оценить, что я весь из себя такой продвинутый, и поставить в мои новенькие права первую отметку.

Алле наша поездка явно нравилась. Она отказалась от предложения застегнуть ремень безопасности, развалилась на своем кресле, разулась и закинула босую ступню на торпеду — наверное, увидела нечто подобное в каком-нибудь модном журнале и решила повторить. Я ничего на это не сказал — просто решил быть внимательным, чтобы никуда не въехать. Меня не прельщала перспектива выковыривать колени девушки из её головы.

Мы вообще ехали молча. В «двушке» был радиоприемник, который я опробовал ещё на Волоколамке, но набор станций был странным, и я решительно нажал кнопку выключения. Возможно, он пригодится позже, когда я устану от дороги, но пока что местные радиопередачи меня не впечатлили.

С МКАДа мы свернули на старую Каширку — в это время она была единственной и неповторимой, начиналась от Каширского шоссе в Москве. Это была уже обычная двухполоска с пешеходными переходами и многочисленными перекрестками в городах ближайшего Подмосковья. Скорость сильно упала, но я надеялся, что наверстаю, когда мы уедем за Каширу и вырвемся на оперативный простор. Вроде там не было особых препятствий аж до Воронежа.

Но сначала мне нужно было разобраться с одним делом. И где-то за Домодедово, которое мы преодолевали добрые полчаса, я и свернул в лес.

— Ты чего сюда заехал? — спросила Алла ещё раз, поскольку на предыдущий её вопрос я не ответил. — Тут и дороги-то нет.

Она даже сняла ногу с торпеды, обулась и как-то подобралась.

— Дороги? — я ухмыльнулся. — Сейчас нам не нужны дороги.

Но «Назад в будущее» в эту реальность ещё не завезли, и Алла шутку не оценила. Я припарковался на небольшой полянке, заглушил и вышел из машины.

— Егор, что происходит?

Алла тоже покинула теплое нутро «двушки». В начале нашего пути она была одета по погоде — модные джинсы, что-то вроде кроссовок, теплый джемпер и курточка. Но курточка сейчас валялась на заднем сидении, и девушка немного дрожала — то ли от утренней прохлады, то ли от того, что она поняла, в какую авантюру ввязалась.

Но я не собирался держать её в этом состоянии вечно. Да и никаких планов на её жизнь у меня не было.

— Ничего страшного, Ал, — ответил я. — Мне просто нужно кое-что проверить, а делать это на обочине я не хочу. Это ненадолго. Можешь пока перекусить, у меня в сумке есть несколько бутербродов и чай в термосе.

На подготовку к путешествию я спустил заметную часть оставшихся у меня денег. За аляповатый китайский термос марки «олень» я отдал столько же, сколько стоили брюки, но считал, что без этого предмета отправляться в поездку нельзя. Правда, заваривать чай для него пришлось в единственной нашей уцелевшей кастрюльке, но это того стоило — в восьмидесятые китайцы, в отличие от передовой советской промышленности, делали относительно неплохие и удобные термосы. У родителей такой уже был, и, насколько я помнил, пережил пару переездов, бесчисленное число ремонтов, походов и выездов на дачу. Но тот китаец находился в полутора тысячах километрах, и помочь мне не мог.

Ещё я прикупил некоторое количество продуктов — на первое время. Меня в дороге всегда пробивало на пожрать, причем мне было всё равно, что закидывать в рот. Но брать с собой, например, докторскую колбасу я не рискнул — не хватало ещё пищевого отравления где-то посреди воронежской степи, — обошелся той же «московской», которая всё никак не заканчивалась в нашем лабазе. Был ещё сыр, какие-то печеньки и конфетки. Консервы я брать не стал, хотя и не исключал, что по дороге можно будет приобрести нечто подобное — за неимением других вариантов обеда.

Впрочем, несмотря на траты, сейчас я был настоящим богачом — конверт с наличкой от вседобрейшего Михаила Сергеевича приятно ощущался в кармане.

— Точно ничего не случилось? — в голосе Аллы сквозило недоверие.

— Точно, — я снова улыбнулся. — Десять минут — и мы поедem дальше. А в Кашире можем заглянуть в магазинчик, подумай, что стоит прикупить. Мы там часа через полтора будем.

Я открыл заднюю дверь, достал из сумки отвертку — ещё одно недавнее приобретение — и гостеприимно не стал закрывать свой «спорт» обратно. Шмотки у меня лежали отдельно, в холщовом мешке, который я позаимствовал у Казаха, так что я не боялся, что Алла увидит, какого цвета плавки я взял с собой.

У меня был приличный опыт обращения с «Жигулями» — модели «классики» отличались, по большому счету, лишь внешним обвесом, и вплоть до «семерки» оставались внутри всё тем же честно купленным у итальянцев «фиатом-124». Для начала я открыл багажник, выложил на траву всякие аптечки и прочий добавленный по моему заказу груз, убрал коврик, открутил болт и поднял фальшпол. В отдельной нише лежала запаска, и на первый взгляд, ничего постороннего тут не было. Даже у пластиковой заглушки над бензобаком шурупы были без видимых повреждений — никто не пытался тыкать в них отверткой и откручивать. Я поставил всё на место и сложил вещи обратно.

После этого я заглянул под машину, но увидел там только то, что должно быть под днищем ВАЗа. Прощупывание декоративных панелей на дверях тоже ничего не дало, как и

складывание и раскладывание заднего сиденья. Моторный отсек я осмотрел ещё во дворе дачи, но там мест, в которых можно что-то спрятать, не было заложено в исходную конструкцию. Но на всякий случай я открыл бачок омывателя и потыкал туда отверткой. Безуспешной была и попытка выдернуть радиоприемник из положенного ему по штату гнезда — сидел он прочно, а разбирать приборную панель я не хотел.

И я был вынужден признать, что думал о Михаиле Сергеевиче слишком плохо — ну или он был много хитрее, чем я предполагал.

Я сам не знал, что искал. Дело в том, что за свою жизнь я сталкивался с самыми разными подставами, и сразу же придумал несколько версий того, что может стоять за невинной просьбой перегнать машину из Москвы в Анапу. Вариантов было несколько — какие-то оружие, наркотики, ещё что-то не слишком законное. В самом печальном для меня случае — какие-то секретные документы, которые товарищ Смиртюков сливал вероятному противнику вот таким заковыристым способом. Поскольку меня о побочной задаче никто в известность не ставил, это означало использование вслепую. Так что искомое могло быть спрятано где-то в машине — например, под дверными панелями. Но после осмотра я был вынужден признать, что ничего лишнего там не было — или же с машиной работали такие профессионалы, в деятельность которых лучше не влезать. Ну а если контрразведчики перехватят меня где-нибудь под Ростовом, то единственным правильным выходом для меня и Аллы будет сразу же поднять лапки вверх и выложить всё, что мы знаем и что только предполагаем.

Но никаких закладок в машине, похоже, не было. И поэтому нам надо собираться, выруливать обратно на шоссе и ехать в Каширу — этот городок не совсем по пути, но заглянуть в него стоит, поскольку следующую остановку я предполагал сделать в Ельце или даже в Воронеже. Туда мы должны были приехать уже после обеда, и я не был уверен, что нам удастся найти открытый магазин. В Советском Союзе торговые точки закрывались очень рано даже в Москве, а в провинции — ещё раньше.

Но сразу поехать нам не удалось. Когда я захлопнул капот, я наткнулся на недоуменный взгляд Аллы. В одной руке она держала купленный вместе с парой отверток гвоздодёр, а в другой — огромный и грозный на вид тесак, который совсем не подходил этой хрупкой девушке. Гвоздодёр ей, впрочем, тоже не походил.

— Егор, это — что? — как-то растерянно спросила она.

Наверное, я должен был ожидать этого вопроса, но как-то упустил его из вида и правильного ответа не подготовил.

В ту субботу, когда я пьянствовал с Жасымом и диктовал Михаилу Сергеевичу список необходимых для поездки вещей, у меня было ещё одно дело. Я с ним вполне справился, но в общагу вернулся уже затемно, отделавшись от интереса Казаха какой-то отговоркой — кажется, просто сказал, что захотел прогуляться. Тот мне не поверил, подозревал, наверное, что я бегал на очередное свидание с Аллой, о котором не хочу рассказывать, но мне было плевать на его домыслы. Рассказать ему правду я всё равно не мог, потому что фактически совершил кражу.

Дело в том, что мои планы — не те, что были связаны с машиной и поездкой на черноморское побережье, а другие, подразумевающие разборки с Чикатилой — требовали, чтобы я был вооружен. Выходить против серийного маньяка с пустыми руками я не хотел.

Наверное, проще всего было попросить оружие у Михаила Сергеевича, и, возможно, тот смог обеспечить мне какой-нибудь пистолет типа ТТ или ПМ; на заграничный «глок» я не

претендовал. Но просить я не стал — больше из опасений, что этот хитрозадый старик с множественными связями решит на всякий случай избавиться от случайного знакомого со странными запросами, а не удовлетворять все его хотелки, которые могли обернуться настоящей бедой. Ну а быстрого выхода на здешнюю организованную преступность у меня не было. В первой жизни я всех этих крестных отцов советского разлива счастливо избежал и не собирался менять эту полезную привычку, хотя и не исключал, что в будущем могу стать объектом интереса для подпольных дельцов. Но сейчас я просто не знал, куда тыкаться.

Кроме того, до времен, когда самый распоследний бык из многочисленных банд имел собственный ствол, оставалось несколько лет. В начале восьмидесятых эти ребята всё ещё полагались на собственные кулаки, натренированные в многочисленных подвальных качалках, да на подручные средства вроде велосипедных цепей или арматурин.

У меня с кулаками было не ахти. В школьные и студенческие годы я всеми силами избегал силовых секций и — по возможности — уроков физкультуры. Но уже в девяностые, после пары случаев, когда клиенты оказались очень непростыми и конфликтными, мне пришлось озаботиться самозащитой. Оба этих случая закончились для меня относительно благополучно — но после второго я лишился дневной выручки, долго залечивал неприятный порез на ноге и лишь по счастливой случайности остался при машине.

Вот тогда-то я и опробовал эти самые качалки. Тренеров там не было, парни занимались по книге Арнольда Шварценеггера и по советам неких гуру, размноженных на новомодных ксероксах, но помогали друг другу и таким новичкам, как я, и в целом атмосфера царила самая дружелюбная. Если, конечно, не думать о том, чем эти милые ребята занимались после тренировок. Насколько я знал, большинство этих культуристов делали карьеру рэкетиров. В общем, контингент там был весьма специфический и маложивущий. Редкую неделю мы не скидывались рублями на похороны очередного Коляна или Вовчика, сложивших голову в борьбе за благосостояние новых коммерсов. В «моей» качалке парни полностью поменялись примерно за год, неожиданно превратив меня в старожилу, который «всё тут знает» — и я мог лишь надеяться, что некоторые просто сменили вид деятельности и им стали не нужны крепкие мускулы и поставленный удар.

В той качалке я занимался года три. Кондиций Железного Арни я, конечно, не достиг, но к этому и не стремился. Держал себя в определенном тоне, чтобы отмахаться от залетного товарища — к тому времени я уже был официалом, так что тёрки с местными пацанами стали головной болью моего начальства. На всякий случай возил под рукой короткую монтировку с самодельной рукоятью из синей изолянт — орудовать цепью надо было учиться, а в салоне удобнее драться небольшим и тяжелым предметом, конец которого не летает по непредсказуемой траектории.

С ножом я тоже учился обращаться — под руководством прошедшего Афган спившегося десантника, которого по каким-то причинам не взяли в афганскую мафию. Его звали Толик, он всегда носил тельняшку, которую не стирал со времен Джелалабада; как раз сейчас он обитал в спецназе 40-й армии и через год должен был демобилизоваться. Учеником, правда, я оказался так себе, сумел освоить только пару приемов, но на практике ни разу их не применял.

Но один совет той поры я помнил всю жизнь — любой нож лучше монтировки, а монтировка лучше голых кулаков. Так что довольно долго, лет десять, со мной в машине ездил и очень хороший нож, изготовленный неизвестными мастерами из какой-то секретной

стали по образцу ножей СМЕРШа. Потом, правда, пришлось его выложить — менты могли не оценить наличие у простого таксиста настоящего холодняка, ну а совсем потом я оставил его у очередной любовницы, от которой сбежал в чем был.

До этого ножа я, разумеется, дотянуться не рассчитывал — даже не был уверен, что в этом году он уже изготовлен. Но у меня была точная информация, где можно заиметь хороший нож и забрать его так, чтобы хозяева ничего не заподозрили.

После отчисления из аспирантуры и перехода на вольные хлеба я как-то легко пошел по рукам. К тому времени я был давно разведен, бывшая жена и её родители не слишком радовались моим редким появлениям, так что жить мне тогда было негде. Поэтому возможных кандидатов на мою руку и сердце я рассматривал исключительно с точки зрения наличия жилплощади — лучше, конечно, отдельной, но в целом я был непривередлив. И одна из моих подруг того периода оказалась москвичкой в бог знает каком поколении и наследницей каких-то профессоров-академиков, в силу чего обитала в старом сталинском доме на одной из улиц, прилегающих к проспекту Вернадского.

Дом мне нравился, квартира тоже — там были высокие потолки, просторный двор, в котором моя машина чувствовала себя прекрасно, и большие комнаты, в одной из которых мы с той девушкой и пытались свить любовное гнездышко. Делать это, правда, было тяжело. В той же квартире жили три поколения предков моей избранницы и семья её сестры, и все эти люди были очень хлебосольными хозяевами — что означало регулярное и неконтролируемое нашествие самых разнообразных гостей. В утренней очереди в туалет можно было легко встретить какую-нибудь заспанную незнакомую рожу, которая вчера заглянула на огонек и забыла уйти; я помнил ситуации, когда этого человека не знал никто из членов семьи. В общем, было весело — но хорошо, что недолго. Я уже не помнил, почему мы расстались, но съехал я оттуда с облегчением. Отдохнуть там после многочасового «бомбления» было невозможно.

Но именно благодаря гостеприимству хозяев дверь в их квартиру никогда не запиралась — заходи любая сволочь, бери, что хочешь. Наверное, кто-то этим и пользовался, но я не отслеживал. Меня интересовал один ящик в шкафу на кухне, в котором я как-то пытался найти чистую тарелку, а обнаружил огромный острый нож с кровостоком, наборной ручкой и гардой. Вернее, этот нож больше походил на небольшой меч, но я тогда не был силен в терминологии. На мои расспросы отец пассии пожал плечами и сослался на своего отца, который притащил этот тесак из какой-то экспедиции. Никому в семье он нужен не был, кто-то, наверное, даже не подозревал о его существовании — ну а я собирался позаимствовать его для своих нужд. Та девушка уверяла меня, что они всегда так жили — то есть и в этом году тоже. К тому же по субботам у них были самые ударные вечеринки, так что моему появлению на кухне никто не удивится. И сразу после разговора со стариком я направился к метро и с парой пересадок добрался до нужного места.

Всё прошло как по маслу. В квартире действительно царил чад и угар и толкались какие-то люди в неприличном количестве; как это выдерживали соседи — бог весть. Никто из присутствующих не обратил на меня внимания, не спросил, имею ли я право находиться здесь, а на кухне я даже перекинулся парой слов с ещё бодрой прабабушкой той девушки — во время моего пребывания тут она уже лежала и не вставала, хотя посетителей принимала. Потом я спокойно изъясил нож, завернул его в куртку — и ушел из этого вертепа. Моя пассия сейчас учится в школе, и я даже не стал пытаться пересечься с ней — всему своё время. Через несколько лет мне может понадобится место со свободными нравами, а как завоевать

её сердце, я примерно представлял.

Моток синей изоленты я, кстати, тоже купил — и собирался во время какой-нибудь остановки сделать свежкупленный гвоздодёр более ухватистым.

Но как объяснить всё это Алле, я не знал. И поэтому решил быть как можно более честным.

— Алла, а почему ты решила поехать со мной? — задал я встречный вопрос.

Она, видимо, этого не ожидала. Она опустила руки, но орудия убийства не выпустила, и я всеми силами старался смотреть ей в глаза, а не вниз.

— Эм... я не знаю...

Она как-то неловко отвела взгляд.

— Ну что значит — не знаешь? — я пытался говорить как можно более уверенно и больше всего на свете сейчас боялся «дать петуха» — мои связки были слишком молодыми и неокрепшими, и я уже несколько раз ловил себя на том, что иногда перехожу на фальцет. — Я же помню, как ты просто поставила меня перед фактом, что ты поедешь. Вот я и хочу понять — почему?

— Ну... мне показалось, что это очень интересно... съездить к морю, на машине... у меня никогда такого не было... и не будет, наверное...

Всё у тебя будет, Алла. Подождешь всего несколько лет — и всё будет. Особенно если ты применишь нож или гвоздодёр или всё сразу по назначению, оставишь мой хладный труп прямо тут и вернешься домой. История пойдет своим чередом, а ты ещё достаточно молода, чтобы занять богатого любовника из кооператоров — обязательно в малиновом пиджаке, — который свозит тебя не только в Анапу, но и, страшно сказать, в Ниццу. Нужные знакомства ты заводить умеешь, да и принадлежишь к правильному кругу.

Говорить такое вслух я, конечно, не стал.

— То есть тебе всего лишь приключений захотелось? А бабушка твоя в курсе, куда ты отправилась и с кем? — она кивнула. — Ну хоть так... про отца не спрашиваю, он, наверное, весь в делах и заботах, и ему не до шила в попе любимой дочки. И всё-таки. Вот он я — какой-то первокурсник обычного института, родом из, как ты сказала, малых ебеней, хотя эти ебеня не такие уж и малые, но это к делу не относится... Мы с тобой знакомы ровно две недели, встречались три раза и ни разу серьезно не говорили друг о друге и о том, кем мы можем быть друг для друга. Но ты вдруг решила, что готова на многодневное путешествие чёрт-те куда именно со мной, с человеком, о котором ты знаешь лишь имя, фамилию и место учебы. Бабушка хоть не возражала?

— Н-нет! — мне показалось, что Алла готова заплакать. — Т-ты ей понравился...

— О.

И вдруг я всё понял. Я совсем забыл это время, этих людей и этот мир. Этот мир позднего совка не был простым и приятным, не был, наверное, даже комфортным, но тут люди совсем иначе относились друг к другу, даже если не были представлены по всем правилам и не съели вместе пуд соли. У каждого человека начала восьмидесятых имелась презумпция доверия — любой незнакомец с первых секунд считался добрым другом и приятелем, с которым можно в огонь, в воду и в медные трубы. И лишь неоднократные проступки разрушали эту презумпцию, причем не разом, а понемногу. Грубо говоря, нужно было очень сильно постараться, чтобы тебя начали считать гнидой болотной. Ну а я пока что ничего непоправимого не совершил, даже бабушке вон понравился. То есть Алла мне доверяла, хотя, думаю, и готовилась к некоторым «моментам», которые могли случиться

между нами во время столь долго путешествия туда и обратно.

«И что мне с тобой делать, принцесса?»

Я поступил самым нерациональным образом. Сделал несколько шагов, подошел к девушке вплотную, мягко забрал у неё своё оружие и отбросил в траву. А потом обнял её. А Алла обняла меня в ответ.

И мы долго-долго стояли посреди подмосковного леса, который только начинал зеленеть, напоминая о том, что вокруг бушует весна.

Глава 13. Не вздохи на скамейке

— Давай остановимся в этом городе? — Алла указала пальцем на дорожный знак с надписью «Верхний Мамон», и я послушно притормозил.

Мы дико выбивались из продуманного мною графика. Ничего страшного в этом, конечно, не было — в Анапе нас, наверное, быстро и не ждали, несмотря на то, что Михаил Сергеевич наверняка позвонил покупателю и рассказал о нанятом Спиди-гонщике. Но меня немного бесила задержка на пути к моей цели, которая находилась чуть ближе Анапы. К тому же за всё время, прошедшее с момента появления плана, я так и не придумал, как я буду осуществлять устранение Чикатилы.

Я рассказал Алле то, что ей следовало знать, чтобы не сдать меня ближайшим ментам. Я поведал ей о своем трудном детстве, проведенном в регионе с высокой подростковой преступностью, о разборках с пацанами из других районов, о том, как летом в деревне нам, городским, приходилось махаться с местными за право потанцевать с девчонками, которых те считали своей собственностью. В общем, я подвел её к мысли, что считаю весь мир вокруг угрозой собственной жизни, и потому прилагаю определенные усилия, чтобы защититься. Алле, девочке из очень благополучной московской семьи, всё это было в некотором роде внове, так что она внимала мне, очаровательно раскрыв ротик. А потом согласилась, что я имел право взять с собой в поездку смертоносные железяки. Правда, она заставила меня пообещать, что я не буду их доставать по каждому чиху, и я честно произнес слова требуемой клятвы, поскольку собирался достать нож по конкретному поводу и в конкретном городе. В бандитов в местах общего пользования, которыми я обосновал наличие у меня боевого оружия, я не верил абсолютно.

Рассказал также и о том, чем была вызвана наша остановка в безлюдном лесу, но в этом случае Алла наотрез отказалась верить в то, что Михаил Сергеевич занимается чем-то незаконным или вообще шпионит на империалистов. Я тоже сомневался, но точно знал, что береженого бог бережет.

В итоге мы провели целый час в душеспасительных беседах, и до Каширы добрались с опозданием, но я решил не менять планов. Мы зашли в магазин неподалеку от железнодорожной станции, где Алла озаботилась наполнением нашей продуктовой корзины — под моим чутким руководством, конечно. Поели жутко вредных, но очень вкусных жареных пирожков с повидлом, выпили по стакану московского кваса из большой цистерны и попросили наполнить им мой термос, чай из которого мы допили во время разговора в лесу. Потом заглянули в промтоварный, где я сумел найти неплохие плавки, которые выглядели значительно лучше того убожества, что были у меня. Алла немного пооблизывалась на купальники, но в итоге ограничилась двумя махровыми полотенцами — выяснилось, что эти полезные вещи мы с ней дружно забыли.

В Кашире я потратил один талон, чтобы дозаправить «двушку» — теперь нам должно было хватить бензина почти до Богучара. Но такого длинного перегона у нас не получилось.

Вскоре я услышал какой-то неприятный звон в двигателе. Пришлось съезжать на обочину, поднимать капот и пытаться вспомнить, что может издавать такой звук в несложном вазовском движке. После нескольких минут чесания затылка в голове всплыло полузабытое словосочетание «детонация топлива»; ещё минута ушла на то, чтобы продолжить цепочку ассоциаций и дойти до октанового числа местного бензина. Видимо,

изначально двигатель «двушки» был настроен на более высокое значение, а я без особой рефлексии накормил его 76-й. Что ж, проблема эта была не самая страшная, а, главное, решаемая в полевых условиях.

Два движения ключа — и я решил, что мы готовы двигаться дальше.

Правда, оказалось, что машина так не думает. Она почти не реагировала на газ, разгонялась жутко медленно и вообще тупила, как двоечник у доски. Пришлось снова останавливаться и возвращать трамблер немного назад. Это помогло — «двушка» снова стала послушной, а неприятный звон прекратился.

Кроме того, Алла почему-то постоянно, чуть ли не каждые полчаса, требовала остановиться и передохнуть. Сначала я ей терпеливо рассказывал, что каждый такой отдых — это бездарно потерянные часы, но она не прониклась. Её объяснения своих требований были слишком примитивными. То ей приспичило пописать — что она и сделала, гордо удалившись в лесопосадки. То нужно было переодеть блузку — словно этого нельзя было сделать прямо в машине, а я ведь обещал не смотреть. Кроме того, мы останавливались во всех крупных городах, через которые проезжали — в Ефремове, Ельце и, разумеется, в Воронеже. Пополняли там припасы, перекусывали, разминали ноги.

Я понимал, что Алла по какой-то причине решила затянуть нашу поездку на как можно больший срок. Кажется, она ждала от меня каких-то шагов, но, откровенно говоря, мне было не до её хитростей. У меня была цель, эта цель приближалась с каждым километром, и у меня оставалось всё меньше времени, чтобы придумать, как я буду реализовывать задуманное. Ничего толкового в голову не приходило, и пока что самым жизнеспособным вариантом оставались бессмертные максимы вроде «война план покажет» и «ввяжемся в драку — а там посмотрим». То есть затягивание поездки было на руку и мне — ведь меня могло осенить в любой момент. А потому я смотрел на потуги Аллы с легким самодовольством, но изо всех сил делал вид, что ничего не понимаю и вообще дуб дубом в любовных вопросах.

Впрочем, это не мешало мне временами выжимать газ на полную. Будущая М-4 отчаянно петляла по всем городам и поселкам, но между ними она была относительно прямой и свободной от машин. Встречались, конечно, грузовики и легковушки — преимущественно «Жигули» и «Москвичи». Вальяжные «Волги» были редкими гостями, и номера на них принадлежали обычно жителям каких-то южных регионов. Все они никуда не торопились, так что я легко обгонял их, даже не притормаживая. И по счастливой случайности на всём нашем пути мы лишь разок увидели гаишный желтый «Жигуль» — он неспешно двигался нам навстречу и не заинтересовался нами, но я на всякий случай сделал положенный в таких случаях «ку», то есть притормозил до почти нормальной сотни кэмэ в час.

Такой режим позволил добраться от Каширы до этого Верхнего Мамона за какие-то восемь часов. Я с тоской подумал, что в своём будущем я бы уже подъезжал к Ростову-на-Дону, но моё будущее осталось в прошлом. Уже был вечер, но у меня была надежда добраться засветло до Шахт и озаботиться гостиницей; оставить в ней Аллу, а самому отправиться на поиски Чикатилы, управиться до утра и затем с чистой совестью поехать дальше. Но со всеми нашими остановками будет хорошо, если мы приедем в эти Шахты к полуночи, и времени мне хватит только на улаживание формальностей и недолгий отдых.

Был вариант задержаться в Шахтах на день, симулировав какую-нибудь поломку в безупречно работающей «двушке», но его я приберег для совсем безвыходной ситуации. Всё

же врать нужно лишь тогда, когда нельзя всё сделать по правде, ведь именно в правде и содержится настоящая сила.

Про Верхний Мамон я раньше не слышал — или просто не обращал внимания. Скорее всего, М-4 в моё время обходила это место стороной, и заезжать туда по дороге на юг не было смысла. А соответствующие дорожные указатели забывались сразу, как только пропадали из поля зрения.

Перед мостом через Дон я свернул направо, съехал на обочину и остановился.

— Чего мы здесь хотим? — спросил я у Аллы. — Магазины тут, скорее всего, уже не работают. Отдохнем, покурим и дальше двинемся?

— Не-а! — Алла забавно помотала головой. — Я хочу искупаться!

С погодой нам, конечно, повезло. На всём протяжении нашего пути светило солнце, которое лишь иногда скрывалось за редкими тучками, температура по ощущениям была лишь чуть ниже двадцати градусов. В общем, в меру комфортно — если не забывать накидывать куртки во время остановок и включать обогреватель внутри машины. Но купаться?! Было уже пять часов вечера, ощутимо холодало — я не понимал Аллу, о чем ей и сказал.

— Ну как же? Это же Дон! Я в нем никогда не купалась, вот и хочу попробовать.

— В одной России два миллиона рек, и ты, думаю, не купалась в подавляющем большинстве из них, — с сомнением сказал я. — Да и вода наверняка ледяная.

— Фиг с ними, с двумя миллионами, — отмахнулась Алла. — Я быстро — нырну и обратно. А ты будешь стоять наготове с полотенцем! — она уже всё придумала.

Скрепя сердце я кивнул. Мне эта затея активно не нравилась.

Расположение пляжа мы выяснили у проходившей мимо женщины. Судя по её словам, на машине можно было подъехать чуть ли не к воде, но я всё равно действовал очень аккуратно. Асфальт на улицах служил наглядным напоминанием о проходивших в этих местах боевых действиях — это было каких-то сорок лет назад, — поэтому ползти приходилось медленно и стараться объезжать все наплывы, чтобы не услышать противный скрежет пробитого картера — с такой поломкой мы застрянем тут надолго, что мне вовсе не улыбалось.

Но мы всё преодолели и даже не пропустили нужный поворот. Пляжик был небольшой, с хорошо спрессованным песком — и был абсолютно пустым, чему я ни капли не удивился. Мы остановились боком к воде и несколько минут любовались течением могучей даже в этих широтах реки. У меня мелькнула мысль свернуть чуть подальше по трассе на восток и покататься по станицам с заездом в обязательную Вешенскую — Шолохов вроде должен быть жив, и с ним можно будет встретиться. Но потом я вспомнил о том, что машина не моя, и вряд ли её новый хозяин одобрит моё невинное желание припасть к мудрости классика советского реализма и лауреата Нобелевской премии по литературе. [1] Да и идея завалиться к Шолохову на ночь глядя, по трезвому рассуждению, выглядела не так забавно.

— Что? — встрепенулся я.

Алла не стала корячиться в салоне, переодеваясь в купальник. Она подошла прямо к воде, скинула всю одежду, лукаво посмотрела на меня и что-то сказала. Конечно, я уже видел её голой, но тут и обстановка была другой, и у нас были мгновения духовной близости в том лесу возле Домодедово. В общем, у меня кое-что шевельнулось в штанах — и это было очень неожиданно.

В принципе, я знал, что долгое общение с человеком противоположного пола приводит

к тому, что ты перестаешь видеть его недостатки, и даже не самая красивая женщина после такого общения начинает казаться как минимум симпатичной. Я так женился во второй раз — возможно, это работает и в обратную сторону, потому что моей второй женой была бухгалтер из нашего таксопарка, с которой мы как-то разговорились о «Титанике». Этот фильм тогда только вышел, мы его обсуждали долго и горячо, потом сходили в кино, чтобы разрешить наш спор, посидели в кафе — и уже через месяц съехались, а через пару — подали заявление в ЗАГС. Она не была красавицей, а в быту оказалась хорошо замаскированной стервой, что не помешало нам завести двоих детей и прожить вместе почти десять лет.

Алла тоже не была красавицей, но это я отметил в самом начале нашего знакомства. Она была милой, симпатичной — в общем, какой угодной, только не красивой. В моём будущем у неё были бы неплохие шансы сделать карьеру модели, но начинать ей надо было лет в восемнадцать. Ещё у неё была некая харизма, которая — как раз после недолгого общения — начинала привлекать людей. И судя по всему, я попался на удочку этой харизмы, потому что не мог отвести глаз от её попки, которой она совершенно бесстыдно сверкала в каких-то пяти метрах от меня.

— Полотенце, говорю, неси, я уже готова нырять и выныривать, — совершенно нахально, едва не смеясь, крикнула она.

Я как-то неловко дернулся к машине, схватил одно из тех махровых полотенец, что мы купили в Кашире, и быстро подошел к ней, благодаря богов, что этот кусок тряпки прикрывает мой пах.

— Вот, принес, — доложил я.

— Вижу, — она повела головой, и её волосы пошли страной волной.

Сука, где женщин учат так себя вести? Мне совсем не улыбалось лишать своё молодое тело девственности в неудобной «двушке» на берегу пустынного пляжа в богом забытом Верхнем Мамоне. А судя по всему, именно к этому всё и шло — вернее, именно к этому и вела меня Алла. Как бычка на закланье, с грустью подумал я.

Алла набрала побольше воздуха, пробежала несколько шагов и с брызгами бухнулась в воду — прямо с головой. Несколько мгновений её не было видно, но потом она с фырканьем вынырнула метрах в пяти от берега.

— А здорово! — воскликнула она. — Не хочешь присоединиться?

Возможно, для меня это было бы лучшим выходом из ситуации. Холодная вода смягчила бы неприятные ощущения в паху и помогла бы справиться с ненужным стояком. Вот только я не представлял, что полностью раздеваюсь, позволяя Алле увидеть, как её нагота повлияла на меня и мою потенцию.

— Не, воздержусь, — ответил я. — Вода даже на вид холодная, я моря дождусь. И ты вылезай, не хватало её простудиться...

— Как скажешь, папочка, — Алла улыбнулась и двинулась к берегу.

Наверное, именно так когда-то произошло явление Афродиты древним грекам. Алла в два гребка доплыла до мелкого места, и её тело начало постепенно показываться из воды — сначала мокрые, блестящие в лучах заката плечи, потом небольшие холмики груди с темными ореолами съездивших сосков, потом плоский животик с глубокой впадиной пупка. И, наконец — самый низ живота с пучком черных кучерявых волос, которые намokли и предательски обнажили самую интимную складку на свете.

Я почувствовал, что моя эрекция готова начать диктовать мне свои условия, и поспешил

вмешаться в происходящее.

Я сделал пару шагов вперед, слегка намочил ботинки, но сумел обхватить Аллу полотенцем и приподнять её. Она благодарно взвизгнула. Я донес ее до машины, совместными усилиями мы открыли дверь и запихнули мокрую девушку в салон — вместе с полотенцем. Я с облегчением избавился от обнаженного груза, а чтобы скрыть своё замешательство и состояние, полез назад и добыл оттуда второе полотенце. Потом оставил Аллу сушиться, а сам сходил за её брошенной у воды одеждой.

И выкурил две сигареты, ожидая, пока Алла оденется в тесной «двушке».

И к тому времени, когда она прекратила ёрзать, я уже мог думать верхней головой, а нижняя часть тела безропотно отдала бразды правления более вменяемым частям моего организма.

— Алла, ты всё? — я постучал согнутым пальцем в боковое стекло.

В ответ дверь открылась, и наружу выбралась насупленная девушка.

— Дай сигарету, — потребовала она.

В дорогу я купил пяток пачек «Ту-134»; я был уверен, что мне их хватит. Был ли запас у Аллы, я не знал, но поначалу она дымила каким-то ментоловым дерьмом — этот тип сигарет я пробовал ещё в первой жизни и решил, что больше никогда и ни за что. Но девушкам они нравились.

Я послушно выбил из пачки одну сигарету и протянул ей. Она прикурила, закашлялась, но потом справилась с собой.

— Хорошо искупалась? — поинтересовался я.

— Сойдет, — она мотнула головой.

Волны не получилось — сейчас её волосы висели сосульками и никакого завораживающего движения не совершили.

— У меня в сумке есть парацетамол, может помочь для профилактики. В такую погоду простуду подхватить — раз плюнуть.

— Потом, — отрезала она.

И замолчала.

В принципе, я понимал, почему она так себя ведет. Она не видела моей реакции на её обнаженное тело — вернее, я сумел скрыть эту реакцию. И наверняка считала, что я её конкретно проигнорировал. Причины игнора её не интересовали, только сам факт. Женщины почему-то очень нервно относились к тому, что на их прелести кто-то может не обращать внимания. Алла была женщиной, хотя и достаточно молодой, и оставлять её в недовольном состоянии было просто опасно — для нашего общего душевного спокойствия во время этого долгого путешествия. Никто не знает, когда ей придет в голову мысль, что именно сейчас самый прекрасный момент для мести.

— Алла, ты на меня обиделась, — я не спрашивал, а утверждал, и был уверен, что она отметила эту разницу.

— Нет, — она старалась не смотреть на меня, но получалось у неё плохо.

— Да, я же вижу. Ты обиделась. Только я не очень понимаю, чего ты ожидала. Что я завалю тебя прямо тут, на песке, добавив к гарантированной простуде ещё и застуженные почки? Тут по пути нет ни одной московской больницы, и я не уверен, что нам удастся достучаться до врачей в лечебнице этой Мамоны. Да и про более крупные города неподалеку тоже не уверен. Если ты руку сломаешь, то для таких случаев наверняка есть какой-нибудь травмопункт, а вот с почками придется терпеть до Москвы и вашей районной больницы. Я

могу сделать то, чего ты ожидала, а потом в Каменске посадить тебя на поезд обратно. Подойдет такой вариант?

Она глянула на меня, и я заметил в её глазах нечто, похожее на понимание.

— Постой, то есть ты не стал на меня нападать лишь потому, что подумал о возможных последствиях? — удивленно спросила она.

— Да, кто-то же должен.

— Тебе сколько лет, мальчик? — в другой ситуации я бы обиделся на такое обращение, но сейчас я был слишком расслаблен. — Ты не должен так думать, когда видишь голую женщину!

— Я тебя уже видел... голый, — напомнил я. — И ничего предосудительного не сделал.

— А должен был!! — она рубанула воздух рукой с сигаретой, оставив ярко-желтый след, который напомнил мне о скорых сумерках. — Должен!

— Ты это где-то прочитала или тебе подружки рассказали? — ядовито поинтересовался я, и она внезапно порозовела. — Люди все разные, кто-то думает одним местом, но большинство всё-таки предпочитают думать мозгами. Сейчас конец апреля, даже для этих мест холодновато, хотя тут и потеплее, чем в Москве. И нападать, как ты выразилась, я не собирался. Если у нас всё сложится... — тут мне пришлось набраться смелости, — ...я бы предпочел, чтобы наш первый раз случился на нормальной кровати в запертой на ключ квартире. Хотя бы для того, чтобы на твои крики не сбежалось всё население окрестных домов.

— С чего бы я должна кричать в такой момент? — она насупилась.

Тут я впал в небольшой ступор.

Я как-то подсознательно предполагал, что для Аллы секс — это нечто уж познанное и привычное. Девушка, которая пьянствует в чужих общагах, ходит на сейшены и была в отношениях с каким-то мажором — может, и не мажором, но пусть его, — по определению должна была давно расстаться с таким атавизмом, как девственность. Я ожидал от неё поведения опытной покорительницы мужских сердец и членов. И, похоже, ошибся. А ошибка в таких вопросах могла стать фатальной — не в том смысле, что она грозила бы мне смертью, а в том, что отвергнутые девственницы вполне могут спроецировать свою неудачу в охмурении выбранного кавалера на весь мир и захотеть свести счеты с жизнью. Честно говоря, я совершенно не закладывался на такой вариант и даже не предполагал, что в таких условиях нужно делать. Наверное, стоило всё-таки прояснить диспозицию, прежде чем ввязываться в это противостояние.

— Алла, мой вопрос может показаться тебе бестактным, но... ты уже занималась сексом? — прямо спросил я. — У тебя же был парень, ты рассказывала... и, наверное, не один...

— Да! — выпалила она.

А я понял, что она врёт. Безбожно, отчаянно, но врёт. И меня немного отпустило.

— Не обманывай меня, — попросил я. — Это действительно важно.

— Тебе-то какое дело? — она снова насупилась.

— Да обычное, — я пожал плечами. — Так сказать, личный интерес. Ты же вроде ожидала, что я тебя трахну прямо тут, на берегу этой великой реки? Так почему бы мне не поинтересоваться у девушки, которая так себя ведет, состоянием её, так сказать, организма? Ну чтобы в процессе не возникло ненужных коллизий.

— Ой как заговорил, — возмущенно воскликнула она. — Коллизий, надо же! Ты откуда

такие слова знаешь, первак из малых ебеней?

— От верблюда, — парировал я. — Я достаточно продвинут для своего возраста, уж поверь.

— И с девушками у тебя было? — сухо спросила Алла.

Вообще-то да, но...

— Нет. Не было.

Во всяком случае, в этой версии истории.

— Тогда откуда?..

— От верблюда, — повторился я. — Ал, хватит ходить вокруг да около. Ответь на простой вопрос — ты занималась сексом? Хоть в каком-либо его виде?

Кажется, она хотела уточнить про виды секса, но осеклась. А зря — возможно, я мог бы рассказать ей много интересно про то, чем могут заняться, например, две девушки.

— Н-нет.

Она выдавила из себя это короткое слово с большим трудом, словно признавалась в совершении страшного преступления. Правда, я не видел в этом ничего страшного — но я совершенно забыл, что это может значить в этом времени, а думать о таком мне было некогда. Кроме того, в восьмидесятых у меня не было друга-девушки, с которой мы могли быть откровенны, а обсуждать подобное с первой женой я не стал бы даже под страхом смерти. Хотя эта жена была из москвичей, и её мнение было бы ценным в данной ситуации.

Про девятностые я был в курсе. Тогда проблему возраста начала половой жизни обсуждали чуть ли не по всем телеканалам, хотя я не помнил, чтобы тамошние эксперты пришли к какой-то одной точке зрения. Кажется, они колебались между четырнадцатью и шестнадцатью годами для девушек, а юноши должны быть на год старше. Но я мог и путать — для меня это было давно, да и тема была не самой интересной, во всяком случае, для меня. Но основные моменты я запомнил.

Но как дела обстоят сейчас? На дворе 1984 год, единственный общесоюзный канал изо всех сил пропагандирует семейные ценности, а злобные киношники исподтишка гадят пропагандистам своими «Ирониями судьбы» и «Любовью и голубями». Впрочем, число разводов в СССР растёт, много неполных семей или семей, где отец — горький пьяница и лучше бы его не было вовсе. И эти обстоятельства закладывают паттерны поведения будущих поколений прочнее любых «ироний» и «голубей». До сексуального просвещения в школах дело ещё вроде не дошло, хотя про пестики и тычинки старшеклассникам рассказывают — на специально выделенном классном часе, Отдельно — девочкам, отдельно — мальчикам. Чтобы эти здоровые лбы обоего пола не хихикали как идиоты, когда речь идет о действительно важных вещах.

Я смутно помнил про программу «До 16 и старше...», в которой вроде был какой-то секспросвет — но, кажется, это случилось чуть позже, уже в перестроечные годы. До легендарной фразы «в СССР секса нет» ещё года два-три [2], и по воле случая именно эта максима стала той границей, после которой секс появился — как минимум, на телевидении и в кино.

— И ты этого стесняешься? — с напускным удивлением поинтересовался я.

Алла отчаянно кивнула.

— Брось, — махнул я рукой. — Ничего страшного или стыдного тут нет. В конце концов, не ты первая, не ты последняя.

Я постарался улыбнуться как можно доброжелательнее, и, кажется, это помогло —

Аллу слегка отпустило. Она и сама этого не заметила, но я имел наметанный глаз и увидел, что её поза стала чуть менее оборонительной и более расслабленной. Ещё чуть-чуть...

— Аллочка... — я сделал шаг вперед, но решил не провоцировать девушку и остановился. — Нам ещё ехать и ехать вместе, возможно, у нас с тобой даже будет возможность уединиться — если мы решим остановиться на ночевку. И если ты и тогда будешь не против, я тебе с удовольствием покажу, от чего женщины кричат в такие моменты. Тебе понравится, обещаю. А теперь поехали?

Она как-то обреченно кивнула, только я не понял — это было согласие с последним предложением или с обоими сразу. Мне нравилось думать, что с обоими.

[1] Михаил Шолохов умер 21 февраля 1984 года, и у Егора не было шансов с ним поговорить

[2] эту фразу сказала администратор гостиницы «Ленинград» Людмила Иванова 17 июля 1986 года во время телемоста между Ленинградом и Бостоном на тему «Женщины говорят с женщинами»

Глава 14. На ловца

До Шахт мы добрались около девяти часов вечера и только благодаря тому, что после купания в Доне Алла утомилась — правда, я не знал, радоваться этому или огорчаться. Она перестала требовать остановиться у каждого столба и начала подремывать, свернувшись клубочком прямо в кресле. Мое предложение сложить задние сиденья и обеспечить ей нечто похожее на большую кровать из наших вещей она отвергла безо всяких объяснений, но я и не настаивал.

Я же давил на газ так, словно за мной гналась стая бандерлогов — хотя, конечно, жигулевский движок сильно ограничивал мои возможности убежать от них. Мы остановились ещё разок, дозаправились в Каменске-Шахтинском, а в остальное время я видел только дорогу, подсвеченную тусклым светом фар «двушки», и почти физически ощущал, как километр за километром приближаюсь к своей цели.

В какой-то момент я поймал себя на ощущении, что это автомобильное путешествие начало меня раздражать. В моем будущем такое расстояние — всего-то тысяча километров — вообще не вызвало бы у меня затруднений. За смену по Москве, разумеется, столько не наездить, особенно без дальних заказов, но по хорошей дороге и на хорошей машине — почему бы и нет? И ничего не раздражало — разве что водители, что тупили по левому ряду, или грузовики, которые от скуки начинали играть в «пятнашки».

А тут вроде и машин на трассе было мало, и ехали мы относительно спокойно — если не считать причуд Аллы, — но меня начала бесить асфальтовая полоса, убегавшая куда-то за горизонт, а при виде любого препятствия на дороге хотелось схватиться за нож. Наверное, такое состояние лучше всего подходило для встречи с серийным маньяком, но она пока не случилась — и не факт, что случится в скором времени.

В общем, когда я увидел указатель на Шахты, я вздохнул с облегчением. Правда, я до последнего момента колебался — временами мне хотелось просто продолжить нашу поездку, найти подальше какую-нибудь деревеньку, остановиться у колодца и подремать до рассвета. Но прямо перед самым перекрестком я всё же решился, хотя вряд ли смог бы внятно объяснить, почему.

Шахты — город по советским меркам очень большой, в нем в то время жило больше двухсот тысяч жителей, которые в основном были как-то связаны с добычей полезных ископаемых. Почему именно тут зародился феномен под названием Чикатило, никто не знал — ни во время следствия, ни после расстрела убийцы причины его появления не были обнародованы. Психологи выдвигали различные теории, как из скромного пионера получился кровавый маньяк, но все эти теории не стоили бумаги, на которой были написаны. Они не содержали главного — каким образом можно предупреждать подобные явления.

Конечно, в анамнезе у Чикатилы было военное детство с кучей разных жестокостей, то ли выдуманная, то ли настоящая история съеденного во время голода старшего брата и что-то типа буллинга в школе. Но через нечто подобное прошли многие сотни тысяч советских детей, и никто из них во взрослом возрасте не начал отлавливать беззащитных жертв по лесопосадкам и удовлетворять через их смерть свои сексуальные фантазии. То есть тут было ещё что-то, о чем все книги и документалки про маньяка умалчивали.

Но в будущем меня эта тема интересовала постольку-поскольку, и я самостоятельно не

проводил никаких исследований, не читал многотомное уголовное дело и не беседовал с теми, кто близко знал Чикатилу. Тем более я не собирался заниматься чем-то подобным сейчас — у меня было очень мало времени, и я собирался всего лишь сделать так, чтобы возмездие настигло убийцу на несколько лет раньше. Глобальная история от этого измениться не должна ни на йоту — во всяком случае, я очень надеялся, что наш мир не вращается вокруг Чикатилы, иначе его и не стоило делать лучше.

Что вообще я знал об этом шахтинском маньяке? Полсотни жертв за двенадцать лет плюс ещё сколько-то трупов, которых следователи не сумели с ним связать. Вроде бы им впервые заинтересовались чуть ли не после первого убийства, улики и свидетели указывали на него, но потом кто-то словно отвел милиционерам глаза, и под расстрельную статью пошел другой человек — хоть и тоже преступник. А Чикатило, скорее всего, уверился в своей безнаказанности. Он резал людей и вокруг Шахт, и рядом с расположенным неподалеку Новочеркасском, и в областном Ростове, и даже гастролировал по некоторым регионам Союза, благо профессия снабженца позволяла ему совершать дальние путешествия.

Я помнил адрес, где этот товарищ обитал вместе со своей семьей, притворяясь примерным гражданином нашей родины. Помнил адрес небольшой лачуги, которую он купил и которую использовал для нескольких убийств — она находилась на самом берегу протекавшей через Шахты речки-вонючки. Кажется, уже в этом году Чикатила должен поступить на работу на какое-то ростовское предприятие. В конце года он снова попадет в поле зрения милиции, и его снова отпустят, потому что сейчас все местные следователи увлечены так называемыми «дураками» — умственно отсталыми ребятами, которые готовы взять на себя что угодно, даже убийство, если им покажут пальчик. А в следующем году он вместе с семьей окончательно переедет в Ростов, где его и повяжут через шесть, кажется, лет. Но всё равно его будут считать именно шахтинским упырем — хотя родом он откуда-то из-под Харькова, а в этом городке прожил лишь часть своей многогрешной жизни.

Проблема была в том, что все мои наполеоновские планы были пригодны только на то, чтобы оказаться в одном месте — в той самой, мягко говоря, пизде, которой Алла сегодня так заманчиво сверкала на пляже в городке Верхний Мамон. В моём будущем я бы давно заказал номер в гостинице по интернету и даже оплатил бы его; по приезду нас с Аллой ждал бы сытый ужин и пристойная кровать со свежим бельем. Я бы уложил девушку спать, а сам бы прогулялся по городу — навестил бы квартиру, в которой жил маньяк, а если его там не окажется — сходил бы и в ту мазанку на краю речки Грушевки...

Дальше мои действия скрывал туман войны, а согласно наиболее приближенной к реальности версии я должен был вызвать Чикатилу на разговор, изобразив из себя ревнивого мужа или ещё какого родственника одной из его многочисленных пассий. В читанных мною книгах этот товарищ представлял тем ещё ловеласом и имел любовниц во многих городах и кого-то из них, кстати, убил. Я не знал, сработает такой примитивный план или нет; мне придавали уверенность лежавшие в сумке нож и гвоздодёр. Я не задумывался о том, что буду делать, если мне придется убивать Чикатилу. Неосознанно я собирался вернуться в гостиницу и заснуть, но не был уверен, что смогу это сделать. К тому же тогда в полный рост вставала проблема с тем, куда девать его труп.

Несмотря на все просмотренные мною за многие годы боевики, я не был профессиональным киллером. С другой стороны, у этих киллеров всегда имелись деньги на их игрушки и было время, чтобы выяснить, в котором часу их «объект» ходит в туалет.

Деньги у меня появились только сегодня утром, а со временем был полный швах. Кроме всего прочего, я не помнил, в какие даты в 1984 году Чикатило убивал. Кажется, свою весеннюю норму он уже выбрал, но если я затяну с его ликвидацией до конца лета — например, смогу вырваться от родителей пораньше и найду билеты на юг, — то этот маньяк может убить ещё кого-то. А я собирался всеми силами этому помешать.

В принципе, что-то подобное интернет-бронированию будущего можно было проверить и в этом времени. У меня имелся «вездеход» от Михаила Сергеевича — неопределенное «содействие» можно было истолковать и как выделение комнаты в гостинице. Но для этого мне нужно было попасть в местный исполком, но я не был уверен, что в этот час там ещё кто-то есть. Хотя, возможно, некие ночные дежурные могли и присутствовать. Я проехал мимо здания городской администрации на улице Советской, но в нем на вид было темно и пусто. И идти проверять закрытую дверь мне не хотелось.

Я всерьез обдумал идею вломиться в местную гостиницу и сунуть администратору десятку в надежде, что она пустит двух усталых путников переночевать. Конечно, в этом случае понадобится не только десятка, но везение размером с Эверест, но попробовать мне никто не запретит. Осталось выяснить, где тут находятся эти гостиницы.

В итоге я просто припарковал машину на обочине улицы Ленина неподалеку от местного центра, и надолго замер, не снимая рук с руля. Алла сонно спросила про причину остановки, но я не ответил, и она снова заснула.

Мои раздумья прервал самый настоящий милиционер.

Я не заметил, откуда он появился — слишком был погружен в свои мысли. Наличие стража порядка, который вежливо, но настойчиво стучал в стекло с моей стороны, заставило меня запаниковать. Мне на секунду даже почудилось, что мои тайные планы стали известны какому-то экстрасенсу в страшном Кей-Джи-Би, и ориентировка на подозрительную пару, которая собирается совершить убийство в городе Шахты, дошла до самых отсталых отделов милиции. Потом я, конечно, успокоился, и стекло опускал почти не дрожащими руками.

— Младший лейтенант бромбрым! — милиционер произнес свою фамилию настолько нечетко, что мне показалось, что неподалеку кто-то заводит старый мопед. — У вас что-то случилось?

— Здравствуйте, — вежливо сказал я. — Нет, всё в порядке. Ехали с подругой на юг, в Анапу, но время не рассчитали. Думали найти в вашем городе какую-нибудь гостиницу, но что-то сразу ничего не попало, а спросить не у кого, — город действительно выглядел вымершим. — Вы не подскажете?

На всякий случай я сделал глаза, как у кота из не снятого пока «Шрэка», и милиционер купился. Ну или просто задумался.

— А подруга?.. — вышел он из ступора.

— А вот, спит, — я жестом пригласил его заглянуть в салон.

Он послушно глянул на спящую Аллу, удовлетворенно выпрямился и махнул рукой. В зеркале заднего вида я увидел, как в переулке зажглись фары. Оттуда медленно выехала желтая милицейская «копейка» и пристроилась позади нашей «двушки». Видимо, нас признали безопасными.

Из «копейки» выбрался ещё один милиционер. Я тоже решил покинуть нутро нашего автомобиля и оказался в окружении стражей порядка. Вновь прибывший был старше по званию, но ненамного — целый старший лейтенант. И фамилия у него оказалась такой же неразборчивой. Видимо, им специально так ставят дикцию в ихних школах милиции, чтобы

потенциальные преступники не могли вычислить, кто их поймал. Но я не стал настаивать и уточнять фамилии. Требовать предъявить документы тоже не стал — я был немного не в том положении, чтобы качать права. Это и в свободной России не всегда проходило, а в тоталитарном совке и вовсе могло окончиться познавательной экскурсией в КПЗ.

— Так где тут в вашем городе гостиницы? Жалко девушку, ей бы нормальную кровать, — сказал я.

— Что тут у нас? — лейтенант глянул на своего подчиненного, не удостоив меня взглядом.

— Туристы, на юга едут, решили у нас тут переночевать, — четко доложил младший.

— Понятненько... — лейтенант задумался. — Вряд ли вас в гостинице поселят, — В управление вчера целая делегация приехала, два вагона московского поезда тут выгрузили, они дальше пустыми пошли. Так что сейчас они все в наших отелях спят... ну или не спят... но вызовов не было... пока.

По его тону было понятно, что вызовы обязательно будут.

— Ага, — поддакнул младший, — Это московские как приедут, тут же по магазинам идут, как саранча, всё спиртное выметают. Продавцам хорошо — месячный план за день делают, а нам с ними потом что делать?

— В вытрезвитель определять? — я позволил себе схохмить.

Но милиционеры хохму в моих словах не увидели. Похоже, для них это действительно было большим вопросом.

— Какое там, — внезапно для меня махнул рукой старший — я думал, он не будет откровенничать с каким-то приезжим. — Нельзя их в вытрезвитель. Высокие гости, комиссия, город на ушах стоит, секретари горкома их сопровождают... Внушение только что сделать, а что пьяному то внушение?

Ну да, и тут кастовость и клановость. Только не по происхождению, а месту работы. У московских чиновников всегда была более белая кость, чем у тех, кто работал в областях и краях. Те были элитой второй свежести, а потому их тела прогибались перед столичными гостями даже в тех местах, которые не были предусмотрены природой.

— Так а где можно переночевать?

Я почему-то подумал, что искать дежурного по исполкому не стоит. Тот сейчас наверняка спаивает москвичей или и сам уже спился вместе со всеми своими начальниками и коллегами. «Вездеход» от Михаила Сергеевича в этом городе оказалось некому показывать. Если только завтра днём, когда они выпьют несколько бутылок «Боржоми» и банок рассола и заедят этот странный завтрак пригоршней аспирина. Но настолько задерживаться в Шахтах я не мог.

Я не знаю, на что я рассчитывал. По идее, милиционеры могли и не быть в курсе, где в их городе могут остановиться горе-путешественники — ну или выделить от щедрот кровать в той же КПЗ, только не закрытой на большой амбарный замок. С другой стороны, они могли знать какие-нибудь местные общежития, где вахтерша могла дать туристам — под гарантии двух стражей порядка — ключи от пустующей по каким-то причинам комнаты. Меня тянуло добавить, что нам с Аллой много и не надо — было бы где вытянуть ноги в горизонтальном положении, чтобы немного отдохнуть от полускрюченного сидения в вазовском салоне. Но я об этом говорить не стал. Наверняка они уже мысленно пролистали свои списки подобных мест на подведомственной территории и готовы вынести свой вердикт.

— Вряд ли, — серьёзно сказал лейтенант. — Нет таких мест в нашем городе. Но на

выезде из города есть место для отдыха автомобилистов, это сразу за Новосветлоским, вам через Каменоломни надо выезжать. С Ленина свернете на Революцию, это большой проспект, не перепутаете, ну а дальше по главным.

Спасибо, офицер, я всё понял. Тебе нужно спровадить непонятных людишек из города, чтобы не мозолили тут глаза и не мешали обеспечивать достойный отдых высокопоставленных москвичей. Интересно, там и в самом деле есть место отдыха или нас ждет максимум полянка с гравием и безо всяких удобств?

Сука, и что делать? Я был в двух шагах от своей цели! Где-то на краю сознания появилась предательская мысль, что если спрятать трупы этих ментов в багажнике их машины и загнать её поглубже во дворы, их не найдут до нашего отъезда из этого скорбного места. Я с усилием прогнал её, хотя мозг начал выдавать миллионы вариантов того, как это могло произойти — и ни одного, как мне убедить их предоставить нам возможность побыть в этих Шахтах ещё несколько часов.

Но милиционеров спасла судьба в лице младшего лейтенанта.

— Там ещё не открыли эту стоянку, только хотят к лету, — с сомнением сказал тот. — А эти на ночь глядя туда попрутся, ещё и свалятся в какую яму.

По лицу его напарника было видно, что он считал это приемлемым исходом — заниматься нами в случае чего будет совсем не городская милиция. Но человеколюбие в нем всё-таки осталось.

— В машине переночуете, — решил он. — Только не здесь, здесь не надо стоять. Не положено, — никаких запрещающих знаков я не видел, но спорить не стал. — Мы сейчас на Ленина, — это я и так знал. — Проедешь чуть дальше, свернешь направо на проспект Победы Революции, мимо не проедешь, он большой, по нему пару километров...

— Там справа автовокзал будет, мимо не проскочишь, — вмешался младший, на что лейтенант еле заметно поморщился.

— Да, автовокзал, — строго сказал он, выразительно посмотрев на подчиненного. — У него есть площадка небольшая, где можно машину поставить. Скоро последние автобусы придут из Ростова и Новочеркасска, а потом всё, никто до утра не побеспокоит. В автовокзале и туалет есть, успеете воспользоваться.

Лейтенант, наверное, просто убирал возможную проблему на территорию соседнего городского района — правда, я не был в курсе, какое в Шахтах было административное деление. А заодно давал совет, как не запалиться перед другими патрульными машинами — если они тут есть. Ну и немного помогал путешественникам.

Для меня же эта помощь была совсем не в кассу. Семья Чикатилы жила совсем в другой стороне, ближе к железной дороге и станции. Да и до лачуги на той самой Межевой улице от автовокзала было далековато. Но вообще я попал в патовую ситуацию и особого выбора, как действовать, не имел.

Игнорировать советы стражей порядка было нельзя — они могут, например, в конце смены завернуть к автовокзалу и проверить, воспользовались ли мы бесплатным кемпингом. От милиционеров всего можно было ожидать, тем более в этом регионе, который уже шесть лет терроризирует Чикатило. Они могли и «срисовать» меня — хотя, в принципе, даже не проверили документы; но я не исключал, что номера нашей «двушки» уже были записаны в какой-нибудь блокнотик — просто на всякий случай.

И если я оставлю Аллу на стоянке, а сам пойду разбираться с маньяком, то потом, когда тут найдут труп невинно убиенного снабженца одной из контор, то о странных туристах

обязательно вспомнят. Скорее всего, доказать ничего не смогут, но нервы потреплют основательно. А могут и пресс-хату устроить, как тому несчастному, что своей жизнью расплатился за первое убийство, совершенное Чикатиллой. Я читал, что нужные показания местные менты буквально выбили — и не только у него, но и у его жены. Мне бы не хотелось, чтобы Алла проходила через такое, да и самому как-то не улыбалось оказаться в беспощадных жерновах равнодушной машины советского правосудия.

Но ничего из этого я милиционерам, разумеется, не сказал. Лишь поблагодарил — отчаянно, от всей души, — вернулся за руль и поехал искать автовокзал.

— Мы уже едем? — Алла проснулась как раз у нужного поворота.

— Нет ещё. В гостиницах нет мест, но милиционеры дали наводку на неплохое место, где можно переночевать в машине. Сейчас доедем, сложим сиденья, накидаем наших тряпок и поспим немного. А утром двинемся дальше, — поделился я. — Хотя, наверное, стоит задержаться до открытия магазинов. Хоть пирожков каких купим свежих.

Наши запасы продуктов закончились ещё до купальной остановки, а ехать нам оставалось часов восемь — по самым скромным прикидкам. Конечно, впереди были Ростов-на-Дону и Краснодар, в которых можно было прибарахлиться. Но если мы сделаем это в Шахтах, нас никто не осудит.

— А нам далеко до этого места?

— Нет, уже почти доехали.

Автовокзал действительно сложно было пропустить. Высокое стеклянное здание с дорожками для автомобилей и большим пространством за ним, на котором сейчас спали «Икарусы», «Лиазы» и небольшие «Пазики». Само здание тускло светилось, а через большие окна я увидел работающее окошко с надписью «Кассы» — кому оно могло понадобиться в столь поздний час?

Слева от здания вокзала нашлась и парковка для машин — не слишком большая, но совершенно пустая. Сразу за ней начинался частный сектор — там не было никакого освещения, всё было погружено в кромешный мрак, и было сложно различить отдельные дома и строения.

Я остановился почти вплотную к стене вокзала, заглушил мотор и вытолкнул сонную Аллу на улицу.

— Внутри туалет должен быть, если нужно — сходи, иначе придется прямо тут, попой в лопухи.

Девушка буркнула что-то неразборчивое и пошла в указанном направлении. А я начал разбирать задний отсек нашего пепелаца — перенес канистры вперед, перед пассажирским сиденьем, на него же свалил наши сумки, сложил всё, что нужно было, и накидал сверху нашу одежду и уже подсохшие полотенца. Мы, конечно, замерзнем за ночь, но я собирался не лениться и встать пару раз, чтобы прогреть салон. Спать при работающем двигателе я не собирался — считал это слишком опасным. Всё же машины сейчас не настолько юзер-френдли.

Эти заботы поглотили меня почти полностью. Я лишь заметил, как вернулась Алла, и подумал, что она не стала участвовать в подготовке нашего первого гнездышка. Ну и ладно.

— Как заведение? Не слишком грязно?

Общественные сортиры и в моём времени могли быть все в продуктах жизнедеятельности человека, а уж в этом времени мало кто был способен сделать свои дела в положенную дырку. Во всяком случае, у нас в институте уборщицы регулярно жаловались

начальству на студенческие шалости — если, конечно, засирание туалетов можно было так назвать.

— Да не, вполне сносно. Но дома лучше, — ворчливо ответила Алла.

— Понятно, что дома лучше, но ты сама решилась на этот трип, так что терпи?

— На что я решилась?

— Трип... путешествие... Ты же вроде языки учишь?

— А, — она понятливо кивнула. — Учю, конечно, но это переключаться надо, а я спать хочу.

— Тогда залезай и спи, — почти приказал я. — Я покурю, потом составлю тебе компанию.

Алла не сразу устроилась. Длина багажника «двушки» даже со сложенными сиденьями была меньше, чем рост нормального человека, наклоненные вперед спинки передних сидений не спасали — воспользоваться ими мешал бортик из задней сидухи. Алла копошилась, пытаясь найти нужную позу, ворочалась и тяжело вздыхала. Я её понимал — скорее всего, ей не приходилось в последнее время ночевать в полевых условиях, а хорошая уютная кроватка быстро приучает к хорошему. Я и сам скучал по своему общагскому панцирному недоразумению с тонким невесомым матрасом, из которого местами торчала древняя вата. С окружающей действительностью меня примиряло только то, что я находился в миссии, и считал эту миссию очень важной не только для себя лично, но и для всего человечества.

У Аллы такой миссии не было, но, видимо, её грела мысль о завтрашнем свидании с морем. Конечно, Черное море в начале мая ещё не предполагает долгих плесканий, но вот позагорать мы и в самом деле можем — если погода будет климатить. Пока что нам везло.

Но у Аллы запас прочности оказался низким. Подремывание в дороге, наверное, не смогло её удовлетворить, и в какой-то момент она утомилась замерла, свернувшись калачиком и максимально поджав ноги. Я же не спеша докурил сигарету, прикурил вторую. И в это время к станции подъехал ещё один желтый «Лиаз», из которого начали выходить пассажиры — много, много пассажиров.

Я смутно помнил трудности, которые испытывали пассажиры общественного транспорта в этом времени. В моем будущем какие-то проблемы тоже имелись, но в целом не самые большие — на больших табло можно было посмотреть, когда придет нужный автобус или троллейбус, и если ждать нужно было долго, продумать альтернативный маршрут. Например, вызвать такси, не махая руками на обочине, как сумасшедший, а просто нажав пару кнопок в телефоне; я и мои коллеги обычно приезжали быстро, да и стоили наши услуги совсем не безумных денег.

Сейчас же тот, кому надо было попасть из точки А в точку Б, шёл на остановку и надеялся на лучшее. Например, на то, что автобус не только что отошел, а следующий придет бог знает когда; или на то, что ни одну машину не снимут с маршрута из-за поломки или чтобы обеспечить какое-нибудь срочное мероприятие горкома партии. Бывали и такие случаи — старшие товарищи могли многое рассказать о том, как работалось в автотранспортных предприятиях в советское время. Ну и ломались все эти изделия советского автопрома регулярно, не выдерживая нечеловеческих нагрузок — им постоянно приходилось ходить под предельной нагрузкой, поскольку народ в них набивался как кильки в банку.

Вот и этот усталый «Лиаз» был набит под завязку. Табличку с маршрутом я не увидел,

но предполагал, что это вернулись домой те, кто работал в Новочеркасске или ещё в каком городе неподалеку. Помнится, отец рассказывал, что у них на заводе были вынуждены купить собственный автобус, чтобы возить работяг из окрестных сел — иначе они постоянно опаздывали, а городские жители не особо горели желанием идти в горячие цеха. В Шахтах вроде с рабочими местами всё должно было быть в порядке, но я понимал, что не каждый человек способен запросто отправиться на стометровую глубину и в поте лица давать стране угля. Я как-то уже в зрелом возрасте спустился под землю и понял, что гнома из меня не выйдет — единственным моим желанием было как можно скорее оказаться на поверхности, а сердце бешено колотилось от любого странного звука, которых там было в избытке. Так что я понимал тех шахтинцев, которые готовы были ездить куда угодно на этом желтом чудовище, лишь бы не чувствовать над головой многие тонны земли и камней.

Впрочем, разгрузился автобус быстро — сказывалась сноровка привычных ко всему пассажиров и относительно широкие двери. Люди разделились на ручейки и отправились к своим домам — кто-то по направлению в центр, а кто-то пошел вглубь низкой застройки на другой стороне улицы. Они шли кучками, что-то обсуждали, курили. И, кажется, многие были навеселе, но это не мешало им бодро переставлять ноги, неся тело к теплой кровати.

Я отбросил окурок, достал, стараясь не слишком шуметь, полотенце и зубную пасту, и отправился проверить местный сортир на предмет удобств. Ничего необычного там не было — небольшой закуток с парой кабинок и замазанным окошком под потолком, ржавая железная раковина и кран, который безбожно протекал сразу в двух местах. Но я сумел сделать свои дела, умылся и почистил зубы, тщательно вытерся и поплелся обратно. Окошко кассы уже закрылось, но свет за большим панорамным стеклом ещё горел.

По дороге к машине я вяло размышлял о будущем — сразу лечь спать или же ещё разок отравиться никотином. В надежде, например, что меня осенит, каким образом всё-таки сделать то, ради чего я завернул в этот мерзкий город. Но я особо не рассчитывал на своё вдохновение. Я думал об этом всю дорогу от Москвы и ещё почти две недели до отъезда. И ничего не придумал. К тому же я вдруг понял, что боюсь. Боюсь, что если я всё-таки пойду по известным мне адресам, то в какой-то момент окажусь перед сложным выбором — стану убийцей, чтобы остановить убийцу, или же отпустить преступника с миром. Ни тот, ни другой путь мне не нравился, и я всеми силами не хотел выбирать. В конце концов, можно просто написать анонимку в главную прокуратуру в Москве, где подробно расписать, кто несет ответственность за серию убийств по всей стране. Впрочем, эта опция была у меня давно, но я почему-то ею не воспользовался. И я знал, почему. Мне не хотелось делиться знанием о будущем ни с кем. Но и сам воспользоваться этим знанием я боялся.

Курить я не стал. Я подошел к нашей «двушке», открыл дверь — и похолодел.

Аллы на месте не было.

В неверном свете от автовокзала я хорошо видел место, где она должна была быть — небольшое гнездышко, в котором как раз могла разместиться маленькая девушка. И всё. Никаких намеков, где она и куда могла отправиться. Я затравленно оглянулся по сторонам — и увидел, как на той стороне улицы идут двое. Они быстро приближались к совершенно темному проходу между двумя приземистыми зданиями — кажется, это были какие-то гаражи, но я мог и ошибаться.

Один из них был низеньким, его силуэт был темным, но я сразу уверился, что это Алла. А вот её спутник...

Он был чуть повыше, одет, если судить по силуэту, в какое-то длинное пальто и шляпу, а

в правой руке нес сумку. И этих деталей мне хватило, чтобы понять — я хорошо его знаю, хотя никогда не видел его живьем, только на фотографиях и на кадрах архивной хроники. Это был тот, ради кого я завернул в этот забытый богами город. И он вёл мою Аллу в какое-то очень нехорошее, темное и укромное место, а она покорно следовала за ним.

Глава 15. На том бережочке

Первым моим побуждением было завопить во всю глотку, чтобы докричаться до Аллы и до всех возможных свидетелей сразу. Возможно, она бы услышала — до этой сладкой парочки было метров сто, может, чуть больше. Но я не мог предсказать, как после моего крика поведет себя Чикатило, который уже вышел на охоту и даже поймал себе добычу, да и времени на предсказания у меня не было. Я не исключал, что он просто достанет нож, воткнет его в Аллу и скроется в темноте. Возможно, его и поймают подоспевшая милиция, особенно если я намекну, кого именно ей надо будет искать. Но решать проблему с маньяком ценой жизни однажды спасенной мною девушки я не хотел.

Полотенце, зубная щетка и паста выпали на асфальт парковки. Я рванул на себя дверь «двушки», каким-то чудом сумел сразу найти свою сумку с оружием, зацепился ремнем за что-то, дернул, освободил, попытался закрыть машину, но, кажется, смазал толчок и замок не щелкнул. Меня это не остановило — я уже бежал туда, где видел девушку и Чикатилу, а о том, что «двушку» могут угнать, в тот момент думать не мог.

На освещенном пространстве никого уже не было, но когда я перебежал через улицу и подошел вплотную к зданиям, то увидел уходящую куда-то вглубь квартала протоптанную тропинку. Там уже было темно, бежать я не мог, но шел быстро, стараясь не сильно шуметь и уловить хоть какой-нибудь звук — чтобы понять, что Алла ещё цела. Но моё сердце билось как запертый в клетке бешеный зверь, в висках стучало — в другое время я бы уже узнал симптомы, которые в моем прежнем возрасте потребовали бы вызова «скорой», потому что с сердцем не шутят. Но сейчас я был молод и мне было не до «скорых» и не до сердечных проблем. Прямо на ходу я открыл сумку и достал гвоздодер, удобно перехватив его за ручку из синей изоленты, которую намотал во время одной из остановок. Ножи всем хороши, но бегать с ними на тёмных тропинках не рекомендуется категорически.

Больше всего меня бесило, что я не понимал, куда направляется Чикатило. Наверное, через эту промзону можно было срезать путь до Советской улицы, от которой и отходил тот самый Межевой переулок, но бродить тут по темноте, спотыкаясь и высматривая препятствия всё равно было дольше, чем идти по относительно хорошо освещенным центральным улицам. Но какие-то пассажиры того «Лиаза» направлялись именно сюда; они, конечно, уже далеко и вряд ли помешают маньяку совершить то, ради чего он потащил Аллу в это место. В том, что Чикатило собирается убить девушку, я не сомневался.

Я прибавил ход и тут же запнулся о какую-то невидимую кочку — благо, советская промышленность выпускала очень прочные ботинки, так что было не очень больно. Я почти бежал, отчаянно боясь, что уже опоздал, что Чикатило сделал своё черное дело, отбросив тело жертвы куда-то в кусты — и я уже проскочил мимо. Мой живот крутило и корежило, я был весь покрыт липким потом, но не останавливался в отчаянной надежде на какой-то неясный, но благоприятный для нас исход.

И когда я совсем потерял надежду догнать хоть кого-то, я внезапно увидел тех, за кем бежал. Тропинка не была прямой — она поворачивала направо и налево, с одной стороны её подпирали какие-то бетонные заборы, с другой — густые кусты, и после очередного поворота впереди мелькнуло пятно света. Светил фонарь с закрытой забором территории; что он должен был освещать, я не знал. Но сейчас он подсвечивал мне Чикатилу и Аллу.

Они зачем-то остановились, и маньяк что-то оживленно рассказывал Алле, а та

внимательно слушала и даже кивала головой. На Чикатиле было длинное темное демисезонное пальто и не шляпа, а цигейковая шапка с горбиком наверху; он был в очках с толстой роговой оправой, а в руке держал сумку — самую обычную на вид, с длинными ручками. В моем будущем такие сумки считались экологически чистыми, их призывали использовать для походов в магазины как замену загрязняющим окружающую среду полиэтиленовым пакетам. Я тряхнул головой, прогоняя дурные мысли о сумках, и остановился на границе между светом и тьмой.

Я опять не знал, что мне делать. Наверное, стоило просто выйти, предварительно убрав гвоздодер в сумку — так я сломаю тщательно выстраиваемую Чикатилей мизансцену, при мне он не сможет напасть на девушку. Или сможет? Черт их знает, этих маньяков. Впрочем, конкретно этот старался убивать своих жертв так, чтобы рядом никого не было, чтобы никто не мешал ему получить от убийств ещё и сексуальное удовлетворение. Но когда он мысленно, наверное, всё совершил и, удовлетворенный, отправился отдыхать от трудов несправедливых, — как он себя поведет? Я не мог ответить на этот вопрос. Хотя нарушить уединение этой парочки, возможно, стоило.

Обдумать другие варианты я не успел. Чикатило ударил первым.

Он уронил сумку, сделал очень длинный шаг вперед и схватил обеими руками шею Аллы. Девушка от неожиданности отшатнулась, но он держал крепко; она приглушенно захрипела, но потом он, видимо, сжал пальцы сильнее, и она забилась в его хватке, руками вцепилась ему в запястья, а ногами попыталась пнуть его. И в какой-то момент просто повисла в воздухе. Чикатило явно не был культуристом, долго тяжесть даже небольшой девушки удержать не мог — и они завалились на землю, Алла ещё раз коротко вскрикнула — наверное, хватка ослабла — и снова захрипела. А он начал наваливаться на неё всем телом, пытаясь ограничить свободу и зафиксировать жертву.

Я начал бежать сразу, как только Чикатило шагнул вперед, хотя едва не пропустил этот момент. Всё произошло внезапно — вот он улыбается, что-то рассказывает, слова так и льются из его рта, а уже в следующее мгновение замолкает, его лицо превращается в страшную маску, а движения приобретают некую неотвратимость. Он преобразился в нечто ужасное, что постоянно тренируется в убийствах и оттачивает навыки в каких-то неизвестных местах. Но я знал, что это не так — этот недочеловек даже спортом толком не занимался, да и лет ему было уже под полтинник. «Мистер Хайд...», — мелькнула у меня в голове странная мысль.

Я добрался до места схватки буквально за пару ударов сердца. У меня не было возможности обдумать, куда и как бить, я действовал по наитию — прямо с разбега, левой ногой, хорошенько двинул Чикатилу по ребрам. Он хрюкнул, подскочил, но горло Аллы отпустил не до конца — хотя девушка снова смогла вскрикнуть. Я не стал бить ногой ещё раз. Решительно махнул гвоздодером, лишь в самый последний момент повернув его так, чтобы не попасть в висок острым концом. Удар вышел немного смазанным, но своей цели я достиг — Чикатило молча рухнул прямо на девушку и, кажется, потерял сознание. Ещё одним ударом в ребра я сбросил его вбок и сам упал на колени рядом с Аллой.

Глаза девушки были готовы выскочить из орбит, в них плескался первозданный ужас. Наверное, она хотела кричать — громко, на весь город, как обычно кричат жертвы внезапных нападений. Но не могла, лишь кашляла, прочищая горло, которое только что яростно сжимали чужие и сильные руки.

Но она была жива. Я второй раз за время нашего недолгого знакомства спас ей жизнь.

Правда, на этот раз я был виноват в том, что она оказалась в опасности, но я некстати подумал, что тут очень хорошо подходит поговорка о том, что тот, кому суждено быть повешенным, не утонет. Это был слишком черный юмор даже для меня.

Я дотронулся до её щеки.

— Всё хорошо, котёнок. Мы живы. И нам ничего не угрожает.

Ни одну из своих жён и любовниц я не называл уменьшительными названиями животных и предметов. Никаких «солнышек», «зайчиков» и прочих ми-ми-ми. С детьми я тоже старался общаться по-взрослому и сюсюканья не любил, за что меня частенько ругали их матери и бабушки. Но тут я почему-то был уверен, что «котёнок» будет вполне к месту.

— К-котёнок? — она говорила с трудом и не то, что нужно. — П-почему котёнок?

— Потому что ты мелкая и милая, — я улыбнулся. — Ты зачем с ним пошла?

Тут Аллу прорвало. Она разрыдалась — но хотя бы не слишком громко. А я пообещал богам жирного теленка, если она не будет кричать на весь город. Я гладил Аллу по перепачканным в земле волосам, бормотал слова утешения, а сам глядел на тело Чикатило и был мыслями очень далеко от этой темной тропинки в промзоне города Шахты.

По-хорошему, Чикатилу надо было добить — окончательно и бесповоротно. Это было бы правильно и, пожалуй, даже милосердно. Но я вновь вспомнил про уголовный кодекс, заветы которого я не хотел нарушать слишком сильно. Вместе с атласом автодорог я прикупил и УК РСФСР — он действовал ещё с 1960 года, хотя и с многочисленными изменениями и уточнениями, — и прочитал соответствующие статьи. Убийство это сто вторая, «мокрая», статья, которая предполагала очень суровые наказания для убийцы — от восьми до пятнадцати лет тюрьмы, в некоторых случаях — расстрел. Именно по сто второй расстреляли одного из не причастных к убийству девочки, совершенному Чикатилой шесть лет назад.

Правда, я мог настаивать на том, что просто защищал себя и свою девушку. Это статья сто пятая, то есть убийство при превышении пределов необходимой обороны. Наказывают за такое убийство не слишком строго — всего лишь лишением свободы на срок до двух лет. Но превышение пределов придется очень долго и муторно доказывать, и вряд ли у меня получится — свидетелей нет, только мы с Аллой, которые лица заинтересованные.

Был ещё один вариант, самый козырный из всех — на случай, если всё-таки придется оказаться гостем нашей доблестной милиции в качестве обвиняемого. Я мог сообщить следователям, что убитый и был тем маньяком, которого они искали несколько лет, и они будут вынуждены это проверить. Ну а чтобы они проверяли получше, я всегда могу сказать, что об этом мне сообщил сам Чикатило, который также называл ментов земляными червяками, поскольку они не могут поймать его столько времени. Ну а я после этих откровений впал в состояние сильного душевного волнения и почти не контролировал свои действия, тем более что он угрожал ножом Алле. Это уже не сто вторая и даже не сто пятая. Это совершенно либеральная сто четвертая статья, по которой мне могут скостить срок до двух лет исправительных работ. Тоже не бог весть что, но всяко лучше расстрела.

Но больше всего я был склонен к тому, чтобы встать, забрать Аллу и уйти отсюда как можно быстрее, а потом также быстро покинуть негостеприимные Шахты, оставив Чикатилу разбираться с собой, своей жизнью и своими будущими жертвами самостоятельно. Возможно, мой удар по его черепу перемякнет какие-нибудь нужные извилины, и он встанет на путь исправления — надежды на это, конечно, мало, но чем черт не шутит.

Сказать «убью» очень легко, в быту эту угрозу можно услышать постоянно. Даже самые

добрые люди готовы «убить» ребенка за порванную одежду или «двойку» в дневнике, они «убивали» своих мужей и жен и безобидных домашних животных вроде котов и собак. Обычно в запале, во взвинченном состоянии, без намерения выполнить угрозу. Ну или в пьяном кураже — хотя тут-то как раз дистанция между угрозой и её воплощением в жизнь оказывалась минимальной, если верить полицейским хроникам.

Когда я размышлял о том, что нужно остановить Чикатилу, я как-то упустил ту часть этого процесса, которая предполагала убийство. Я не был убийцей; мало кто был. Сколько там убийств было по всей стране в эти годы — пятнадцать тысяч, двадцать? Я точно не помнил, хотя где-то эту статистику видел. Доли процентов от трехсотмиллионного населения. И, кстати, вот этот бессознательный садист, которого я фактически приговорил к смерти, был ответственен всего за считанные доли этой страшной статистики. Если его не станет, никто и не заметит изменений — хотя я точно буду знать, что спас несколько жизней.

Это должно было придать мне решимости. Но в самый ответственный момент я остановился, задумался не о преступлении, а о наказании. И потерял инициативу.

Я не заметил, как Чикатило пришел в себя. Наверное, какое-то время он лежал в прежней позе, лицом от нас с Аллой, и оценивал обстановку, слушая всхлипывания девушки и моё бормотание. А потом начал действовать. Он рывком отодвинулся подальше и поднялся на ноги. Он прижимал левую руку к ребрам, на которые пришелся удар моего тяжелого ботинка, а в его правой руке блеснуло лезвие ножа. Самого простого, кухонного, с тонкой неудобной ручкой и с лезвием, которое наверняка было хрупким — хотя его острый кончик наводил на грустные размышления. Таким ножом, если он заточен хорошим мастером, наверное, можно легко перерезать горло жертве — чем Чикатило не раз пользовался. Скорее всего, он хорошо знал достоинства и недостатки своего оружия.

Я оказался на ногах с первым его движением. Теперь я спиной прикрывал Аллу и мог не опасаться за её жизнь. У меня в руке удобно лежал гвоздодёр — острым концом наружу, что делало его грозным оружием. Не ножом, конечно, но опасным при любом контакте с мягкой человеческой плотью. Я отбросил сомнения. Раз уж Чикатило решился на схватку, то всё должно закончиться так, как суждено. Вот только...

— Алла, — прошептал я, и Чикатило зыркнул на меня своими безумными глазами. — Алла!

— Что?

Она уже почти не хрипела — судя по всему, маньяку не удалось повредить её горло слишком сильно. Но всё равно нам нужно было заглянуть в ближайшую аптеку, чтобы найти там какую-нибудь мазь от ушибов — не дело девушке ходить с синяками на шее. В будущем такие были, я знал это точно, но что сейчас предлагают, надеялся выяснить как можно скорее.

— Алла, прошу. Ничего не спрашивай. Вставай и уходи отсюда обратно к машине.

— Егор...

— Алла! Просто иди. Тут очень опасно. Вернись к машине.

Не знаю, что на неё повлияло больше — недавнее нападение или мой тон, который в какой-то момент стал угрожающим. Но я буквально затылком почувствовал, как Алла поднялась с земли, попыталась очистить свою одежду, быстро отказалась от этой идеи и начала отступать назад.

— Быстрее, Алла! — приказал я.

И она послушалась. Я дождался, когда её шаги затихнут вдалеке.

— Ну что, Андрей Романович, не вышло сегодня подрочить?

На лице маньяка промелькнуло удивление — он был не в силах понять, откуда я знаю его имя и отчество и почему осведомлен о его милых привычках.

Я смотрел на него и не мог отделаться от мысли, что всё это какой-то дурной сон. Вблизи Чикатило выглядел настоящим уродом — по любым меркам, не только по моим, сформированным благодаря знакомству с его преступлениями. Отталкивающие черты лица, перекошенные очки в роговой оправе, сальные волосы, какая-то мерзкая одежда... как, ради всех святых, женщины соглашались спать с ним? Что он им обещал за секс? А я ведь точно помнил, что некоторые жертвы сами шли с ним в укромные места, чтобы предаться там греху похоти.

Но это был даже не десятый вопрос, который я хотел выяснить. Впрочем, я уже передумал с ним разговаривать. Мне стало неинтересно, откуда он взялся, как дошел до жизни такой и почему не мог вести себя подобно миллионам других жителей Советского Союза. Я видел его преобразование в момент атаки на Аллу, помнил свою мысль про «мистера Хайда» — альтер эго вполне законопослушного доктора Джекилла из романа Стивенсона. Это раздвоение личности, похоже, имело место и в данном случае — в момент убийства Чикатило становился совсем другим существом, который легко подавлял волю своих жертв и мог не опасаться серьезного сопротивления. Во время следствия он никому не показал свою вторую личность; эксперты не смогли установить, что убивал, насиловал и глумился над трупами не скромный снабженец, а очень опасный зверь. Я не исключал, что Чикатиле неосознанно нравилось быть этим зверем, и он сам периодически выпускал его из клетки, выискивая всё новых и новых жертв. Но даже если всё было совсем не так, это не имело ровно никакого значения. Чикатилу следовало остановить в любом случае.

Сейчас напротив меня стоял не «мистер», а «доктор». Тот самый снабженец, который, правда, прекрасно осознавал, почему у него болят ребра и голова, и что я знаю про его внутреннего зверя, которого он нежно любил и кормил при первой же возможности. И этот снабженец не был в полной мере обычным человеком — за годы сожительства со зверем он научился у него слишком многому. Зверем, правда, ещё не стал, но, возможно, это были свойства его психики — обычный человек не выдержал бы долгого контакта с другой стороной нормальности и очень быстро оказался бы в психушке. А Чикатило как-то сумел договориться о совместной охоте. И этот симбиоз мог продолжаться вечно.

Во всяком случае, маньяк не хотел отдавать «свою прелесть» какому-то незнакомцу. То, что этот незнакомец знал его небольшую тайну, ничего не меняло — он был помехой и должен был умереть. Ну а потом, наверное, можно догнать и ту молодую тёлочку, чтобы закончить начатое. Подрочить, как сказал этот будущий мертвец.

Я буквально читал все мысли, которые бурлили в ушибленной голове Чикатило — они наглядно проявлялись на его лице и не были для меня тайной за семью печатями. Он твердо решил убрать меня со своего пути, а потом... впрочем, для того, чтобы потом наступило, ему надо было победить меня.

Чикатило принял нечто похожее на боевую стойку из борьбы бартитсу, в которой профессор Мориарти сражался против Шерлока Холмса в советском фильме. Кажется, эта часть уже вышла [1], так что маньяк, который проводил большинство вечеров перед телевизором, как и все советские люди, мог быть и знаком с этим шедевром советского кинематографа.

Я стоял расслабленно, левым плечом вперед, опустив руку с гвоздодером вниз. В драке с ножами и другими острыми предметами нет освященных вековыми традициями правильных стоек — они подходят для фехтования, да и то не для каждой ситуации. У холодного оружия одно правило — любая поза будет неправильной, если противник сумеет нанести удар. Я всё ещё не принял окончательного решения, и поэтому не достал из сумки свой тесак; где-то на задворках моего сознания оформлялась идея ещё разок оглушить Чикатилу и сдать его местной милиции вместе с заявлением о нападении на Аллу. Это займет его на несколько месяцев, а то и лет. Ну а если местные менты окажутся дотошными и проверят Чикатило на причастность к старым убийствам, то расстрел ему гарантирован. Но эта мысль не успела оформиться до конца.

Тот «афганец» говорил, что во время боя нужно внимательно следить за ножом противника. Потом нужна хорошая реакция, чтобы увернуться, и ещё раз реакция, чтобы суметь ударить в ответ. Собственно, в этом и заключалось моё обучение — он бил меня пластмассовой игрушкой, я уворачивался и бил в обратку. По большей части мои «ответы» улетали в молоко, «афганец» злился и напоминал, что если враг будет махать своей острой железкой достаточно долго, то когда-нибудь точно попадет. Я в это верил безоговорочно, но ничего с собой поделывать не мог, у меня была сидячая работа и нетренированные суставы. Тогда-то этот «афганец» и предложил мне просто заучить пару движений и применять их в случае реального столкновения, а я с благодарностью последовал его совету. Движения я, конечно, заучил, но мне они до сих пор были не нужны, бог миловал.

Моя молодая версия, конечно, имела гораздо меньше проблем с суставами, и, наверное, после нескольких месяцев тренировок я смог бы удовлетворить жестким требованиям того «афганца». Но у меня не было месяцев; у меня было чуть меньше недели регулярной утренней гимнастики и пара достаточно сумбурных тренировок в лесу рядом с общагой, во время которых я сумел лишь примериться к ножу, чтобы тупо не выронить его в самый ответственный момент. Приемы я, разумеется, повторил — хотя без спарринг-партнера не мог даже прикинуть, правильно ли я всё воспроизвел. Возможно, я ошибался.

В общем, я вышел на самый ответственный экзамен в своей новой жизни практически без подготовки. Если проводить аналогии с институтом — я шел сдавать предмет, о котором когда-то поговорил с аспирантом, а перед самым входом в аудиторию небрежно полистал учебник. Именно поэтому сейчас у меня в руке был не нож, а гвоздодёр. Если бы у меня имелся выбор, я бы предпочел велосипедную цепь — с ней у меня было меньше шансов ошибиться. Но в отсутствии гербовой пишем на обычной, как говорил один из моих начальников.

И ещё — я почему-то совершенно не волновался.

Очки с Чикатилы свалились окончательно, он близоруко щурился, отчего его лицо приняло совершенно звериное выражение. В каких-то книгах его называли симпатичным, но я считал это некой разновидностью постправды — он выглядел весьма отталкивающе и на кадрах из зала суда, и на фотографиях. Он никогда не занимался спортом, но сохранил худощавую фигуру, не пил и не курил. И всё равно он был слишком старым, и его отсчет уже был запущен, хотя в моей прежней истории он промахнулся лишь через шесть лет.

Я заметил, что он прыгнул, по дерганному движению ножа. Это не было выпадом в его классическом значении. Чикатило просто шагнул ко мне, так и не разогнувшись до конца, и мазнул своим ножом туда-сюда, целя мне куда-то в область живота. Я сделал шаг назад, пропустил лезвие мимо, шагнул вперед, зафиксировал плечо его руки с ножом, резко

сократил дистанцию и снова ударил гвоздодером по голове. Чикатило снова свалился без чувств, но он всё ещё был жив. Я снова в последний момент повернул своё оружие и ударил плашмя. Его нож отлетел куда-то в сторону, и я грустно проводил его глазами.

Я действительно не принял окончательное решение. Но убийство и не было решением. Убийство было лишь началом. Оно создавало множество проблем, с которыми я не знал, что делать. Например, я не знал, где спрятать труп.

В большинстве детективов самая большая проблема для убийцы — это избавление от трупа своей жертвы. Писатели и сценаристы словно играют в игру, кто придумает самую невероятную ситуацию. В реальной жизни всё проще, потому что убийства обычно случаются внезапно для всех действующих лиц этой трагедии, а потом в дело вступают рефлексy, которые подталкиваются неожиданного убийцу сбежать как можно дальше. У профессионалов другой подход, но мне всегда казалось, что утопление с ногами в тазике с цементом, которое практиковали американские мафиози, было жутко непрактичным. Всё-таки цемент не та субстанция, которая застывает мгновенно. Более надежным выглядит обычный бетонный блок, привязанный проволокой к телу несчастного; впрочем, не у всех есть наготове достаточно тяжелый бетонный блок.

У нас в девяностые уголовный народ тоже извращался по всякому — труп кого-то, кажется, даже залили цементом в строящемся доме. Тоже не самый разумный подход, но если я правильно помнил, того покойника нашли чуть ли не через два десятилетия, так что в каком-то смысле преступникам удалось спрятать концы. Как там говорить? «Нет тела — нет дела»? Очень удобно.

Чикатило, судя по всему, вообще не заморачивался тем, чтобы спрятать тела — за это у него отвечал внутренний зверь, который каким-то образом выбирал места, где жертв найдут далеко не сразу. Вроде бы лишь первую девочку, которую он убил как раз в этом домике на Межевом, он выбросил в реку Грушевку. Тогда ему повезло, его никто не увидел и не сообщил, куда следует. А найденное тело хоть поначалу и связали с ним, но один из обитателей переулка оказался следователям более перспективной фигурой для обвинения, чем скромный трудяга без уголовного прошлого.

Формально я мог положиться на интуицию этого маньяка, прикончить его и закинуть труп в кусты прямо тут, на этом освещенном пятачке. Наверное, его найдут — когда-нибудь, когда мы с Аллой будем очень далеко, и связать нас с этим убийством будет очень сложно. Хотя для советской милиции ничего невозможного нет.

В общем, я не убил Чикатило. И у меня вдруг оформилось сразу два выхода из той ситуации, в которой я оказался. Например, я мог запереть его зверя в клетке, а ключ выбросить.

Человеческое тело — очень хрупкий механизм, который легко вывести из строя, даже не имея соответствующих знаний. Конечно, окончательное решение вопроса отдельного индивида — дело наиболее простое; люди за тысячелетия накопили приличный опыт в убийстве себе подобных. С калечащими ранениями дело обстоит чуть сложнее; дипломированный врач, наверное, справился бы с этим лучше, им по должности положено знать самые уязвимые места тел их пациентов. Но приличная часть моей первой жизни прошла на время бурного развития интернета, в котором — при некотором желании или даже без оногo — можно было наткнуться на что угодно.

Нужные знания я получил, заинтересовавшись пяткой древнегреческого товарища Ахиллеса. Особо читать про исходную ситуацию было нечего — попала стрела и попала, не

повезло. Зато про различные сухожилия было написано много всякого — в организме этих шпуквин множество, и все они очень важны. Я тогда запомнил, что повреждения сухожилий залечиваются плохо, и после таких травм восстановить прежние кондиции бывает очень и очень сложно. Не невозможно, разумеется — в конце концов, у футболистов ахиллово сухожилие рвется регулярно, а спорт после этого бросают единицы. Но лечение хлопотное, с хирургическим вмешательством и прочими неприятными вещами, и не факт, что доступное по умолчанию буквально всем гражданам Советского Союза. В общем, у меня была надежда, что если я подрежу Чикатиле несколько жил, то прыти у него поубавится.

Этот вариант не устраивал меня своей неопределенностью. Чикатило мог заговорить и рассказать о парочке туристов, которые напали на него с целью, например, ограбления. Возможно, наши правоохранительные органы разберутся, но я был уверен, что даже при благополучном исходе нам с Аллой основательно попортят нервную систему.

В общем, я решил сдаваться самостоятельно и первым, чтобы менты начали проверять именно нашу версию, которая, собственно, была самой настоящей правдой. Я, разумеется, боялся до чертиков, но иного выхода не было. К тому же у меня всегда была опция «звонка другу», то есть Михаилу Сергеевичу, который — я очень на это надеялся — сможет как-то приструнить излишне рьяных служивых.

В болоньевой сумке Чикатилы нашелся моток веревки, который он использовал понятно для чего. Я смотал ему руки за спиной, а для надежности закинул ещё и петлю на шею — чтобы он не вздумал дурить. Собрал на полянке все разбросанные вещи — и закинул их в ту же сумку; оружие я поднимал аккуратно, с помощью собственного носового платка, чтобы случайно не оставить на нём свои отпечатки пальцев. В ту же сумку отправилась и моя «фомка» — должен же я предъявить, чем защищался.

Сложнее всего оказалось привести Чикатилу в чувство — всё же во второй раз я приложил его очень прилично. И даже открыв глаза, он выглядел осоловевшим и был словно не в этом мире; похоже, сотрясение мозгов я ему всё-таки обеспечил. Но пусть это будет наименьшей из его проблем.

Я грубо поднял маньяка на ноги и повел по тропинке обратно; он даже особо не сопротивлялся, хотя, наверное, мог устроить мне сидячую забастовку. К счастью, сотрясение мешало ему трезво оценивать ситуацию, в которой он оказался, а его внутренний зверь наружу не торопился — видимо, его не устраивала окружающая обстановка. Мне это было только на руку.

Где-то по дороге я избавился от своего тесака — стёр с него все отпечатки, натер табаком из распотрошенной сигареты и закинул на крышу одного из зданий непонятного назначения. Мне было очень жалко оружие, которое я считал своим, но не нравилась идея выкладывать это явно холодное оружие в местной ментовке — я не знал его историю, которая могла быть вполне криминальной. Пока этот нож валялся на кухне московской квартиры моей будущей любовницы, его прошлое никого не интересовало, но следователи могли раскопать что-нибудь плохое, а я не хотел создавать проблем хорошим, в сущности, людям.

Алла меня, разумеется, не послушалась. Она стояла у самого первого гаража, пальцами правой руки вцепившись в кирпичную стену, и отчаянно всматривалась в темноту, из которой появились мы с Чикатилкой. Причем первым шёл маньяк — и, увидев его, девушка всё же нашла в себе силы начать отступать с занятой позиции.

— Алла, всё в порядке! — крикнул я. — Он безопасен!

Сам я не был в этом уверен до конца, но должен был показать своей спутнице, что держу ситуацию под контролем.

— Т-ты цел? — я видел, что она разрывалась между двумя противоположными желаниями — убежать и убедиться в моих словах лично.

— Вполне. Эй, ты, — я дёрнул Чикатилу за привязанную к шее веревку, — а ну давай сюда...

Я толкнул его достаточно сильно, и он не удержался на ногах — упал, привалившись к стене гаража. Я встал так, чтобы не выпускать его из виду, и раскинул руки.

— Котенок, иди сюда, — позвал я.

Алла послушалась, но шла она очень осторожно, а Чикатилу обошла по большой дуге. Я её не винил. Пока что вся вина лежала на мне, хотя и оставалась пара неясных моментов.

— Эх, котенок...

Мы стояли, обнявшись, рядом с самым страшным серийным убийцей современности, который беспокойно зыркал на нас — кажется, он наконец полностью осознал, в какую жопу попал, но мне было плевать на его переживания.

— Не называй меня так!

— А как надо?

— По имени!

— По имени скучно. Так как ты оказалась наедине с этим товарищем?

Алла вдруг всхлипнула мне в плечо. Снова истерика? Только этого не хватало...

— Я... я не знаю... — наконец сумела произнести она.

— Он тебе угрожал?

— Н-нет... — для верности она помотала головой. — Он... он сказал... я проснулась... тебя не было... я вылезла... а тут он... сказал... спросил... я сказала... он предложил... у него дом... сама не знаю... почему за ним пошла... а он всё говорит... говорит... я не помню...

Всё это Алла выдала разом, хоть и с запинками, и любой посторонний человек ничего бы не понял в этом потоке сознания. Но мне не надо было ничего переспрашивать. Ну да, говорливый снабженец завел разговор с едва проснувшейся девушкой, нащупал нужную точку соприкосновения, предложил воспользоваться благами цивилизации — например, посмотреть неплохой дом с удобствами, в котором можно переночевать, — и Алла покорно пошла на заклятие. Возможно, он хотел сделать всё в своей хижине, но его зверь проснулся раньше — это пусть милиция выясняет.

Ничего этого могло не случиться, если бы я поменьше плескался в вокзальном туалете. Или если бы Алла не решила вдруг проснуться после каких-то двадцати минут тревожного сна. Чикатило, видимо, приехал как раз на том автобусе, который я видел; не знаю, как я мог не заменить его — впрочем, толпа там была приличная, а освещенность оставляла желать лучшего. Он почему-то не пошел с остальными пассажирами, а какое-то время вертелся у автовокзала, пока в его поле зрения не попала Алла, которая показалась ему подходящей жертвой.

Я не помнил, чтобы в эти дни он кого-то убивал, но точно знал, что любые документальные книги и фильмы могли быть неполными из-за самых разных обстоятельств их создания. В любом случае его и Аллы пути пересеклись. Ну а о том, что Чикатила умел быть говорливым и убедительным писали едва ли не все исследователи его преступного пути, да и работа снабженца как бы обязывала. Помнится, одной из его жертв была девушка

местного преступного типа авторитета — а такая цаца не пойдет за невзрачным очкариком в темное и уединенное место с одной лишь простой лапшой на ушах.

— Алла, нам предстоит бессонная ночь, — я слегка отстранился, чтобы видеть её лицо. — Сейчас сдадим этот экземпляр в милицию, а там обязательно заставят вспоминать все подробности и, наверное, надо будет зафиксировать твои травмы. У тебя как шея? Отошла уже?

— Побаливает... — он тронула дотронулась до горла кончиками пальцев, — но уже не слишком сильно.

— Вот и хорошо, — я был рад, что Чикатила не смог нанести девушке каких-то серьезных увечий. — Тогда пошли сдаваться и сдавать.

Я отпустил девушку, подошел к Чикатило и пнул его.

— Эй, Джек, вставай, родина зовет, — и для убедительности дернул за веревку, которая обхватывала его за шею.

Он повиновался.

Сдвоенный таксофон я видел прямо перед входом в автовокзал, хотя и сомневался, что местные пролетарии пройдут мимо этого чуда враждебной техники. Но мне повезло — трубка была срезана лишь у одного аппарата, а у второго хулиганы всего лишь забили щель монетоприемника спичками и подожгли их. Но у меня сегодня был бесплатный звонок.

— Дежурное отделение слушает, — усталый голос в трубке явно хотел, чтобы этот звонок оказался ошибкой.

— Да, очень приятно, — быстро проговорил я. — Хочу заявить о преступлении. Мужчина напал на мою девушку, но я её спас, а нападавшего задержал. Что мне с ним сделать?

На том конце провода немного взбодрились.

— Где вы находитесь?

— У здания автовокзала, это на проспекте Победы...

— Принято, — меня невежливо перебили. — Сейчас отправим к вам наряд. [2]

Дежурный неловко прикрыл трубку, но я хорошо слышал, как он через неприятное шипение приказывает кому-то срочно всё бросить и в темпе вальса двигаться в нужное место. Его оппонент, кажется, был недоволен внезапным заданием, но долго сопротивляться не мог в силу субординации.

— Через пять минут экипаж будет у вас, — сказал дежурный уже мне.

— Спасибо, офицер, — с чувством поблагодарил я.

— Старшина, — мне показалось, что мой собеседник улыбнулся.

— Неважно, — отбил я подачу. — Всё равно спасибо.

Некоторые привычки всё же изживаются с трудом. Я слишком долго называл милицию полицией, а уж обращение к любому патрульному как к «офицеру», считалось в моё время обычной практикой, хотя было чуть более чем полностью заимствовано из американских детективов.

— Ваше имя?

Я назвал — скрывать мне было нечего.

— Имя пострадавшей? Ей нужна помощь?

— Алла, — я вдруг осознал, что не знаю её фамилию, но решил не развивать эту мысль. — У неё повреждена шея, нужно зафиксировать травмы, наверное...

— Следователь скажет, если нужно, — отрезал дежурный. — Он уже оповещен.

— О. Хорошо. Тут ваши едут, — сообщила, усмотрев дальше по улице красно-синюю мигалку. — Спасибо за помощь.

Мне не ответили, а крайне невежливо повесили трубку. А уже через минуту на стоянку завернула уже знакомая мне желтая «копейка», номера которой я машинально запомнил во время общения с двумя лейтенантами на улице Ленина. Бедолаги, сюда их тоже загнали, видимо, у местных правоохранителей сегодня действительно был дефицит кадров.

— Это он?

Вот так — никаких «здрасте», сразу к делу. Хотя я знаю, что и у мрачного старшего лейтенанта есть человеческие чувства. Очень глубоко в душе.

— Он, — кивнул я. — Заболтал мою девушку, увел её вон туда, в гаражи, пытался задушить. Пришлось нейтрализовать. Вот тут, в сумке, его нож... с ним он уже меня атаковал. И почему-то банка вазелина.

Я передал милиционеру сумку Чикатилы, в которую тот немедленно заглянул — но хотя бы руками не полез.

— А гвоздодер? — уточнил он.

— Это мой, — признался я. — Взял с собой в дорогу на случай непредвиденных ситуаций... вот, пригодился.

— Что ж... понятненько, — старший повернулся к Чикатиле, которого я привязал к фонарному столбу рядом с телефонными будками. — Вы его знаете?

Я похолодел. Моя бравада с «Андреем Романовичем» могла выйти мне боком; с другой стороны, я всегда могу утверждать, что ничего подобного не говорил, а Чикатило всё придумал. Мол, мы только дрались, а не обсуждали его сексуальные привычки.

— Впервые вижу, — я постарался сказать это как можно небрежнее, но уточнил: — Сегодня впервые увидел, когда догнал его, там, — и махнул рукой в сторону гараже.

— Лёш, что там со следаком? — крикнул старший своему напарнику.

Младший лейтенант сидел в машине и, кажется, сражался с рацией, пытаясь то ли понять ситуацию, то ли объяснить её кому-то ещё.

— Едут уже, — тот выбрался наружу и с любопытством оглядел всех присутствующих, задержав взгляд на Алле. — Вся бригада.

— Зря с места происшествия ушли, теперь восстанавливать там всё, — пожаловался мне старший.

— Там с телефонами плохо, — объяснил я. — Вот и пришлось сюда выбираться.

Милиционер кивнул.

— Что ж... разумно.

Следующие несколько часов мы с Аллой провели очень насыщенно. Сначала мы гурьбой сходили на ту самую полянку, где не нашли буквально ничего интересного, но всё зарисовали и сфотографировали. Нас допросил усталый следователь, оказавшийся капитаном — сначала порознь, а потом вместе. Ничего особенного, его интересовало, как мы оказалась у автовокзала, почему Алла пошла с подозреваемым — так он назвал Чикатило, — как я их догнал, что делали дальше. Меня с Аллой свозили в местный травмопункт, где без очереди провели к не менее уставшему, чем следователь, врачу, который зафиксировал раны на шее девушки — они уже начали синеть. Заодно он посоветовал мазь — я записал название, не надеясь на собственную память.

У нас с Аллой проверили документы, внимательно изучили все бумаги на нашу машину; особенно следователя заинтересовал «вездеход», который я как бы случайно подсунул в

общую пачку. Он даже вышел из комнаты — думаю, звонил начальству и получал указания, после чего начал общаться гораздо вежливее. Впрочем, гвоздодёр у меня всё равно изъяли — в качестве вещественного доказательства, а вместо него выдали справку, от которой я собирался избавиться как можно скорее.

В какой-то момент добрые лейтенанты, которых, видимо, определили нам в няньки, сжалились и напоили нас чаем — правда, извинившись, что ничего к нему у них не было. И я уверился, что нас пронесло. Следователь, конечно, строго заявил, что нас обязательно вызовут в случае необходимости, но я ему не поверил. Если мы сейчас уедем из города, потом они будут общаться с нами только через своих московских коллег. Кажется, именно так это работало в это время. Я видел, что следак понимает это, и видел, что он очень хочет оставить нас в своей юрисдикции на всё время расследования. Но «вездеход», видимо, и тут сыграл нужную роль, хотя и не совсем ту, которую закладывал в него Михаил Сергеевич, уважаемый.

[1] «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона» вышли в 1980 году, именно в ней Мориарти-Евграфов и Холмс-Ливанов продемонстрировали приемы бартитсу, хотя есть обоснованные сомнения, что они имели что-то общее с этим боевым искусством. Стойка, о которой идет речь — низкая, на согнутых ногах и с расставленными руками, — делала Мориарти немного похожим на паука.

[2] Если я правильно понимаю, всё происходит гораздо сложнее, но будем считать, что героям повезло.

Глава 16. Каждую ночь

«Знаешь, каждую ночь я вижу во сне море...»

Нас выставили за дверь отдела милиции в половине пятого утра — усталых, злых и совершенно сонных. «Двушка» терпеливо ждала нас у самых дверей, рядом с милицейской «копейкой», и я был чертовски рад снова оказаться за её рулем. Я предложил Алле не ждать утра и уехать сразу, а она согласилась, лишь поинтересовавшись, смогу ли я вести машину без отдыха. Я заверил её, что смогу. Мне не хотелось оставаться в Шахтах — даже ради утренних пирожков; их можно купить в любом другом месте, а вот вероятность заполучить неприятности в этом городе гораздо выше, чем в любом другом населенном пункте, который встретится нам по дороге.

Из Шахт я выбирался, впрочем, добрых полчаса. Свернул не туда, куда надо, пришлось возвращаться на нужный маршрут; старался соблюдать все скоростные ограничения, чтобы не спровоцировать каких-нибудь коллег наших лейтенантов, которые могли предупредить их по рации. Я не знал, как далеко распространяется их милицейское братство, но на всякий случай ехал аккуратно ещё с полчаса.

И всё это время у меня в голове на репите крутилась «киношная» песня, которую я знал лет сорок, но вживую услышал первый раз всего пару недель назад. В другой жизни. Уже в новой, но в другой.

В той другой жизни я больше всего боялся, что провалю сессию, что меня отчислят из института и заберут в армию. Я лениво размышлял о том, что нужно поменять в стране, чтобы не случились все те пиздецы, свидетелем которых я был в своей первой жизни, но не собиравшись ничего делать, не составив предварительно подробный и стопроцентный план. Но себе-то я мог признаться — планирование никогда не было моей сильной чертой; по большей части я следовал по жизни благодаря каким-то правилам, которые устанавливали другие люди.

Если у твоей подруги наступает беременность, то на ней нужно жениться; разводиться плохо, но иногда необходимо; если тебе нужно остаться в столице, а ты приезжий в первом поколении, то после института иди в аспирантуру; «бомбить» это легко, любой может этим заниматься и преуспеть. Какие-то постулаты, вбитые в мои мозги за много лет, проявляли себя самым неожиданным образом, и я иногда им следовал безропотно, иногда пытался протестовать и действовать наперекор, но результат был одинаковым и от моего поведения не зависел. И от моих желаний тоже не зависел. Меня это раздражало; наверное, с этим можно было справиться, но отношение к психологам как к паразитам и врагам рода человеческого очень крепко сидело в моей подкорке. В общем, я не мог решить свои проблемы без помощи профессионалов и не мог пойти к профессионалам, потому что не доверял им. Это был крепко замкнутый и очень порочный круг.

Даже мои потуги доехать своим ходом до Шахт и разобраться с много в чем повинным Чикатилой были далеки от воплощения в реальность. На этом пути у меня было много возможностей сдаться и отложить воплощение своей затеи на когда-нибудь потом. Например, я мог забить на этот план, если бы не собрал нужную сумму — очень вероятный исход в моих обстоятельствах; мог посмотреть на дикую очередь у железнодорожных касс, развернуться и уйти ни с чем. Мог даже доехать до этих грёбанных Шахт, помыкаться там с денек — и вернуться в Москву, не найдя Чикатило ни дома, ни в его мазанке в Межевом

переулке.

Последний вариант вполне мог реализоваться и сейчас, хотя на меня пролился дождь из всяких подарков, включающих и наличные деньги, и средство передвижения, с которым я умел обращаться очень хорошо. Что я собирался делать, оказавшись в Шахтах? Все мои планы рухнули после разговора с ментами, и мне оставалось тихо-спокойно подремать в машине с Аллой под боком, а утром поехать дальше. И если бы не Чикатило, который сделал всё, чтобы наши дороги пересеклись, то на этом всё и закончилось бы. Он продолжил бы свою грешную жизнь, а я — свою. Меня с Аллой ждала Анапа, море, наверное, солнце и продолжение наших странных брачных игр.

У меня мелькнула мысль, что я и против присутствия Аллы в «двушке» не протестовал, чтобы у меня было меньше возможностей для поиска маньяка. Я не хотел его искать, как не хотел искать пути спасения СССР и его жителей. Одно дело спорить о вариантах истории на форумах, и совсем другое оказаться перед возможностью — даже не необходимостью — самому проверить некоторые теории на практике. Всё-таки таксист это диагноз. Мы всегда знаем, как нужно, но в реальности только говорим об этом. Нам хватает осознания собственной правоты.

«Знаешь, каждую ночь я слышу во сне песню...», — продолжал напоминать мне Цой.

Я завидовал ему. Мои сны и в старой жизни не были чем-то выдающимся. В новой жизни мои сновидения вообще превратились в калейдоскоп непонятных картинок, событий и смутно знакомых людей с редким вкраплением тех, кого я знал хорошо. Но зачем мне сны про Дёму? Его мне и наяву хватало с избытком. Я был бы счастлив, если бы видел в своих снах море или слышал какие-нибудь песни. Но для этого, наверное, мне надо было родиться Цоем.

Я не был Цоем и не знал, кто я такой. В старой жизни я, наверное, мог сделать научную карьеру в заборостроительной отрасли — ну или просто продвинуться достаточно далеко по служебной линии на соответствующем заводе. Так бы всё и было, если бы не события перестройки, либерализации и развала Советского Союза; почти любой советский студент мог спрогнозировать всю свою дальнейшую жизнь с достаточно высокой точностью. Разумеется, в эти прогнозы безжалостно вмешивалась жизнь; кто-то делал крутой зигзаг и мог, например, стать учителем в школе, а не технологом на производстве, а кто-то внезапно — на самом деле нет — спивался и в какой-то момент умирал или оказывался в местах не столь отдаленных. Но распределение Гаусса безжалостно и неопровержимо — то, что происходит на концах графика, можно смело отбросить и предсказывать события с высокой точностью.

Но перестройка и прочее в моей жизни случились; я не окончил аспирантуру и не пошел на завод, а стал таксистом. Профессия не самая почетная, но определенно уважаемая. К тому же мне удалось увернуться от скатывания в откровенный бандитизм; я не обкрадывал пьяных клиентов, не предлагал шлюх по прејскуранту и не покупал у барыг алкоголь, чтобы толкать его ночами у закрытых магазинов. Просто возил, просто получал за это деньги и жил по средствам. Этого не хватило для построения крепкой семьи — я подозревал, что дело всё-таки во мне, — но хватило для относительно спокойного существования, которое и прервало попадание в прошлое.

Я чувствовал, что если не встряхнусь, если не изменю себя, то снова проживу жизнь амёбы. Например, женюсь на Алле, которая, похоже, имела на меня какие-то виды; мы заведем ребенка, потом поругаемся так, что не сможем жить вместе. Вернее, не сможем

обеспечить друг другу нужный уровень комфорта, но результат будет тот же — мы разведемся. Я снова пойду по рукам добрых женщин, куплю себе убитый «жигуль», если он подвернется под руку, и начну таксовать. Я примерно знал, к кому обращаться, что делать и как себя вести — правда, эти знания окажутся востребованными не сейчас, а лет через восемь, но они помогут мне проделать всё то же самое, что и в первой жизни, но со значительно меньшими затратами сил и средств. Стоило ли ради этого беспокоить вселенную и откручивать назад движения небесных тел?

На этот вопрос я мог ответить однозначно — не стоило. Проще было пришить меня прямо там, где меня застало то, что я назвал червоточиной. Звезды и галактики даже не заметили бы смерти какого-то одного прямоходящего разумного млекопитающего и продолжили бы свой путь по бесконечной пустоте. Но вселенная уже побеспокоилась, а я уже спас Аллу от смерти, посмотрел на живого Цоя и сдал шахтинского маньяка нашей доблестной милиции. С одной стороны, это много для двух недель. С другой — преступно мало.

«Знаешь, каждую ночь я вижу во сне берег...».

Попаданцы, про которых я читал, начинали действовать сразу — если, конечно, не оказывались в телах младенцев. Они сносили танковые дивизии немцев под Москвой в сорок первом и давали прикурить японцам на войне начала двадцатого века. Они загоняли монголов в ту степь, из которой те выползли, и завоевывали новые, более пригодные для жизни и процветания пространства нашей крохотной планеты, причем задолго до эпохи Великих географических открытий.

Им ничего не стоило создать интернет в каменном веке и научить древних египтян вере в правильного бога; они могли давать советы Иисусу из Назарета и писать ему конспекты Нагорных проповедей в нужном количестве. Эти попаданцы были титанами из титанов, я им в подметки не годился. Правда, я и не претендовал, да и вообще не готовился к какой-либо деятельности в прошлом. Мне всегда хватало настоящего. Про будущее я думал лишь в прикладном плане — ведь замену масла и летней резины на зимнюю нужно планировать загодя, чтобы не нанести ущерба рабочему графику.

Эти планы были мне понятны и составлялись почти что сами, без особого участия мозга. Позвонить тому, написать этому, прикинуть, когда поток клиентов и пробки будут поменьше. Ничего сложного, на взгляд искушенного профессионала. Делается мимоходом, почти без отвлечения от текущих забот. Вот почему нельзя сделать нечто подобное со спасением страны от страшных опасностей? Позвонить, написать, приехать — и оно вдруг оказывается выполненным. Но нет. Честно говоря, я даже не знал, с какой стороны подходить к этой проблеме, а потому старательно имитировал бурную деятельность в библиотеке имени Ленина. Никому мои списки членов ЦК не нужны. Хотя когда я приду к власти, их можно будет использовать в качестве списков будущих заключенных внутренней тюрьмы КГБ, конечно, если там останутся места после массовых посадок самих гэбешников.

«Знаешь, каждую ночь...»

— Мы же скоро будем Ростов проезжать? — вдруг спросила Алла.

Весь этот час мы с ней молчали. Я думал о своей жизни, которая мне не очень нравилась, а она, похоже, пыталась понять, во что вляпалась, когда напросилась в эту поездку. И вот теперь осознала.

— Да, примерно через полчаса, — спокойно ответил я.

— Я там выйду и вернусь в Москву. Мне надоело. Я хочу домой.

Ну, чего-то подобного стоило ожидать.

— Да как пожелаешь, Ваше Высочество, — откликнулся я. — Подвезу прямо к вокзалу и помогу с билетом. У меня волшебная бумажка есть, с ней любой администратор нам билет продаст.

Она одноразовая, но Алле об этом знать не нужно. Правда, я немного опасался, что без «вездехода» от Михаила Сергеевича мне будет сложно уехать из Анапы, но и везти девушку дальше против её воли я не собирался. Хочет лишиться моря, до которого осталось совсем чуть-чуть — флаг ей в руки и барабан на шею.

— Точно? И ты даже не будешь меня уговаривать? — Алла резко повернулась и внимательно посмотрела на меня.

Я лишь скосил на неё взгляд и снова уставился на дорогу. Не то, чтобы у меня был план, как действовать в этом случае, но он особо и не нужен. Я просто завершу поездку в одиночестве.

— А зачем, если ты всё решила? — деланно удивился я. — Ты с самого начала не обязана была ехать со мной, это твоя добрая воля. Ну и моя тоже, а также нашего нанимателя. С машиной я управлюсь и один, и место на пляже будет проще искать. У тебя деньги с собой есть?

Алла шмыгнула носом и промолчала.

— Ну и ладно, ты думай, только недолго, — удовлетворенно кивнул я. — Если что, помогу. Свои люди — сочтемся.

Мы только что проехали какую-то станицу с названием Грушевская; я мельком подумал, что где-то тут продолжает нести свои воды та самая речка, на берегу которой — только в Шахтах — стоит мазанка Чикатилы. Правда, никаких указателей я не увидел, но это ничего не значило. Разогнаться после станицы не удалось — сразу началась очередная деревушка, на этот раз какой-то Красный Колос, наверняка названный так после революции, когда любили добавлять прилагательное «красный» ко всему, что не движется и не может убежать. Мне это было фиолетово. Впереди в чередке домов я увидел строение с надписью «Магазин», с широкой площадкой перед ним и самым настоящим колодцем сбоку, сбросил газ, притормозил, съехал с трассы — и аккуратно припарковался справа от ступенек.

Я наверняка не раз проезжал здесь в своей первой жизни — я тогда любил ездить на машине отдыхать на наши черноморские и азовские курорты, хотя сами курорты мне не нравились. Но никаких воспоминаний о Красном Колосе у меня не осталось. Скорее всего, тут появились какие-нибудь сетевые закусочные и заправки, этот магазинчик вряд ли уцелел, хотя в девяностые, наверное, ещё работал. Насчет колодца ничего сказать не могу. Вода нужна при любой власти.

— Ты зачем остановился? — раздраженно сказала Алла. — Мне в Ростов надо!

— Я помню, Ал, — миролюбиво ответил я. — Мы ненадолго, надо воды в канистру набрать, там на дне плескается, а с нашей машиной лучше подстраховаться. Так что потерпи, тут дел на пять минут. Поезда на Москву уходят вечером, никуда мы не опоздаем.

Она промолчала. Даже не кивнула.

Я выбрался из машины, открыл багажник и с тоской посмотрел на беспорядок, который мы там устроили. По-хорошему, надо было собрать сиденья и вообще привести всё в приличный вид, но мне было откровенно лень заниматься этим прямо сейчас. Раскидать наши шмотки по сумкам можно быстро, всё равно нам ещё надо будет заправляться. Я нашел в хламе нужную канистру, вылил остатки воды на траву и медленно пошел к колодцу.

Торопиться мне было некуда, да и за руль возвращаться не хотелось. Хотя я и не подавал виду, но решение Аллы спрыгнуть с маршрута меня немного задело. Совсем чуть-чуть. Самую капельку.

Было раннее утро, но у колодца уже набирала воду в эмалированное ведро местная жительница — бабушка в сильно заношенной фуфайке, цветастой юбке и в обрезках резиновых сапог. «Галоши», — всплыло у меня в голове полузабытое слово.

Я вежливо с ней поздоровался, поставил свою канистру рядом и сделал то, чем обычно занимаются пионеры — перехватил у бабки ведро с колодезного ворота и перелил воду. Потом подхватил полное ведро и помог донести до калитки — её участок располагался через дом от магазина. Дальше не понёс, сослался на то, что не хочу оставлять подругу одну — устала, нервничает, все дела.

— А, дело молодое, — отмахнулась бабка. — Не впервой, дотащу. Спасибо тебе, сынок. Вы того, если в магазин наш хотите, то не стоит — Верка сегодня дай бог к полудню из района вернется.

Верка, видимо, была продавщицей и хозяйкой местного лабаза, в который я и не надеялся попасть. Но я поблагодарил бабушку и заверил её, что отсутствие Верки никак не влияет на наши планы.

Я вернулся к колодцу, наполнил свою канистру и оттащил её в машину. Потом грузно шлепнулся на своё сиденье и повернулся к Алле.

— Ну, рассказывай, что случилось.

В принципе, мне не нужны были её переживания, я и сам знал всё, что она может сказать. Но будет лучше, если она проговорит их самостоятельно. Кажется, именно так работает одиозная гештальт-терапия. Правда, я ни разу не психолог, но в данном случае хватит моих обрывочных знаний и жизненного опыта.

— А ты что, не понимаешь? — Алла посмотрела на меня взглядом маленького злого волчонка.

— Не-а, — соврал я.

Она с минуту молчала, а я терпеливо ждал, чем всё это закончится.

— Блин, — Алла спрятала лицо в ладонях, и голос её зазвучал глухо. — Захотела романтическую поездку на море, дура... во что ты меня втравил, Егор?..

Можно было напомнить, что она сама пошла неизвестно куда с человеком, которого видела первый раз в жизни, а такие поступки обычно ни к чему хорошему не приводят. Но это было не совсем правильно, и я не стал этого делать. Во всяком случае, в лоб.

В тесном салоне «двушки» вести психотерапевтические беседы неудобно. По всем канонам я должен был установить зрительный контакт со своей пациенткой, а уже потом рассказывать ей, почему она оказалась в этой жопе. Я неловко развернулся в кресле набок, но Алла так и сидела со спрятанным в ладонях лицом и, кажется, плакала. Это было, конечно, плохо для моих целей, но девушка, которая сумела выплакаться, наполовину здорова, как говорил один из моих знакомых мужских шовинистов. Он любил доводить своих подруг до слез с помощью кулаков, полагая, видимо, что всего лишь ускоряет процесс излечения от неведомой болезни, присущей всем женщинам.

— Вообще-то мы выбрались из этой передрыги с наименьшими потерями. Всего лишь не поспали ночку, но это легко переживается, мы в общаге как-то на три дня марафон устроили, да ещё и под пиво... вот тогда было тяжко.

— Марафон?

— В преферанс играли, — объяснил я. — И разошлись по нулям, все при своих остались. Очень забавно было, когда выяснилось, что мы три дня просто тупо пьянствовали.

— Ты не о том говоришь! Я тебя о серьезных вещах спрашиваю, а ты про какие-то карты! — если бы у Аллы было чуть больше пространства, после этой тирады она бы точно топнула ножкой.

— Ну так и я про это, про серьезные вещи. Преферанс! Однажды Казах всю стипендию слил старшекурсникам, а это ой как серьезно...

— Егор, я тебя убью!

Алла наконец вернулась в почти нормальное своё состояние и ткнула меня кулачком в плечо. Уворачиваться я не стал, а заодно убедился, что она действительно плакала, правда, без драматических рыданий. У неё просто из глаз одна за другой катились слезы. Я протянул руку, снял одну слезинку с её щеки и поднес её к своим глазам, чтобы рассмотреть поближе, но увидел лишь мокрое пятнышко. Меня опять ткнули кулачком, чему я был почти рад.

— Ты только грозишься, — улыбнулся я и продолжил миролюбиво: — Алла, всё могло закончиться очень плохо. Я мог не успеть защитить тебя. Я мог не справиться с этим... с нападавшим. Мне всего восемнадцать, я не мастер спорта по каратэ и никогда не поднимал ничего тяжелее шахматного короля. Я даже с теми своими шуками, которые так тебя напугали, толком не умею обращаться... Я был в таком ужасе, когда закрыл тебя своим телом, что мне сложно передать это словами, и я не хотел бы ещё хоть раз испытать нечто подобное.

Я понимал, что все мои слова — откровенная манипуляция, и от этого мне было немного стыдно. Но Алла должна помнить, кому обязана своей жизнью и девичьей честью.

— Ребята-милиционеры мне рассказали, что тут, в области, последние шесть лет орудует серийный маньяк-убийца. Он заводит детей и юных девушек в укромные места типа вот таких, — я указал на другую сторону трассы, где как раз была густая полоса деревьев и кустов, — пытается их, насилует и убивает — и не обязательно в этом порядке.

Алла ахнула. Я скосил взгляд на неё и удовлетворенно отметил, как её глаза испуганно округлились, и как она закрыла руками открывшийся рот. Ничего подобного лейтенанты мне, разумеется, не говорили, но вряд ли Алла сообразит, что я ни на секунду не оставался с постовыми наедине.

— Я это говорю не для того, чтобы напугать тебя, — вообще-то именно для этого. — Несколько десятков жертв, сотни подозреваемых, два уже расстреляны по вполне законным приговорам. В «Правде» об этом не пишут, и в программе «Время» не говорят, но тут все, кажется, в курсе.

Это опять же было далеко не так, но немного сгустить краски не помешает.

— Они уверены, что мы как раз на такого и нарвались, — я говорил как можно более убежденно, словно сам верил в произносимое, — и что если бы не... в общем, если бы мы не сопротивлялись, то всё могло закончиться очень плохо. И для тебя, и для меня.

— Ох, Егор...

Вот теперь Алла прониклась. Она разревелась окончательно и попыталась броситься мне на шею, но конструкторы «двушки» таких порывов не одобряли. Но она была девушкой настойчивой, сумела протиснуться мимо длинного рычага переключения передач и ничего не сломать, а потом всё-таки обняла меня и замерла, уткнувшись мне в плечо. Я чувствовал себя последней сволочью. Возможно, так было надо для восстановления душевного равновесия девушки, но от этого мой поступок не становился менее аморальным.

Нас прервали примерно в тот момент, когда я с нетерпением ждал от Аллы слов о том, что ни в какую Москву она не поедет, а отправится со мной дальше, до самого синего моря. В моё стекло осторожно постучали снаружи, и мне пришлось проявить чудеса гибкости, чтобы посмотреть, кто там смеет вторгаться в мой первый сеанс психотерапии. Шея опасно хрустнула, и это отвлекло Аллу от её страхов и жалости к себе. Она тоже подняла голову и посмотрела.

Снаружи стояла давешняя бабушка.

Я с неохотой оторвался от Аллы и вернул девушку на её место. А сам вылез из машины.

— Что-то случилось? — мой вопрос, наверное, прозвучал немного резковато, и я мысленно дал себе по мозгам.

Старушки в моих бедах точно не виноваты.

— Ой, да нет, что ты! — она махнула рукой, демонстративно не обратив на мой тон никакого внимания. — Просто смотрю — вы сидите и сидите, никуда не едете, думаю — дай еды им что ли предложу? Мои вчерась собирались приехать, я наготовила для них, но что-то не получилось, теперь сегодня или завтра жду. Ты не думай, оно всё свежее, только остывшее, но можно и подогреть!

Я не сразу понял, чего от меня хочет эта бабуля — она произнесла слишком много слов за слишком небольшой промежуток времени.

— О, спасибо, разумеется. Но если ваши, — я понятия не имел, кто такие эти «её», но подумал о каких-либо родственниках, — приедут сегодня, то они и съедят, наверное?

— Ай, я для них ещё сготовлю всё, свежее, а это всё равно поро... — она оборвала себя, но у меня всё равно сложилась полная картина.

Эти «её» — люди уважаемые и ожидаемые, приезжают редко, видимо, слишком заняты, чтобы часто навещать старушку. И каждый их приезд она старается превратить в праздник, который по древней советской привычке сопровождается обильным столом. Наверное, где-то у этой бабули ещё и сколько-то там бутылок водки — или чего покрепче — припрятано, чтобы всё было «как у людей», но эту опцию она залетным туристам предлагать не будет, ведь спирт не скисает. А вот какие-нибудь блинчики с пирожками вполне могут и прокиснуть; сама она их не съест, поэтому у поросей будет праздник желудка. Или не у поросей, а у нас с Аллой, думаю, бабушке это без разницы. Ну а своих гостей она собиралась встречать только тем, что только что приготовила, с пылу-жару. Я обратил внимание, что из трубы её дома валит легкий дымок — видимо, печь была готова к очередной порции кулинарных чудес. А ещё меня привлек дымок, поднимающийся от небольшого строения в углу участка.

— Отказываться глупо, — я улыбнулся. — Мы можем даже купить... хотели в Шахтах еды купить, но приехали туда поздно и уехали рано, ни одного магазина не застали. Нам немного надо, я за рулем, и если наемся сильно, то засыпать начну, а моя девушка вообще малоежка.

Дверь я не закрыл, и слова про «мою девушку» и «малоежку» предназначались для чутких ушек Аллы.

— Какие деньги, окстись! — старушка снова замахала руками. — Давно я деньги не брала за свою стряпню!

Я понял, что мы договоримся, и попробовал нащупать ещё одну точку взаимодействия.

— Извините, а у вас баня есть? Нам бы умыться, сутки уже в дороге, да ещё и с приключениями...

Суть наших с Аллой «приключений» я, конечно, раскрывать не собирался.

— Ох, есть, есть! Сын построил, всё по чудному как-то, но греет на зависть соседям! Вчера Самойловы мылись, но я на ночь воды дотаскала и дров подкинула, там и сейчас, наверное, тепло, и горячая вода есть. Будете мыться?

Вообще-то я действительно хотел просто ополоснуть морду лица, чтобы убрать с кожи неприятную липкую пленку, которая была нежелательным последствием наших «приключений». Чикатило всё же заставил меня несколько раз покрыться неприятным потом. А у Аллы, наверное, до сих пор в волосах мусор с той тропинки, да и белье ей надо бы поменять — все мои знакомые женщины были очень чисто плотными существами, возможно, это вообще свойственно прекрасному полу.

Но идея полноценной помывки в баньке — пусть в простой и деревенской — меня воодушевила. Это позволит переключить Аллу на другие заботы.

— Мне ужасно неловко так вам надоедать... — начал я, надеясь, что меня сейчас начнут уговаривать.

На самом деле мне не было неловко, я уже был согласен на всё, что может предложить эта деревенская волшебница. Баня — это то, что сейчас было нужно Алле гораздо больше, чем любые мои слова. Слова не могли её успокоить, а вот горячий пар мог убрать лишние переживания из её головы. Но я готовил почву для последующей оплаты, потому что пользоваться благами цивилизации даром не хотел. Да и старушке лишние деньги вряд ли помешают — у меня были какие-то смутные воспоминания о размере нынешних пенсий. Они, кажется, были побольше тех, что получали пенсионеры в моем будущем — в относительном выражении, конечно, — но всё равно маленькими.

Бабушка ожидаемо стала настаивать, а я быстро согласился — чтобы не трепать языком попусту, теряя время.

— Я сейчас, предупрежу подругу, — сказал я и открыл дверцу машины.

Бабушка понятиливо пошла к своей калитке.

— Ал, у нас праздник, — сказал я, плюхнувшись на сиденье. — Добрая бабушка разрешила нам воспользоваться её баней. И обещала накормить.

— Зачем? — она посмотрела на меня удивленно.

Я её понимал. Совсем недавно мы обсуждали достаточно жуткие вещи, а тут вдруг появилась какая-то баня.

— Чтобы плохие мысли из головы ушли, — объяснил я. — Да и нельзя, чтобы мы в Ростове выглядели как два бомжа... так нам даже билеты не продадут.

— Как кто?

«Черт».

— Ну такие... опустившиеся люди... это сокращение — без определенного места жительства, б, о, м и ж. Иногда употребляется, в Америке таких полно, им даже помыться негде, — выкрутился я. — А нас ждет пар, жар и горячая вода. Так что собирай наши полотенцы и прочее белье. У нас праздник.

— Я не моюсь в банях, — гордо сказала Алла.

— Сегодня хороший денёк, чтобы начать делать это, — я меланхолично пожал плечами. — Воспринимай это как утренний душ. Мы сутки в машине, давай немного освежимся. Горячая вода — она успокаивает, я читал.

Она фыркнула.

— Читал он! Не хочу я...

— Это не обсуждается! Хотя бы умоешься и прическу в порядок приведешь.

Это было запретный прием — я намекал на то, что Алла выглядит не очень. Девушки такое на дух не переносят и готовы на всё, чтобы доказать свою красоту и привлекательность. В том числе и на применение неконвенционального оружия.

Но я не стал дожидаться, пока к ней вернется дар речи, в темпе выбрался из машины, напомнил про полотенчики и пошел к терпеливо ожидающей меня бабушке.

Домик у неё на участке, скрытый с дороги большими кустами с ярко-белыми цветками, которые потом превратятся то ли в сливы, то ли ещё во что, оказался очень аккуратненьким. Привычный пятистенок, он был выстроен из ошкуренных бревен, покрыт оцинкованным железом и даже имел крыльцо — не самый необходимый элемент деревенских домов, насколько я знал. За домом виднелся такой же бревенчатый сарай, но его покрывала простая солома. А мы пошли налево, к одиноко стоящей у ограды участка крошечной хижине — уже каменной, с плоской крышей и торчащей из неё трубой. Из трубы шел легкий белесый дымок.

Внутри баня выглядела значительно просторнее, чем снаружи, хотя всё равно оставалась крошечной. Небольшой предбанник с лавкой и вбитыми в стены гвоздями вместо вешалок и с небольшим окошком, выполняющим неведомую функцию — наверное, служило аварийным освещением, которое работало только днем. Парилка была размером два на два метра, но часть этого квадрата занимала небольшая печка, дрова в которую следовало подкидывать из предбанника. На уступе печки стоял плоский железный бак с краном внизу — это было, по всей видимости, горячее водоснабжение. Внутри печки, на пути горячего воздуха, была устроена выемка, заполненная округлыми камнями — похоже, импровизированный генератор пара. И ещё один угол занимал большой бак с водой и висящим с краю ковшиком. А на стене висел простой эмалированный тазик.

Это была хорошая конструкция, достаточно простая для изготовления и предельно функциональная. Я был с ней хорошо знаком — в одни из каникул мы с родителями ездили на какую-то заимку в глухой тайге, где местные обитатели устроили нечто подобное. Правда, у них, кажется, был доступ к советским космическим технологиям, и потому оба бака были изготовлены из самого настоящего титана. У бабки баки были из обычной нержавейки, но и они работали как часы — главное, не забывать воду доливать и дрова подкидывать. Поленицу у неё во дворе я видел — запас там был приличный для конца весны

— Хорошая баня, — похвалил я.

Бабке моя похвала понравилась.

В бане было жарковато — видимо, дрова с вечера хозяйка подкидывала не единожды, но я не стал спрашивать её о том, как она провела эту ночь.

— Как пользоваться, знаешь?

— Да, приходилось, — кивнул я. — На камни плескать можно?

— А как же! Они для того и лежат там, так что плескай, сколько надо. Так что бери свою невесту и мойся. Полотенца есть или принести?

— Спасибо, — от души поблагодарил я. — У нас свои, купили по дороге.

В подобных баньках, конечно, много пара не добыть — через какое-то время камни остывают и надо дать им время, чтобы снова накопить тепло. Но вообще для того, чтобы помыться, ничего лучше сейчас не найдешь. Наверное, я бы предпочел привести Аллу в президентский люкс с видом на море и с огромной джакузи, но где всё это взять в Красном

Колосе, я не представлял, а спрашивать бабушку постеснялся.

Бабушка отправилась в дом, а я вернулся к машине. Алла всё ещё сидела внутри, но, кажется, смирилась с тем, что будет чистой.

Я постучал в стекло, и Алла с видимой неохотой выбралась наружу.

— Ты вот серьезно сейчас? — прошипела она очень тихим голосом. — Предлагаешь просто сходить в баню и всё? После того, что было?..

— Ну да, а что такого? — я развел руками. — Есть какие-то другие предложения? Например, продолжать грызть себе душу или что-то подобное, вспоминать эту неприятную ночь и думать о том, что могло случиться, а могло и не случиться? Глупость какая-то... Пойдем, теперь я обещаю, что тебе понравится.

— Не хочу я ничего, — Алла притопнула ножкой. — Может, просто поедем?

— Да не опоздаешь ты на свой поезд, обещаю. Там и мыться-то — полчаса, потом внутри станет неприятно находиться. Зато грязь смоем.

Довод был так себе, но Алла сдалась. Не вернулась в салон с гордым «не хочу и не буду», а полезла на задние сиденья собирать нужные ей вещи. Я тоже подхватил своё полотенце и трусы с носками. Конечно, ничего ещё не решилось, но о будущем думать надо было тоже.

От бани Алла в восторг не пришла.

— Мы что, будем мыться вместе? — сурово спросила она, подразумевая, что большей глупости не представляла.

— Ну да, ты одна не справишься, — терпеливо сказал я. — Тут надо знать, на что нажимать. Но если хочешь, я останусь в трусах и могу сбежать за твоим купальником.

Я не стал напоминать ей, что каких-то двенадцать часов назад она виляла передо мной своей попкой безо всякого купальника. Это всё же было в другой жизни.

Она мгновение поколебалась, но потом решилась.

— А ладно, — и махнула рукой для убедительности, — Чего уж теперь?

И решительно стянула блузку и джинсы.

А я понял, что опасался совсем не того. У моего члена уже была реакция на голую Аллу, так что я не сомневался в том, что он находит её привлекательной. Конечно, я не был одержим сексом, но не в тех случаях, когда об меня трётся обнаженная и — окей, окей — красивая девушка. А не тереться в условиях ограниченного пространства бани было нереально. И я начал всерьез опасаться, что перешагну опасную грань... Впрочем, если это поможет нам обоим смириться с тем, через что мы прошли — почему бы и нет?

А Алла тем временем разделась окончательно и попыталась скрыться в парилке. Но неудачно — ойкнула и выскочила обратно, стыдливо прикрыв руками лобок и грудь. Вернее, попыталась прикрыть, и не слишком удачно.

— Там горячо! — сообщила она мне как откровение господне. — Я туда не пойду!

— Видишь, я же говорил, что ты не умеешь, — наставительно произнес я, — Сейчас всё будет, не волнуйся.

Я вальяжно снял трусы, и это простое движение далось мне очень непросто. Внутри меня всего колотило, я был готов отыграть назад и сбежать подальше от этой суккубы, которая вызывала однозначные желания. Я чудом сдержался, но почувствовал, что мой член слегка напрягся — и хорошо, что не встал в полный рост. Правда, Алла могла расценить это совсем иначе, но пока что мне было дело только до моих собственных переживаний.

— Заходи и сразу садись на корточки, — сказал я. — Внизу не так жарко и даже

прохладно. Смотри на меня и делай также.

Я продемонстрировал сказанное, хотя ничего горячего в парилке не было. Мы её слегка выстудили, пока ходили туда-сюда, так что нужно было немного подождать, чтобы температура поднялась до нужного уровня. Но для Аллы и это было явным перебором. Она тяжело вздохнула, вошла вслед за мной и присела. В этой позе она уже не выглядела сексуальной дьяволицей, да и моё достоинство было надёжно спрятано между ног. Впрочем, я был уверен, что Алла уже срисовала мою реакцию.

— И что дальше?

— А дальше моемся.

Я всё-таки встал, снял со стены тазик, набрал туда горячей воды, разбавил её холодной — и показал Алле пример. В парилке имелась какая-то мочалка из неопознанного пузырчатого материала, у нас с собой был кусок мыла — в общем, ничего сложного. Мне, конечно, было не очень удобно размахивать перед лицом Аллы своим достоинством, но отодвинуться я не мог, мне было некуда. Она могла, у неё за спиной было место, но я не мог даже попросить её об этом. К тому же Алла старательно делала вид, что ничего необычного не происходит.

Мы сумели намылиться, потом смыли друг с друга пену, и я предложил ей продолжить тем, ради чего и ходят в парилку.

— Ложись на полоч, — я указал на узкую лавку напротив печки, и Алла послушалась. — И приготовься.

— К чему?

Я не ответил. Баня у бабушки была по высшему разряду — она даже замочила березовый веник в небольшой лоханке. Я зачерпнул оттуда немного настоя и плеснул на камни — и мне в лицо сразу пахнуло жаром с березовым запахом, а Алла ожидаемо взвизгнула.

— Горячо! Перестань!

— Ты что, в этом самый кайф, — попытался я успокоить её и легонько стукнул ей по спине распаренными березовыми прутьями и листьями.

Алла взвизгнула ещё громче и вскочила, попыталась что-то сказать, задохнулась и присела на корточки.

— Ты чего? Больно же!!

— Да ни капли не больно, это у тебя с непривычки. Ложись обратно.

— Не лягу! И вообще пошли отсюда...

— Ал, это парилка, тут надо париться, — сказал я. — Ложись обратно, сейчас будет совсем хорошо. Или я тебя силой уложу.

— Не уложишь! Я против!

— Ах вот как...

Я подхватил её подмышки и попробовал поднять. Она повизгивала, отбивалась и категорически отказывалась распрямлять ноги. Но я был крупнее, сильнее, так что в какой-то момент мы оказались и в самой двусмысленной из возможных в нашем положении поз — плотно прижатые друг к другу, голые, а я ещё и с окончательно возбужденным членом. Алла ощутила его и замерла. Я тоже не двигался, чтобы не разрушить момент.

— Это... он... на меня так?.. — тихо спросила она.

— Да.

Скорее, на голую девушку в моих объятьях, но уточнять не стоило.

— Я не хочу сейчас... не стоит...

— Не буду, — твердо сказал я. — Ложись на полоч. Помоемся и дальше поедем. Обещаю.

Мы разорвали объятия, она послушно вернулась обратно на полоч, а я начал легонько постукивать веником по её телу. Она ещё ойкала, но с каждым ударом всё тише и тише.

— Нравится? — спросил я.

— Ничего так, — вынуждена была признать она, — но я бы обошлась и без этого.

— Нельзя, — строго сказал я. — Сейчас ещё массаж сделаю, совсем новенькой будешь.

— Массаж?

Я ещё разок плеснул воду на камни, переждал самый свирепый пар и принялся легонько водить ладонями по спине девушки. Разумеется, это был не настоящий массаж — я просто не умел его делать, никогда не учился, а весь мой опыт основывался на длительном общении с женщинами и ограничивался знанием шуточных присказок типа «рельсы-рельсы». Этот стишок я и повторял про себя, делая те самые движения — со шпалами, слонами, гусями и прочими представителями животного мира с тяжелым шагом и болезненными щипками.

Я не смог бы ответить на вопрос, собирался я производить какие-то сексуальные действия с Аллой или хотел ограничиться простой помывкой — ну и расслабляющим массажем. Просто в какой-то момент мои пальцы проскользнули по её попке вглубь, нащупали заветную щелочку, Алла легонько вздрогнула, но ничего не сказала — и я посчитал это за разрешение перейти на другой вид массажа. Внутренний.

Она была более чем готова.

Под сексом, как правило, понимают совокупление двух людей. Если совы куплены не были — то есть проникновения члена во влагалище не случилось, — то как бы и не считается. В моем старом времени я наткнулся на сообщения с женских форумов, авторессы которых искренне недоумевали — я же не занималась сексом с тем парнем из клуба, всего лишь сделала минет, или у нас был совершенно невинный петтинг, а муж меня бросил, негодяй. Мужчины, впрочем, частенько мыслили аналогичным образом — если всего лишь полапал за сиськи, то это так, не секс, а рукопожатие, и тоже не считается.

На самом деле физический половой акт, как его называют высоколбые ученые и прокуроры, совсем не обязателен. Его, наверное, стоит рассматривать как высшую форму доверия женщины к выбранному ею мужчине — ведь не каждому мальчику позволено тыкать хуем в живого человека. Мальчики, правда, тоже хороши — они если не потыкают, то могут и бросить слишком гордую девицу, несправедливо обозвав её на прощанье «шлюхой» и даже не обратив внимания на явное противоречие. В общем, с этим тыканьем всё очень и очень сложно, причем даже среди семейных пар.

Я слышал от приятеля, что жена не давала ему «тыкать» себя лет шесть после рождения ребенка — боялась рецидива и новой порции боли в роддоме. Правда, так совпало, что как раз через шесть лет они развелись, оставив кроху в неполной семье и в недоумении; впрочем, та экс-жена вскоре оперативно выскочила замуж и одного за другим родила новому мужу троих детей, видимо, решив не повторять прежних ошибок, но полностью забыв о средствах контрацепции.

Но даже если «тыкать» можно в любое время, делать это стоит не бездумно, а очень даже с умом. Англичанкам когда-то советовали смотреть во время «этого» в потолок и думать об Англии; подобные советы наверняка слышали молодые девушки не только в этом островном государстве. Стишок про того мужичка, который «тихо сзади подошел, сунул, вынул и пошел», появился совсем не на пустом месте. Сколько их таких было,

любезных, но совершенно не думающих о своих партнершах? Те, видимо, должны были молча терпеть — ведь хоть какой-то, но свой, персональный, — и сбрасывать напряжение не в постели, а в душе, мощной струей воды приятной температуры.

Откровенно говоря, я сам не был ангелом в этом отношении — особенно с первой женой; если бы было иначе, возможно, мы прожили бы долгую и счастливую жизнь вместе. Но я научился всему потом, с женщинами, которые не стеснялись говорить, что им нравится и что мужчине нужно делать. Наука оказалась нехитрой, а набор приемов — ограниченным, что не мешало эти приёмы комбинировать, чтобы достичь нужного эффекта за нужное количество времени.

Например, сейчас, с Аллой, мне нужно было сделать девушку счастливой как можно быстрее, а потому я задействовал обе руки, все её отверстия, а ещё сумел дотянуться до сисек — в условиях тесной парилки это стало отдельным подвигом, которым я втайне гордился.

Оргазмирующая женщина теряет волю к сопротивлению. Если на первые касания интимных мест Алла ещё дергалась — больше от неожиданности, разумеется, чем от неприятных ощущений, — то потом ей было не до того. Поэтому я выяснил, что она способна на мультиоргазм — я знал несколько умных слов, — что готова получать удовольствие достаточно долго, но очень быстро устает и сворачивается после этого калачиком. Ну, насколько это возможно на узкой полочке в две доски-пятнашки.

Ещё я узнал, что Алла девственница и может быть невероятно громкой. Впрочем, я сознательно не просил её вести себя тише и надеялся, что добрая бабушка поймет наши молодые порывы. Алле это было нужно. Мне, правда, тоже, но свои потребности я удовлетворил как-то походя — даже не мастурбировал, а кончил от пары сомнительных движений.

После чего вылил на себя всю теплую воду, что оставалась в тазике. Хотелось бессильно опуститься на пол и заснуть — всё же удовлетворение женщин тяжелый труд, кто бы чего ни говорил. Но я заставил себя приготовить ещё один тазик воды с нужной температурой — для Аллы. Ей это было тоже нужно.

— Егор...

— Что? — немедленно откликнулся я.

Алла лежала лицом к стене, и я не видел её мимику. Но её голос ясно давал понять, что у неё всё хорошо.

— Как мы со всем этим справимся?

— Вместе, — также тихо сказал я. — Не бойся, мы не в глухой заднице. Я бы даже сказал, что мы совсем не в заднице. И всё у нас будет хорошо. Я понимаю тебя... ты никогда не была в такой ситуации и боишься. Я тоже не был и тоже боюсь. Но мы справимся, обещаю.

Она немного помолчала.

— Егор?

— Что?

— Я тебя люблю...

«Ох».

— Я тебя тоже, зайчонок.

Я подполз к ней поближе и ткнулся лбом в очень горячую поясницу, а руку положил на небольшой изгиб у попы.

— Нам пора, Ал, — сказал я, жалея о том, что этот момент не может длиться вечно. —

Пойдем сохнуть и будем выбираться отсюда. Нам ещё часов восемь ехать.

Она что-то промурчала в ответ.

И я решил дать ей целых пять минут блаженного покоя.

Глава 17. Посттравматический отпуск

С бабушкой из деревни Красный Колос мы простились очень тепло. Она явно слышала те звуки, что издавала Алла во время помывки, даже проверила баньку, пока мы возились у машины, но придрататься там было не к чему. Я всё прибрал, помыл, долил израсходованное в горячий бак, принес ещё пару ведер холодной воды и отправил веник отмачиваться в ту самую лоханку, а сбитые листья собрал и выкинул. Бабуля кидала на нас очень хитрые взгляды, как бы говоря, что всё про нас знает; я был уверен, что вечером она с подружками обсудит это происшествие и разберет нас по косточкам, но мне было на это наплевать.

Зато я сумел всучить ей целую пятерку, что было, конечно, дороговато за полчаса водных процедур, но дешевле, чем то, что произошло во время оных — я вообще не знал, как это оценить в дензнаках. Тем более что собранный в дорогу харч оказался весьма богатым — с десятков пирожков с картошкой, яйца, соленые огурцы, хлеб и даже мягкий домашний сыр. Пирожки, кстати, оказались очень вкусными — мы их опробовали, как только снова оказались на трассе.

Имени бабушки я так и не спросил. Впрочем, это меня почти не смущало.

Настроение Аллы радикально изменилось. Она не упоминала то, что произошло в бане; я её понимал — новые ощущения требовали хорошего осмысления — и тоже не задавал дурацких вопросов вроде «тебе понравилось?». Я и так знал, что понравилось. А для всего остального требовалось время и ещё раз время. Но она хотя бы переключилась с событий в Шахтах, и теперь активно планировала наш отдых в Анапе.

В Ростове-на-Дону мы всё-таки остановились — у нас полностью закончились запасы хоть какого-то питья, а канистру с водой я в качестве таковой не рассматривал, она существовала на случай, если вазовская система охлаждения скажет «до свидания». Так что нам пришлось сворачивать с относительно комфортной объездной дороги и спотыкаться на светофорах центральных улиц. Это хорошо удлинило наш путь, но мы смогли купить несколько бутылок «Дюшеса», какую-то ряженку в стеклянной бутылке с большой фиолетовой крышечкой из тонкой фольги, небольшой запас печенья и сомнительные яблоки — Алла посчитала, что без фруктов мы не проживем.

Но про вокзал и поезд в Москву ни Алла, ни я не вспомнили ни разу. Мне это вообще не было нужно, а она, похоже, передумала. Впрочем, я и надеялся на что-то подобное. Всё же отпускать её одну куда-либо мне почему-то не хотелось. Девушка своенравная, может и сотворить что-нибудь нехорошее. Или с ней сотворят нехорошее, а меня рядом не окажется, чтобы вытащить её из очередной задницы.

После Ростова я хорошенько прибавил газу. Местные водители, кажется, вообще не подозревали, что ПДД как-то ограничивает скоростной режим, а потому выжимали из своих тарантасов всю доступную мощность. Правда, я старался сильно не наглеть — москвичей тут не любили и сейчас, — но такая свобода позволяла мне спокойно обгонять медлительные ГАЗоны и ЗИЛы.

В Краснодаре я собирался заправиться последний раз, израсходовав все оставшиеся талоны, но нам не повезло. Когда мы нашли заправку где-то на выезде, она оказалась закрытой на учёт; сколько этот учет продлится, никто не знал, торговые точки в этом времени могли пребывать «на учете» бесконечно долго. Поэтому ждать мы не стали, я вылил в бензобак всю запасную канистру и решил передать оставшиеся талоны новому хозяину

«двушки». Ему точно пригодятся.

Они, конечно,годились бы и мне. Талоны можно было продать за наличку, если немного постоять рядом с любой заправкой. Водители государственных автопредприятий — а других в СССР и не было — часто считали служебный транспорт своей собственностью. То есть использовали его в личных целях, гоня в рабочее время по своим делам, но расходуя государственный бензин, за который должны были отчитываться. Покупка с рук тех самых талонов помогала им в этом нелегком деле, так что мои четыре штуки могли принести мне рублей десять или двенадцать, а это заметная сумма для бедного студента. Но у меня в кармане всё ещё лежал конверт от Михаила Сергеевича, в котором сейчас было чуть меньше трехсот рублей, ну а крохобором я не был и в лучшие свои годы. Так что никаких левых операций, буду честным до конца этого странного путешествия.

Ехать я решил вдоль западных отрогов Кавказских гор, по дороге на Крымск и дальше на побережье, на новороссийскую трассу. Не потому, что так было быстрее, а чтобы развлечь Аллу. В своем старом будущем я ездил и тут, через кучу станиц и поселков с регулярными полицейскими засадами в самых неожиданных местах, и севернее, через Славянск-на-Кубани, где было лучше с точки зрения дороги. По красоте южный маршрут выигрывал с большим перевесом.

Можно было, разумеется, двинуться из Краснодара на Джубгу — там были офигенные пейзажи, а часть дороги проходила прямо над отвесным берегом моря, и оттуда открывался чудеснейший вид. Алла точно оценила бы, но наши приключения вымотали даже меня, так что я не рискнул отдаться во власть серпантинов и предпочел более равнинную местность.

На дорогах уже стало людно, движение было плотненьким, встречались даже машины с номерами более северных областей, хотя ростовских и краснодарских было больше. Конечно, до настоящего наплыва автотуристов — да и просто туристов — на Черноморское побережье ещё две-три недели, а самый бум начнется с наступлением лета. Пока что тут было, можно сказать, почти пустынно — особенно если сравнивать с тем, что тут творилось в том будущем, про которое я знал.

До Анапы мы доехали после всех возможных обедов, но хотя бы ранним вечером. Дорогу я уточнил у постовых милиционеров на въезде в город, и совсем скоро мы остановились перед солидным железным забором, который наполовину закрывал большой двухэтажный особняк из белого кирпича. Покупатель «двушки» явно не бедствовал.

Я в последний раз повернул ключи зажигания, выключив двигатель, мы собрали наши вещи, которые за время пути буквально заполнили салон. И я нажал на кнопку звонка, который глухо отозвался где-то в глубине участка какой-то знакомой мелодией. Впрочем, я её не опознал.

Хозяином этого особняка — а теперь и «двушки» — оказался пожилой и совершенно седой армянин, который попросил звать его Самвелом. Мы тоже представились.

Он принял у меня ключи от транспортного средства, которое я уже привык мысленно называть «моим» или «нашим», посидел за рулем, поиграл включателями и выключателями, послушал белый шум радио, а потом развалился на переднем сидении, вытянув ноги наружу.

— Ну как ласточка, хорошая? — спросил он.

— Нормальная, — слегка уклончиво ответил я, поскольку представлял себе, насколько «двушка» далека от нормальных машин. — Всё протянуто и отрегулировано, за эту поездку обкатка закончилась, так что нужно масло поменять и ТО провести, но в целом нареканий нет. Дорогу держит, руля слушается. Что ещё надо от автомобиля?

— Это да, раз ездить, то и хорошо, — согласился Самвел. — Спасибо, что пригнал, век не забуду!

Он преувеличивал, разумеется. Хотя я не исключал, что этот непростой кавказец срисовал нас сразу и на веки вечные, и если ему нужно будет — найдет обязательно. Но думать о плохом не хотелось.

— Вы сейчас куда? — вдруг спросил он.

— Мы хотели на несколько дней в городе остаться, попробуем гостиницу найти или комнату снять, — объявления о сдаче жилья встретили нас за несколько километров от Анапы, а потом ими пестрели все улочки, которые мы проезжали. Что происходило в реальности, какое это жилье и сколько стоит — я не знал, в курортных ценах восьмидесятых не ориентировался, но надеялся, что всё будет не так страшно, как мне представлялось. — Ещё билеты надо на поезд купить, нам пятого в Москве надо быть.

— Э-э-э, с билетами у нас трудно, — Самвел недовольно поцокал языком и покачал головой, как бы показывая нам, насколько это трудно. — Нету у них в кассах билетов никогда. Но если не жалко переплатить два-три конца, но они есть. Вот такая загадка.

Ничего загадочного я в этом не видел. Какую-то систему учета на железной дороге введут совсем скоро, к концу восьмидесятых, но чтобы коренным образом переломить ситуацию, потребуется три десятилетия, введение паспортов, очень жесткий контроль и прочие методы, которыми так славилось наше будущее. Ну а пока процветала спекуляция, отягощенная многочисленными бронями для лиц, которые — по мнению советской системы — имели определенные привилегии. Студенты в категорию привилегированных особ не попадали.

Я не знаю, чего ждал этот мутный Самвел. Возможно, чтобы мы с Аллой впали в отчаяние и стали умолять его о помощи, на которую он явственно намекал. Но у нас за плечами были полторы тысячи километров дороги, происшествие в Шахтах и нечто очень похожее на секс в Красном Колосе. Так что мы были усталыми и безразличными к любым ударам судьбы. К тому же у меня оставались нетронутыми два «вездехода» от предобрейшего Михаила Сергеевича, которые могли помочь и с гостиницей на несколько дней, и с билетами на паровоз в столицу нашей необъятной родины. А где-то рядом были песчаные пляжи, синее Черное море и желтое солнце, которое уже клонилось к закату. Я смотрел в будущее с определенным оптимизмом, поэтому Самвелу не удалось нас поразить. Но этот армянин оказался настырным и зашел с другой стороны.

— У меня квартира есть! Прямо у моря! — радостно воскликнул он. — Однокомнатная, но просторная, с кухней и отдельным санузелом! Если хотите, можете там остановиться!

Это было интересное предложение. Правда, как в том анекдоте, был нюанс. Я был уверен, что этот товарищ даже срать бесплатно не ходит.

— И сколько это будет стоить на пять дней?

— Червонец, — он с хорошо сыгранным сожалением развел руками. — По рублю с человека за сутки. Божеская такса!

Ни на одном из объявлений, которые предлагали жилье в Анапе, цены не фигурировали. За гостиничный номер я готовился отдать рубля три за ночь — или даже пять-шесть, как повезет. Так что это предложение Самвела меня устраивало полностью, в отличие от тройной цены за билеты на поезд. С другой стороны, с билетами он тоже мог помочь, а я был готов немного доплатить за отсутствие необходимости самому махать всемогущей бумажкой.

Конечно, был шанс, что эта квартира находится где-нибудь у черта на куличках — например, этот особняк располагался в каком-то поселке со странным названием Супсех, от которого до песчаных пляжей было километров шесть или даже больше. Будь у меня машина, я бы рискнул остановиться и здесь, но «двушка» нам уже не принадлежала, а пешкодралом таскаться отсюда на пляж — мы скорее вымотаемся, чем отдохнем.

— Согласен, по-божески, — сказал я. — Где она находится?

— Почти у рынка! До моря буквально пять метров!

Тут он явно преувеличивал — вернее, преуменьшал, причем серьезно. Но если квартира находится хотя бы в километре от воды, уже хорошо. Правда, я не стал оповещать Самвела, что понятия не имею, где тут у них рынок. Я лишь понадеялся, что где-нибудь рядом с центром города.

— Хорошо, договорились, — я достал из кармана бумажник, а из него — десятку. У Самвела буквально загорелись глаза, когда он увидел купюру. — Покажете?

— На ласточке отвезу! — радостно пообещал он.

— Ал, ты как? Не против.

Она еле пожала плечами — мол, сам разбирайся, я на всё согласная. Ну и ладно. Побуду немного боссом.

Мы погрузились в привычный салон «двушки» и поехали по узким анапским улицам. Ехали, впрочем, быстро и частично по знакомой дороге — сначала по шоссе к перекрестку, от которого уходили три дороги — по одной из них мы и приехали сюда, там наш гид свернул вглубь города, потом ещё свернул. Водил Самвел уверенно, хотя я бы у него выиграл — если бы мы, конечно, затеяли соревнование.

Вскоре выяснилось, что он решил заодно показать нам город и его достопримечательности.

— У нас в Супсехе, чтобы до моря рядом, но не добраться — отвесная скала прямо вниз. Мы в детстве бегали через город, но это долго... откуда только силы были? Наши хотят лестницу организовать, но это такое дело... мне не нужно, но туристам, наверное, понравится... Это вот морвокзал, если прогуляться по воде решите, то вам сюда, вон там, — жест рукой в неясном направлении, — билеты продаются. Куда прёшь! Пляжи вон там, — ещё один жест рукой куда-то налево, — но вы уходите подальше, тут рядом туристов...

— Егор! Там море!! — воскликнула Алла.

Я повернулся — она буквально прилипла носом к стеклу и смотрела примерно туда, куда указывал Самвел. Сейчас там был парк, но, видимо, она углядела полоску воды, когда мы проезжали одну из аллей. Я пожалел, что не поехал по серпантинной дороге. Да, трудно, но девушек надо радовать.

— ...много, — как ни в чем не бывало закончил свою фразу наш водитель. — Но совсем далеко ходить не надо, там санатории, у них свои порядки, ну их. Немного отойдите от толпы и всё.

— А что, уже приехал народ? — поинтересовался я.

— Не очень пока, но едут и едут, а скоро вся страна тут будет. В эту квартиру уже через неделю записались хорошие люди, по полтора рубля договорился! — похвалился он. — Так что вы сильно не мусорите, — он запнулся. — Но если что, жена уберет. А народ еще поедет, до августа тут этот... как его... ажиотаж — во! — будет. А потом снова тишина и покой, — как-то грустно заключил он.

А я подумал, что этот Самвел вряд ли замешан в каких-то сильно незаконных

операциях. Обычный деятельный армянин с шилом в пятой точке, который хорошо видит выгоду в обыденных вещах и умеет эту выгоду извлекать. У него наверняка полгорода знакомых, а вторая половина когда-то имела с ним дело и осталась довольна сотрудничеством, так что он легко затевает новые предприятия, поскольку знает, что всегда найдет помощников. Пока что он крутится на низовом уровне, но когда Горбачев разрешит кооперативы, этот Самвел будет в первых рядах оформлять нужные бумажки. Да и в девяностые он не пропадет, я почему-то был уверен в этом. Возраст только, но тут ничего не попишешь — все мы смертны.

Я незаметно для водителя выдохнул.

Он показал нам рынок, специально сделал крюк, чтобы Алла ещё раз полюбовалась морем — оказалось, что оно действительно рядом. Да и с квартирой Самвел не обманул, и расположение было козырным, и сама она неплохой. Пятиэтажная кирпичная «хрущевка» и второй этаж, что компенсировало отсутствие лифта. Впрочем, в нашем с Аллой возрасте отсутствие лифта не было большой проблемой.

Квартира мало чем отличалась от знакомых мне планировок — никакая прихожая, в которую хозяева сумели затолкать добротный шкаф, малюсенькая кухонька с пузатым холодильником «ЗИЛ», набором разнокалиберных столов и плитой, полуторная кровать в огромной комнате — и целая стопка раскладушек, которые сейчас пребывали в собранном состоянии. Ну и непременно стенка, из которой Самвел добыл комплект постельного белья.

— У вас тут прямо целое общежитие устроить можно, — указал я на раскладушки.

Мы уже обменялись ценностями — Самвел получил свою десятку, а я — мощный ключ, одиноко висящий на массивном кольце.

— Это на июль-август, — небрежно отозвался он. — Там люди семьями приезжают, бабушки-дедушки, тети-дяди, не считая детишек. Вот и приходится запас иметь.

— И что, они тоже за каждого человека платят? — поинтересовался я из банального любопытства.

— Не всегда, — ему явно не хотелось об этом рассказывать. — Но договариваемся.

Да понятно всё с тобой, жучара.

— Самвел, а с билетами действительно сможешь помочь? — спросил я, когда он уже собрался уходить.

Он ожидаемо напрягся, почувствовав, что выдоил нас не до конца.

— Могу, конечно, — с него можно было рисовать аллегию обиды.

— У меня вот такой документ есть, может, с ним получится дешевле?

Я протянул ему «вездеход», который позволял получить билеты по «брони». Он внимательно изучил небольшой текст, чуть ли не обнюхал подписи — и, видимо, признал синие печати подлинными.

— С этим всё гораздо больше проще получится, — грустно сказал он. — Тут и помощь не нужна, дойдешь до горисполкома, там тебе печать шмяк-шмяк — и иди на вокзал, к администратору. Но если хочешь, то я сам всё это сделаю.

— За сколько? — в лоб спросил я, и он поморщился.

— Пятерка, — нехотя огласил он свой прејскурант. — И эту бумагу я заберу. Вам купе или плацкарту?

Конечно, оставался вариант, при котором через пару дней Самвел виновато разведет руками, сошлется на то, что козырный туз не сыграл из-за расклада, и предложит вернуться к своему первому предложению — то есть хорошенько переплатить за те же самые билеты. Но

придется довериться.

— А СВ есть? — набрался я наглости.

— Есть, конечно, обижаешь. Но они дорогие, по четвертному...

Я быстро прикинул в уме, что какая-нибудь ссаная плацкарта до Москвы обойдется в шесть рублей и вспомнил, что примерно за столько собирался доехать до Шахт и вернуться обратно. Но СВ меня манил — целые сутки наедине с Аллой, что позволит обсудить если не всё, то многое, могли очень сильно повлиять на моё будущее. И я решил, что экономить бессмысленно — сгорел сарай, гори и хата.

— Подходит, — я отсчитал полтинник десятками, добавил пятерку и отдал деньги Самвелу. А потом напомнил: — Нам нужно пятого в Москве быть, но я расписания не знаю и сколько поезд идет...

— Э, не обижай, дорогой, — с моими деньгами в кармане Самвел вёл себя гораздо увереннее. — Всё помню, всё устрою в лучшем виде! Завтра ждите в гости, я к вечеру заеду.

К вечеру так к вечеру. Самвел ушел, я бросил сумку на пол и грузно опустился на кровать. На меня накатила такая дикая усталость, что захотелось лечь и умереть прямо тут. Но это было бы неправильно по отношению к моей спутнице.

— Ал, пошли на море, — сказал я. — Надо же глянуть, что тут и как. И Михаилу Сергеевичу надо позвонить, рассказать, что мы доехали. Вдруг он волнуется.

Алла тоже устала, это было хорошо заметно по её лицу. Никаких набрякших век или мешков под глазами, боже упаси — она была достаточно молода и свежа, чтобы ничего подобного с её лицом не случилось. Просто её реакции чуть запаздывали. Но она не стала упираться, а заодно ещё раз показала мне, что теперь я вхожу в её очень-очень близкий круг. То есть она не ушла с купальником в ванную комнату, а переоделась прямо при мне. Но и я тоже отказался от ложной скромности — стесняться нам и вправду было уже нечего, мы с ней стали почти как муж и жена.

Меня эта ситуация, правда, немного нервировала, поскольку ещё неделю назад женитьба не значилась в моих планах, но сейчас мне нужно было либо однозначно расставлять все точки над «і» и рвать любые отношения с этой симпатичной девушкой, либо мужественно двигаться в направлении ЗАГСа. Обижать Аллу мне не хотелось, она этого не заслуживала, а потому вариант оставался только один. Ну, Казах, предсказатель чертов! Я тебе тоже что-нибудь нагадаю, а потом подстрою так, что оно исполнится.

Вывеску «Почта-телеграф» я видел совсем недалеко от дома, в который мы заселились. Правда, местные технологии здорово отставали от привычных мне, до мобильников это поколение советских людей ещё не дожило. Но всё оказалось чуть быстрее, чем можно было ожидать — я просунул в окошечко оператору бумажку с двумя московскими номерами, на Хользунова и на Соколе, и уже минут через пятнадцать меня позвали к аппарату. Алла, разумеется, увязалась следом, не упустив случая потереться об меня в тесной кабинке, но я и не возражал. Пусть её.

— Егор, добрый вечер, — Михаил Сергеевич говорил как обычно — настойчиво, нажимая на произносимые слова, что делало их немного весомее. — Спасибо, что позвонил. Самвел уже сообщил, что вы добрались и даже похвалился, что сумел вас пристроить, — господи, и когда этот хитрый армянин успел? Он ушел от нас полчаса назад. — Решили взять небольшой отпуск?

— Да, грешновато упускать такую оказию, когда ещё окажемся на море? Летом я к родителям поеду, на родину, а там с морями туго, — как можно небрежнее ответил я. — Так

что ваше предложение о солнечных процедурах после поездки нашло горячий отклик в наших сердцах.

Я даже сквозь телефон почувствовал, что мой собеседник улыбнулся.

— Это хорошо, что я вам помог. Вы помогли мне, я вам — всё честно. Да и вообще оказиями нужно пользоваться, на то они и оказии. Кстати, я так понял, что ты прибёг к помощи Самвела и для приобретения билетов?

Я немного похолодел. Мне не хотелось выглядеть в глазах этого прожженного чиновника каким-то лохом.

— Да... Что-то не так?

— Да нет, всё так. За Самвела не переживай, он человек надежный, сын моего старого товарища, мы работали вместе когда-то... тот ещё делец был, тогда в совнаркоме он только одному министру уступал по ушлости... но то дела старые и неинтересные, — оборвал Михаил Сергеевич вечер воспоминаний.

Насчет «неинтересности» я бы поспорил, но в других обстоятельствах. Что же это за товарищ, которому отец Самвела уступал в ушлости? Микоян? Каганович? Они оба, конечно, входили в Политбюро, что и было их основной работой, но одновременно много лет просидели в разных наркоматах и министерствах. Так что Михаил Сергеевич — а я уже не сомневался, что он как-то связан с союзным Советом министров и находится там в немалых чинах — мог иметь в виду любого из них. Хотя в сочетании с армянином Самвелом под описание больше подходил именно Микоян — тот самый, который «от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича». Оpoznать отца Самвела без знания фамилии я даже не надеялся.

— Речь о служебных документах, которые были тебе доверены, — продолжил Михаил Сергеевич. — Официальные письма не следует передавать в посторонние руки, это базовые правила делопроизводства. Ими должен владеть только тот, кому они вручены. Так что ты зря отдал то письмо Самвелу.

Я облегченно выдохнул. Это было простое внушение — хоть и полностью заслуженное — на будущее, что, наверное, означало, что избавиться от товарища Смиртюкова мне до поры до времени не светит.

— И что делать? — я изобразил растерянность. — Я могу съездить к Самвелу и попросить его вернуть...

— Нет, не нужно ничего, — оборвал меня Михаил Сергеевич. — Самвел лишнего себе не позволит, — «ага, он уже напозволял на квартирку в центре Анапы и двухэтажную усадьбу в пригороде». — А ты слишком молод, чтобы знать наши внутренние правила. К тому же я тоже не углядел — нужно было оставить тебе инструкции, что можно делать и что нельзя. Но это мы ещё обсудим. Вы же пятого собираетесь в Москве быть?

Этот Самвел оказался истинным шпионом — ну или разведчиком, учитывая, что он вроде бы за наших.

— Да, пятого.

— Вот и замечательно, — благодаря тембру голоса Михаила Сергеевича «замечательно» в его исполнении звучало примерно как «ужасно». — Тогда я жду тебя в памятном тебе доме на Соколе в воскресенье, шестого. Удобно будет подъехать к четырем часам пополудни?

Мои планы так далеко, разумеется, не простирались, и я не знал, что на меня свалится по приезду в Москву. Но отказываться было глупо, а любые московские дела вполне можно будет перенести на любое другое время — это было ещё одним из преимуществ юности.

— Конечно, удобно.

— Девушку твою, Аллу, тоже приглашаю. Думаю, вам будет приятно прийти вдвоем, — я был готов поклясться, что старик хихикнул, но его голос звучал по-прежнему строго и властно. — Тогда и поговорим более обстоятельно о том, кому и какой документ можно передавать и в каких обстоятельствах. Так что хорошего вам отдыха и жаркого солнца. До свидания.

Он повесил трубку, не дожидаясь моего жалкого благодарственного блеяния. А я снова покрылся холодным потом. Уважаемый Михаил Сергеевич явно имел в виду не только случай с Самвелом и «вездеходом» на билеты, но и то, что произошло в Шахтах. Вернее, он напрямую напомнил мне, что я воспользовался его бумагой для того, чтобы отмазаться от милиции. И, видимо, мне собираются сделать за это хорошее такое атата.

Впрочем, я достаточно быстро взял себя в руки. Если бы я совершил что-то слишком запретное, старик разговаривал бы со мной совсем иначе. Возможно, всё ограничится устным внушением — правда, я не совсем понимал, зачем нужно, чтобы при этом присутствовала и Алла. Для унижения меня? Или я слишком себя накручиваю.

Я постарался выкинуть дурные мысли из головы, и через несколько дней констатировал, что мне это почти удалось. Благодаря Алле.

После разговора с Москвой мы с ней всё-таки добрались до роскошного песчаного пляжа, на котором грелась в лучах заходящего солнца целая толпа отдыхающих — то ли местных, то ли приезжих, фиг их в плавках и купальниках разберешь. По-быстрому окунулись в холодноватую воду — просто, чтобы отпраздновать наш приезд, — позагорали, прогулялись вдоль моря, немного не дойдя до Джемете, и вернулись обратно, на набережную, где поели в кафешке без названия. Еда, конечно, была так себе, но она включала первое, второе и непременно компот, так что наши желудки удовлетворились произведениям местных кулинаров. Хотя и в магазинчик у нашего дома мы тоже заглянули, купив не перекусы в машину, а нормальные продукты, из которых я собирался приготовить что-нибудь сам — все необходимые принадлежности на кухне у Самвела имелись. Не из-за жадности, чтобы не тратить драгоценные дензнаки, а потому, что себе я доверял гораздо больше, чем поварам из анапского общепита.

Наш короткий отпуск пролетел как-то слишком стремительно. Утром мы вставали поздно, я готовил нам завтрак, стараясь делать его разнообразным — то обычную яичницу-болтушку, то французские тосты, то блинчики. Мы немного купались и много загорали, гуляли по городу и посмотрели все местные достопримечательности. Мы покатались на аттракционах в местном парке — Алла была в восторге, а я не проникся. Но мне такие развлечения всегда не нравились.

Мы заглянули на руины древнего города Горгиппии, дошли до турецких ворот и сплавали на прогулочном катере, чтобы увидеть дельфинов. От экскурсии на Большой Утриш единогласно отказались, хотя Самвел, который на второй день привез нам обещанные билеты, пытался сосватать нам своего знакомого, который «всё там знает» и «домчит быстрее ветра». К ещё одной длинной, на целый день, поездке на машине мы пока не были готовы.

В какой-то из дней мы с Аллой добрались и до пляжей Джемете, хотя они нас не особо впечатлили — ничего необычного в тамошнем песке не водилось, а таскаться в такую даль ради того же самого солнца, что и в самой Анапе, было неразумно.

Иногда заходили в кафе и столовые, которых было относительно много и которые пока

что не были заполнены тысячами туристов со всего Союза. Правда, расслабленность поваров нас не порадовала — они умудрялись подпортить даже самые простые блюда вроде пельменей, а уж обвешивали, похоже, машинально, даже не осознавая, что делают.

И, конечно, мы занимались сексом — правда, в той версии, которая не предполагала непосредственного физического контакта. Я узнавал нужные точки на теле Аллы и пользовался ими, чтобы заставить девушку стонать от удовольствия. А она осваивала непростое искусство обращения с мужским членом; я, конечно, опасался доверять ей самую ценную часть своего организма, но никакой замены оперативно придумать не смог и смирился. В конце концов, даже такой опыт был весьма любопытен — причём нам обоим.

За эти дни мы с Аллой сблизились так, как многие супруги не сближаются за много лет, проведенных вместе. Она рассказывала мне о своем детстве, о том, как папа постоянно пропадал в командировках, а мама — на каких-то бесконечных совещаниях, и как она обижалась на родителей за то, что они не уделяют никакого внимания единственной дочери... Я понимал, что многое в этом рассказе — простая абберрация сознания, и что родители Аллы проводили с ней столько времени, сколько могли, и, скорее всего, выгадывали минуты от каких-то важных для них дел. Но я не стал говорить об этом девушке — смерть матери была для неё настоящим горем, и ходить вокруг опасной темы я не хотел. Вместо этого я рассказывал ей про то, как рос сам — ничего интересного там не было, но это с моей точки зрения. К тому же за пять десятилетий мои воспоминания о детстве хорошенько потускнели и идеализировались, так что Алла временами приходила в настоящий ужас от историй про карбид или пороховые макароны и о том, что мы с ними делали на окрестных пустырях, ещё не застроенных новыми микрорайонами.

Узнал я и историю её появления в нашей общаге. Алла была девушкой компанейской, но строгой, когда дело касалось отношений — сама она этого прямо не говорила, но после её рассказа у меня сложилось именно такое впечатление. Похоже, как раз из-за своей строгости она поссорилась с тем парнем, который свел её с Врубелем, и из-за этого потеряла ещё несколько весьма перспективных женихов, с которыми познакомилась уже на концертах в МИФИ и ещё в каком-то полуподпольном клубе в Зеленограде. Те хотели всего и сразу, а после категорического отказа исчезали из жизни Аллы в направлении более стоворчивых девиц. Типа пресловутой Ирки, которую я так и не сподобился увидеть.

Алла познакомилась с Ирккой во время очередного сейшена. Та приехала покорять Москву из ещё более глухой провинции, чем я, к заборостроению относилась с пренебрежением, рассчитывая всего лишь удачно выскочить замуж. И вела себя соответственно — в отличие от в целом блюдущей добродетель Аллы, которая, кажется, тоже втайне хотела быть «как Ирка», но стеснялась. Конечно, она могла ещё бояться папы, бабушки и осуждения окружающих, но это были лишь мои догадки, которые я благоразумно держал при себе. Ирка ничего не боялась и очень быстро отдавалась тому, кто проявлял хотя бы видимость заинтересованности в её молодом теле. Со слов Аллы, эта Ирка была красивой и эффектной, но я не помнил ни одной старшекурсницы в нашей общаге, подходящей под это описание. Красивые были, отрицать глупо; эффектные тоже имелись, хотя эффект эффекту рознь. А вот красивые и эффектные... во всяком случае, я таких не встречал.

Как бы то ни было, Ирка и Алла подружились. Вместе таскались по сейшенам и по городу, вместе обсуждали потенциальных кандидатов в мужья, разбирали по косточкам их достоинства и недостатки. Для кандидатов такой тандем тоже оказался удобен — тот, кто получал категорический отказ от Аллы, мог оперативно переключиться на её подругу и всё-

таки получить желаемое. Правда, обе девушки при этом оказывались в полете — и пока что ни той, ни другой не удалось обзавестись прочными отношениями с представителями противоположного пола. В принципе, это было закономерно, но и этот вывод я не стал озвучивать.

В нашу общагу Алла приезжала несколько раз, и каждый раз её визит совпадал с грандиозной пьянкой, которую затевала Ирка или кто-то из её многочисленных подруг. Наученные каким-то печальным опытом первых курсов, мужчин на эти пьянки они не звали. Заканчивались их вечеринки по-разному, но в целом Алла была хорошо знакома с алкоголем; курить она тоже приучилась у нас.

Правда, Алла совершенно не помнила, как она попала к нам на кухню. По идее, в это время она должна была спать мертвецким сном в Иркиной комнате; где она добрала нужную для поиска приключений норму алкоголя, Алла тоже не знала. И вообще первое её осознанное воспоминание в тот день касалось того самого момента, когда она проснулась в нашей комнате и увидела меня.

Ещё Алла призналась, что уговорила Ирку пожертвовать своим билетом, чтобы сводить меня на тот сейшен, и до сих пор торчит подруге десятку. Но рассказывать о том, почему она решилась на такой акт невиданного благородства, Алла не стала. А я и не настаивал. Это всё равно ничего не меняло.

Наверное, любовь с первого взгляда всё-таки существует. Влюбилась в меня Алла или лишь вообразила с перепою, что влюбилась — бог весть. Но, видимо, продолжение нашего общения всё же пробудило в ней какие-то чувства, поначалу, возможно, весьма неопределенные. Думаю, она и на поездку со мной на юг решилась от какого-то бабского отчаяния, хотя вот тут я ступал на тонкий лёд догадок и предположений и мог категорическим образом ошибаться. Впрочем, вот эта Аллочка, которая никогда толком не любила — даже того своего как бы парня — и не выходила замуж, могла действовать неосознанно, опираясь на какие-то неведомые науке инстинкты. Помнится, в книге про одного английского волшебника был особый препарат, после приема которого человек мог совершать самые глупые поступки, а в итоге получать то, что нужно. У них это называлось магическим зельем удачи. В магию я, конечно, не верил, но вот в удачу — да. Удача в моей жизни иногда присутствовала.

Со мной ситуация была ещё более любопытной. Я и любовь с первого взгляда существовали в перпендикулярных вселенных. За свою первую жизнь я прошел через много отношений; что-то похожее на этот пресловутый первый взгляд у меня было лишь с первой женой, хотя сейчас я сомневался и в этом. Кажется, и тогда я просто поддался на банальную манипуляцию, из-за общей ленивости не сделав ничего для собственного спасения.

Сейчас происходило почти то же самое, но с одним исключением. Алла, конечно, манипулировала мною, но вот результат манипуляций мог её серьезно удивить — и, наверное, удивил на том пляже в Верхнем Мамоне. А что до бани в этом Колосе... я проехал вместе с этой девушкой добрую тысячу километров, сотню раз преломил один хлеб и спас её от кровавого маньяка. Лишь после всех этих подвигов я сдался — наверное, разглядел что-то в этом хрупком создании. А что именно я разглядел, мне ещё предстояло выяснить, если, конечно, она позволит мне проводить над собой бесчеловечные опыты.

Продолжение следует

Больше книг на сайте - Knigoed.net